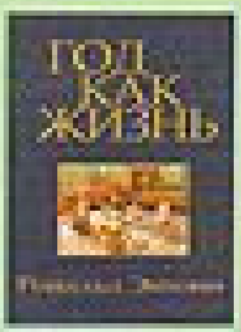
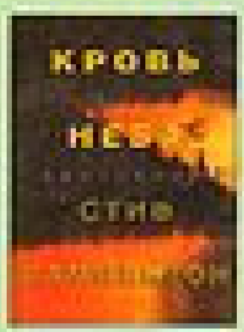
РИДЕРЗ ДАЙДЖЕСТ

ИЗБРАННЫЕ РОМАНЫ





SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Майор Фил Эшби. «Неуязвимый». В молодости во время службы в морской пехоте Фил Эшби испытывал свои силы и храбрость, действуя на пределе возможного. Поэтому работа в Макени при миротворческой миссии ООН в Сьерра-Леоне показалась ему относительно простой. Но все обернулось иначе. Неожиданно Эшби и его товарищам пришлось отражать нападения враждебных, безжалостных повстанцев. Замечательная история совершенно реального героя.

- Фил Эшби
  -
  - Пролог
  - Выйти сухим из воды
  - Обучение выживанию
  - Инструктор по горной и арктической подготовке
  - Миссия мира в Сьерра-Леоне
  - Разоружаем повстанцев
  - Как развязать гражданскую войну
  - В окружении
  - В бегах
  - Последствия
  - Последнее испытание
  - Майор Фил Эшби
- notes
  - 1

Фил Эшби
Неуязвимый

Сокращение романов, вошедших в этот том, выполнено Ридерз Дайджест Ассосиэйшн, Инк. по особой договоренности с издателями, авторами и правообладателями.

Все персонажи и события, описываемые в романах, вымышленные. Любое совпадение с реальными событиями и людьми — случайность.

Пролог

Тридцатый день моего рождения памятен мне по причинам, в которых ничего хорошего нет. Я провел утро, лежа под деревом и трясясь от малярии, голова моя трещала так, словно кто-то забыл на ней автобус.

Неделю спустя малярия оказалась самой малой из моих проблем: гражданская война докатилась и до меня. Пятьсот моих коллег из сил Организации Объединенных Наций были убиты или взяты в плен повстанцами, которые жаждали теперь моей крови. Мы вместе с тремя другими товарищами оказались в ловушке — в маленьком укрепленном лагере, окруженные множеством солдат-повстанцев. Попытки выручить нас провалились. Как провалились и попытки переговоров. Мы остались одни.

Всю жизнь я изыскивал возможности испытать свои силы и благодаря удаче, военной подготовке или сочетанию того и другого побеждал обстоятельства. Теперь, глядя на посты боевого охранения повстанцев, я мог только гадать, не покинула ли меня удача и достаточно ли хороша моя военная подготовка. Мы были голодны и безоружны: шансы уцелеть равнялись нулю. Но мы знали, что лучше получить пулю при прорыве, чем оказаться в плену и под пытками. Мы видели, что способны сделать с человеком повстанцы.

Нам предстояло перелезть через стену. Медлить нельзя: силы на исходе. Следовало принять решение. И я его принял.

Выйти сухим из воды

Если вы желаете пожить в самых суровых для человека условиях, самое для вас лучшее — вырасти на западном побережье Шотландии. Если вы не заплутаете в горах Кэрнгорм, когда метет метель и не видно даже собственной поднесенной к лицу ладони, то вы не заблудитесь нигде. А после шотландских комаров-дергунов вы легко справитесь даже с тропическими москитами.

Более того, если вы собираетесь стать коммандос, а в конце концов и горным инструктором, способным выдержать тяжелейшие физические и психологические нагрузки, вам поможет и любовь к жизни под открытым небом, и умение хорошо переносить высоту. Я начал приобретать и то и другое с детства, когда ходил в походы, плавал под парусом, купался в ледяной реке Клайд и — что самое восхитительное — сидел на плечах отца, летевшего на водных лыжах по озеру Лох-Ломонд. Или же лазал по деревьям — ранний признак моей любви к высоте.

Должно быть, все это сидело у меня в генах. Отец, инженер-ядерщик, служивший на подводных лодках военно-морского флота, был человеком закаленным, большим любителем походной жизни. Родившийся в Новой Зеландии и выросший в Канаде, он твердо верил в то, что «закалка характера» — вещь необходимая для всех членов семьи. Лишь повзрослев, я узнал, что не все отцы водят своих детей в дальние ночные походы по горам. Помню, я как-то спросил его, почему все в горнолыжном центре Глен-Ко пользуются подъемниками, а мы топаем с лыжами на своих двоих. Папа ответил, что не любит стоять в очередях и что, дожидаясь подъемника, мы только промерзнем, — такое объяснение меня вполне устроило.

Правда, мама тревожилась за меня, однако я, подобно большинству мальчишек, не желал, чтобы со мною нянчились, и потому все ее попытки искоренить мои авантюрные наклонности оказывались тщетными. В конце концов она, видимо, решила: пусть учится на собственных ошибках.

Родители отправили меня в школу-интернат. Я получил стипендию, позволявшую учиться в колледже Гленалмонд. То была одна из расположенных бог весть в какой глуши шотландских школ, в которой энергию мальчиков направляют на спорт и иные занятия на свежем воздухе — хотя бы потому, что возможности заняться чем-то менее благотворным попросту отсутствуют. Не много найдется школ, где зимой по средам

ученикам вместо футбола предлагают восхождение на ледники.

Я начал приобретать репутацию рискового парня, которому все нипочем. Как-то раз, заскучав на уроке географии, я смотрел в окно: у стены школы в это время вываливали из грузовика кучу угля. И подумал: а что, пожалуй, можно выпрыгнуть из окна класса на третьем этаже и приземлиться на эту кучу, ничего себе не повредив. Я сказал об этом друзьям, но те подумали, что я спятил. А я решил доказать им, что я прав. Когда стемнело, я прокрался в класс, открыл окно, забрался на подоконник, примерился и спрыгнул на уголь. Ощущение было такое, словно я приземлился на песчаную дюну — назад я шел, весь покрытый угольной пылью, но с победной улыбкой. Слухи о моем «подвиге» облетели всю школу, и еще один смельчак на следующий вечер вызвался проделать тот же трюк. Подстрекаемый товарищами, он прыгнул, пролетел по воздуху, врезался в землю и остался лежать, крича от боли и обиды. Он не заметил, что после полудня пришли рабочие и перекидали уголь в какое-то другое место.

Может, я и склонен к безрассудству, однако, перед тем как прыгнуть, всегда смотрю, куда мне предстоит приземлиться.

По результатам выпускных экзаменов я смог поступить в Кембридж. Мне дали пару наград за успехи в учебе, но предметом моей гордости стал поставленный мною школьный рекорд по прыжкам с шестом и то, что я могу четыре раза проплыть от края до края бассейна, не выныривая. Кроме того, я несколько раз получал сотрясение мозга, сражаясь в регби, и едва не был изгнан из школы за то, что поджег (непреднамеренно) постель моего соседа по спальне.

По окончании школы мне было семнадцать лет, и я хотел, прежде чем отправиться в университет, совершить «взрослый поступок». Я подумывал о службе в армии, но туда брали с восемнадцати, к тому же мне не понравился старый и грубый полковник, который проводил собеседование. Более сильное впечатление произвел на меня заглянувший в нашу школу офицер морской пехоты. Он заставил группу учеников совершить длинную пробежку и переплыть реку, а после сводил нас в пивную. Вот это было как раз в моем вкусе. К тому же в морские пехотинцы принимают в семнадцать с половиной лет. Поэтому, когда мне исполнилось семнадцать с половиной плюс еще три дня, я поступил на «промежуточный год» в морскую пехоту и получил звание второго лейтенанта. Я стал самым молодым офицером армии ее величества.

В тот год мне довелось участвовать в учениях, которые проводились в Норвегии вместе с 42-й командой королевской

морской пехоты. Нас обучали горные инструкторы из элитного горно-альпийского подразделения, и мне очень хотелось попасть в их ряды. Вернувшись в Британию, я прошел очень непростой курс подготовки коммандос, получил зеленый берет и обзавелся несколькими верными друзьями. Я понимал, что, поступив в морскую пехоту на полный срок службы, должен буду пройти этот курс снова — и много других в придачу.

Морская пехота предложила мне денежное пособие для учебы в Пембрук-колледже Кембриджского университета, и я провел три очень приятных года, изучая инженерное дело. Учеба требовала немалого напряжения сил, особенно если учесть отвлекающие моменты… а меня отвлечь легче легкого.

Чего я не знал, пока не оказался в Кембридже, так это того, что здесь перед скалолазом открывается куча возможностей. Здесь нет гор, зато есть долгие каникулы (позволяющие съездить в Шотландию или в Альпы) и здания, которые не только ласкают глаз, но и внушают желание на них взобраться.

Лазанье по стенам домов стало в Кембридже чем-то вроде культа. Университетские власти давно уже запретили это развлечение — на том справедливом основании, что студенты, пытающиеся взобраться на здание, периодически срываются и разбиваются насмерть. Так что несгибаемым скалолазам вроде меня приходилось заниматься нашим видом спорта по ночам. Восхождения эти были уникальными — без страховочных веревок, в темноте. Запоминающиеся получались ночи. Мы освоили все классические маршруты, добавив к ним несколько собственных «первых восхождений».

Из-за моей любви к воде мы также первыми произвели один спуск, едва не обернувшийся для нас бедой. После затяжных дождей уровень воды в реке Кем повысился, и мы с моим другом Питом решили, что река достаточно глубока, чтобы спрыгнуть в нее с крыши шестиэтажного Сент-Джонз-колледжа. Быстрая рекогносцировка позволила нам убедиться в отсутствии затонувших магазинных тележек, после чего мы забрались на удобно изукрашенный мост Вздохов, а с него и на нашу отправную точку, на крышу. Оказавшись там, мы почти сразу сообразили, что идея наша глупа, и согласились с тем, что можно пойти на попятный без риска запятнать репутацию.

К несчастью, именно в этот миг нас заметил какой-то заботливый горожанин. «Не прыгайте! Все не так плохо, как вам кажется! Вон привратники идут, они помогут вам спуститься…»

Мы как-то не были уверены, что привратники колледжа проникнутся к нам таким же сочувствием. И, отменив наше предыдущее решение не прыгать, ухнули вниз — в воду глубиной

не более метра и в какую-то мягкую грязь. Мы собирались проделать это упражнение тихо и незаметно — увы, оно превратилось в публичный спектакль. Кто-то вызвал полицию. В поднявшейся суете мы позволили течению отнести нас вниз примерно на полкилометра, а после вылезли из реки и вернулись домой.

Выучка, которую я прошел дома и в школе, сделала меня умелым и опытным для моего возраста альпинистом. Больше того, шесть месяцев университетских каникул и обеспеченная морской пехотой финансовая независимость давали мне прекрасную возможность еще больше расширить мой опыт в скалолазании. Этому способствовали поездки в Грецию, Испанию, Курдистан и Исландию, не считая многочисленных экспедиций в Альпы.

Еще одна кембриджская ночь, памятная мне по причинам более романтического свойства, пришлась на День Св. Валентина 1991 года, когда я впервые встретился с Анной. Хорошенькая шотландская девушка, изучавшая французский и арабский языки, она сразу прониклась моими интересами, моей страстью к приключениям. Мы полюбили друг друга и вскоре стали неразлучны.

Учеба в университете подходила к концу, и мне хотелось как можно больше всего успеть, прежде чем я снова окажусь в морской пехоте. Поэтому в мае 1991 года, за две недели до выпускных экзаменов, после хорошей попойки голос совести, твердивший о том, что надо готовиться к экзаменам, надолго замолк. Поздним вечером в пятницу я с тремя приятелями приехал в Скалистый край и завалился спать прямо в машине у паба.

Весь следующий день мы лазали по отвесным склонам из песчаника, и я почувствовал себя достаточно уверенно, чтобы в одиночку совершить восхождение, относящееся к категории «исключительно сложное». С земли затея выглядела отчаянной — двадцать метров гладкого отвесного камня с крошечными зацепками для пальцев; что касается ног, тут приходилось рассчитывать только на силу трения. Прикидывая маршрут снизу, я сильно нервничал. Однако, едва покинув землю, я успокоился и сосредоточился на том, что делаю.

Крепкие нервы полезны в большинстве человеческих занятий, но в скалолазании они просто необходимы. Мне приходилось видеть скалолазов, которые теряли самообладание, начинали дрожать и буквально сами себя стряхивали с каменной стены. На меня же страх нередко действовал положительно — ничто не

позволяет так хорошо сконцентрироваться. Собственно, я так люблю лазать по скалам отчасти потому, что занятие это снимает стресс. Мелкие тяготы жизни отходят на задний план. Срочные дела, заботы и обязательства — все это уже не имеет значения, когда ты находишься в ста метрах над землей и малейшая оплошность может означать для тебя падение в объятия смерти.

И разумеется, лазанье по скалам насыщает кровь адреналином. Спустя какое-то время то, что ты находишься высоко над землей, начинает скорее возбуждать, чем пугать, а напряженные физические усилия лишь добавляют яркости ощущениям. Суровая красота гор у многих вызывает восхищение. А у скалолаза это чувство еще сильней из-за личной причастности к тому, что он видит вокруг.

Для меня лазанье по скалам — двойной вызов, двойная нагрузка, и умственная, и физическая. Лучшие из скалолазов обладают трезвым умом и большой мышечной силой, а также гибкостью, чувством равновесия и хорошей реакцией. Я всегда замечал за собой способность контролировать потенциально опасные ситуации, когда секундная паника может обернуться катастрофой. Это мне впоследствии пригодилось и в армейской жизни. В то же время я просто наслаждался лазаньем по скалам — будучи уверен, как и прочие молодые люди, что несчастные случаи выпадают только на долю других. То, что случилось со мной в июле 1990 года, когда я оказался на волосок от смерти, лишь незначительно пошатнуло эту мою довольно высокомерную позицию.

Я лазал тогда по Французским Альпам вместе с приятелем по имени Марк. То был наголо обритый парень с бычьей шеей и шрамами по всему лицу (он был заядлый регбист), походивший скорее на вышибалу, чем на преподавателя латыни, коим он на деле и являлся. Я готов был доверить Марку свою жизнь, и мы с ним составили сильную, пусть и не очень миловидную, команду альпинистов.

Одна из самых внушительных гор, расположенных вблизи Шамони, — Игла Друидов, гранитный пик высотой 3900 метров, нависающий над ледником, именуемым Море Льда. Прошлым летом мы с Марком взошли на него с юго-западной стороны. Теперь нам хотелось попробовать северную. По северной стене Иглы проходит один из шести классических альпинистских маршрутов — длинный, крутой, открытый всем ветрам путь по камням, обычно не осыпающимся, если верить путеводителям…

Восхождение занимает два дня, на середине маршрута расположены отличные бивачные полки. (Полка — это выступ на отвесной скале, достаточно широкий, чтобы просидеть или

пролежать на нем ночь.) Поднявшись в первый день на шестьсот метров, мы с Марком добрались до полки, рекомендованной путеводителем как лучшее для ночного отдыха место. Однако до сумерек оставалась пара часов, и мы, повинуясь порыву, решили пройти вверх еще несколько участков, хоть и знали: в таком случае ночь придется провести на лежащей вверху полке поуже. Спальных мешков мы, чтобы облегчить восхождение, с собой не взяли, однако у нас имелась газовая горелка и одежда наша была достаточно теплой, так что мы не боялись замерзнуть. Ночь выдалась холодная, но очень ясная, и мы, сидя на полке, видели далеко внизу огни Шамони. Мы коротали время, болтая и попивая чай, и наконец задремали, надежно прикрепившись к каменной поверхности, чтобы не свалиться с полки во сне. Каждые несколько минут я просыпался, дрожа от холода, устраивался поудобнее, чтобы согреться, и вновь засыпал.

За час до рассвета мы так окоченели, что не могли больше лежать. Проснулись, позавтракали: накололи льда — его много скопилось в каменной впадине, — растопили его с помощью горелки и сварили овсянку. За завтраком мы немного повздорили: Марк поносил мою стряпню, а я роптал на его ночной храп. И в итоге сошлись на том, что на ночь мы устроились так себе, однако поразительное зрелище восхода солнца вполне это искупает. Глянув вниз, мы увидели налобные фонари других альпинистов, устроившихся на нижних полках.

Следующий участок восхождения пролегал по расщелине с отвесными краями. Мне предстояло идти первым, и я, крикнув вниз Марку, чтобы он не спускал с меня глаз, начал передвигаться по расщелине «крестом», а это в восхождении самое трудное.

И именно в этот миг мы услышали грохот. Где-то над нами начался сильный камнепад. Я понял: убраться с дороги я не успею. Если камни летят в моем направлении, мне крышка. Если же они пронесутся мимо, тогда моя главная задача — не сорваться. Не поддаваясь панике, я сосредоточился на ближайших зацепках, стараясь о камнепаде не думать.

Огромные валуны пронеслись чуть левее нас и покатились дальше вниз. Вся гора сотрясалась от ударов камней, каждый из которых порождал новый камнепад. Воздух вокруг свистел, и припахивало серой, когда валуны на бешеной скорости врезались друг в друга.

В сущности, нам повезло, камни нас не задели. Однако мы с ужасом смотрели, как они, словно в замедленном кино, сметают все с полки, на которой мы собирались провести ночь. Погибли пятеро альпинистов — одних завалило камнями, другие

сорвались вниз. Если бы мы придерживались нашего первоначального плана, то нас постигла бы та же участь.

Мы прикинули, не вернуться ли назад, однако, если честно, при таком камнепаде мы мало чем могли помочь другим альпинистам. Да и в любом случае с минуты на минуту здесь появятся вертолеты спасателей, а нам не хотелось добавлять к их проблемам еще и наши трудности.

И мы продолжили путь наверх — в горах он безопаснее всего. Поднимаясь, мы видели, как меняется сама форма горы. Спасательные вертолеты «алуэт» жужжали под нами, выискивая уцелевших. Мы добрались до вершины, радуясь тому, что снова видим солнце. Сидя на вершине, Марк, «крутой северянин-регбист», и Фил, «крепкий морской пехотинец», сошлись на том, что им стоит обняться. Несколько минут мне казалось, что впредь я буду вполне счастлив и без восхождений. Чувство это впоследствии выветрилось, оставив во мне острое ощущение того, что я смертен. Я люблю приключения, однако люблю и жизнь, и, в отличие от некоторых, тяга к смерти мне не свойственна, что бы там ни говорили мои друзья.

Под вечер, достигнув Шамони после долгого и трудного спуска, мы зашли в местную жандармерию и рассказали о том, свидетелями чего стали. В жандармерии, увидев нас, удивились — там считали, что никто из ушедших на северный склон не выжил. А я поневоле дивился: как нам удалось уцелеть? И впервые, наверное, почувствовал, что за мной присматривает ангел-хранитель.

Я понимал, что сразу после окончания университета надо бы выжать из летних каникул как можно больше — когда начнется служба, такого долгого отпуска уже не дождешься. Существовало еще несчетное число гор, на которые стоило взобраться, но тут один из друзей предложил мне совершить «гребную экспедицию по Северному Ледовитому океану», и это меня заинтриговало. Пит, студент-геолог, предлагал вдвоем попытаться обогнуть архипелаг Шпицберген на деревянной гребной лодке.

О Шпицбергене я до той поры почти ничего не слышал, однако несколько ночей, проведенных с Питом и бутылкой спиртного над картами, раззадорили мой аппетит. Шпицберген лежит на тысячу километров южнее Северного полюса, он примерно тех же размеров, что и Шотландия, и почти полностью покрыт льдом. Белых медведей на нем больше, чем людей. Океан вокруг едва-едва судоходен — и то благодаря тому, что во время короткого полярного лета Гольфстрим на пару месяцев растапливает паковый лед. Впрочем, обогнуть Шпицберген в

гребной лодке никому еще не удавалось.

У Пита был немалый опыт плавания в открытом море, у меня — вполне приличный опыт плавания прибрежного, равно как и привычка к очень сильному холоду. Мы решили, что подготовлены достаточно.

На следующий день после окончания университета Анна проводила нас до аэропорта. Мы улетали в Норвегию, а оттуда в Лонгьир, административный центр Шпицбергена. Дождавшись хорошей погоды, мы вышли в плавание. Шесть недель ушло у нас на то, чтобы, двигаясь по часовой стрелке, пройти расстояние в тысячу километров, половину из них — через паковый лед, и вернуться в исходную точку.

Лодку свою, открытую, пять метров длиной, мы назвали «Котик» (в честь тюленя Белого Котика из «Книги джунглей» Киплинга). Лодка была хорошая, но здорово протекала, так что все шесть недель на холоде мы провели с мокрыми ногами.

Полностью загруженная едой и оборудованием, лодка весила почти полтонны. Ее трудно было бы вытаскивать на берег и спускать на воду — пришлось проводить как можно больше времени на воде. При ясной погоде и спокойном море мы предпочитали спать, стряпать и есть в лодке. Столь дальний север предоставлял нам одно удобство — круглосуточный светлый день. На время всего путешествия нашими стандартными «сутками» стали тридцать шесть часов.

Гребля сама по себе была работой очень тяжелой, однако после первых нескольких дней тела наши освоились с длительными физическими усилиями. Ко времени возвращения домой мы стали худыми, жилистыми и… загорелыми. В такой близости от Северного полюса озонный слой тонок, поэтому ультрафиолетовое солнечное излучение здесь очень сильно и открытые участки тела обгорают чуть не до хрустящей корочки. Вот странно, подумалось мне: на одном конце моего тела коченеют ноги, а на другом — покрывается ожогами лицо.

Мы договорились с датским геодезическим судном, что оно оставит для нас в стратегических точках острова шесть укрытых складов с едой и топливом. В каждом будет находиться горючее для печки и запас продуктов на десять дней — все в герметично закрытых бочках (чтобы уберечь припасы и от погоды, и от мародерствующих белых медведей). Все шесть бочек я сам готовил в своей кембриджской комнате, набив их сублимированными (высушенными замораживанием) продуктами и огромным количеством шоколада. От белых медведей эти бочки защитить припасы смогли, а вот от прожорливых студентов, увы, нет. Когда мы с Питом, холодные и голодные, добрались до

первого из складов, мы испытали некоторое разочарование, обнаружив среди продуктов пустые обертки от шоколадок. Один из моих приятелей, правда, оставил долговую расписку: «Привет, Фил, сейчас два ночи, я устал, а ты — нет. Надеюсь, ты не против, если я позаимствую пару батончиков „Марса“? После куплю тебе новые. С любовью, Энди». Что нам оставалось? Только смеяться.

Когда я впервые увидел белого медведя, морда его находилась сантиметрах в пятнадцати от моего лица — он меня разбудил. Мы ночевали в заброшенной охотничьей сторожке, и я почувствовал, как кто-то толкает меня в бок. Я думал, это Пит, пока не учуял дыхание медведя. От Пита так вонять не могло, поэтому я выглянул из спального мешка и увидел уставившегося на меня зверя. Медведь, по счастью, выглядел скорее любопытствующим, чем голодным, иначе он набросился бы на нас. Летом, когда ловить тюленей становится труднее, голод донимает медведей особенно сильно. Вот почему полярные исследователи и носят с собой мощные винтовки.

Я растолкал Пита, и мы уселись с винтовкой и фотоаппаратом, молча переглядываясь и решая, что лучше: застрелить зверя или сфотографировать его. Убивать медведя нам не хотелось — как-никак, он пощадил нас, не сожрал, да и нападать на нас явно не собирался. В конце концов, мы выстрелили поверх его головы сигнальной ракетой, и он удалился.

Почти каждый день во время нашей экспедиции случалось что-нибудь неожиданное. Один раз мы перевернулись и не единожды обнаруживали, что ветер относит нас от суши быстрее, чем мы способны грести. Ближайшей землей в том направлении, куда нас несло, была Сибирь, а поскольку ее отделяло от нас пять тысяч километров, мы чувствовали себя очень одинокими.

Паковый лед состоит из льдин, которые играют роль маленьких волнорезов, сохраняя поверхность воды спокойной. Это по крайней мере облегчает греблю, однако временами льдин становится так много, что они смыкаются. В этих случаях мы обнаруживали, что можем продвигаться, лишь расталкивая огромные куски льда веслом. Иногда у нас уходил целый час на попытки сдвинуть льдину с места, чтобы образовался проход, и наш «Котик» проплывал между глыбами льда, порой весом в несколько тысяч тонн. В других же местах льдины смыкались полностью, и тогда нам приходилось вытаскивать лодку из воды и толкать ее, точно сани, по замерзшему морю.

Несмотря на трудности — а отчасти и благодаря им, — пребывание в местах, куда заплывают лишь ледоколы, ядерные подводные лодки, белые медведи да заблудившиеся киты, нам

понравилось. Мы оказались в одном из самых диких и прекрасных мест на земле. Проплывая мимо поразительных ледяных скульптур, наблюдая, как от ледников отделяются новые айсберги, глядя на китов, редких птиц, моржей, песцов и северных оленей, можно было забыть о волдырях на ладонях и о ноющей боли в мышцах.

В тех редких случаях, когда море оставалось совершенно спокойным, мы устанавливали в лодке портативный магнитофончик и два маленьких динамика. Экономя на весе, мы взяли с собой только две кассеты — «Солнце на Лите» группы «Проклэймерз» и саундтрек мюзикла «Бриолин».

Как-то раз Пит спал на носу лодки, и я греб один, замерзая и в сотый раз слушая «Бриолин». Я поминутно оглядывался, проверяя, нет ли впереди гроулера (это такой маленький айсберг, способный, если на него наткнешься, повредить лодку). Поскольку до ближайшей суши было километров пятнадцать, увидеть белого медведя я вовсе не ожидал. И вдруг заметил, что кусок льда, находящийся в нескольких метрах впереди, покрыт шерстью и плывет прямо на нас. Я развернул лодку и принялся грести как безумный.

Винтовка наша лежала в непромокаемом футляре на дне лодки. Если бы медведь нагнал лодку, он мог бы с легкостью вывалить нас в воду, мы бы даже не успели вытащить оружие. Я кричал Питу, чтобы тот просыпался, но он решил, что я валяю дурака, стараясь выманить его из спального мешка.

Медведь нагонял нас под голоса Джона Траволты и Оливии Ньютон-Джон, распевающих «Ты тот, кто мне нужен». Я готовился использовать в качестве оружия весло. Пит, поняв наконец, что я не шучу, выбрался из спальника и поспешно схватился за весла. Гребя вдвоем, мы смогли оторваться от нашего преследователя. Однако и теперь еще, когда я слышу эту песню, у меня трясутся поджилки.

Мне случалось пугаться и прежде, но шесть недель постоянного страха вымотали меня эмоционально, и я повзрослел. Не то чтобы после этого у меня пропало желание рисковать — нет, просто я стал основательней обдумывать все, прежде чем пойти на риск. А тренировки коммандос в сравнении с этим испытанием показались мне просто пресными.

После возвращения со Шпицбергена у меня оставалось еще несколько дней, которые я провел с Анной, после чего явился в Учебный центр коммандос в Лимпстоуне, графство Девоншир.

Четвертого сентября 1991 года там начали проходить подготовку, обучаясь на офицеров, тридцать пять человек. Все мы

попали туда в результате очень строгого отбора, а через полтора года двадцать шесть повзрослевших и поумневших мужчин стали офицерами морской пехоты, полностью готовыми к тому, чтобы командовать тридцатью опытными коммандос в любой оперативной обстановке.

В отличие от других частей вооруженных сил Великобритании, офицеры морской пехоты проходят обучение бок о бок с военнослужащими самых разных чинов и званий. Это помогает создать между всеми коммандос обстановку взаимного уважения. Ты прежде всего коммандос, звание — дело второе.

Самая тяжелая часть подготовки офицера — это учебный курс, который необходимо пройти, чтобы получить зеленый берет. Я проходил его во второй раз. Курс длится четыре недели и состоит из трудных полевых учений, изматывающих человека и физически, и духовно. Кончается он проверочными испытаниями. Испытания эти, в основу которых лег боевой опыт тех, кто участвовал во Второй мировой войне, состоят из переходов с полной выкладкой, форсированных маршей и учебных штурмов. Имеет также место и «испытание на выносливость», во время которого приходится бегом и ползком преодолевать десять километров, неся на себе боевую винтовку и десять килограммов снаряжения — по горам, через реки и туннели. Оружие следует сохранять сухим и чистым, поскольку в конце дистанции тебя поджидает стрельбище, на котором ты должен выбить семь мишеней из десяти. Если оружие тебя подводит или ты слишком устал, чтобы точно прицелиться, значит, испытания ты не прошел. Последнее, что ждет всех коммандос, — это пятидесятикилометровый форсированный марш по пересеченной местности с оружием и снаряжением. Офицер должен проделать его за семь часов, прочие — за восемь.

Обучение — дело нелегкое, но и забавного в нем немало. К концу курса мы, по нашим подсчетам, пробежали 4 тысячи километров, проделали 40 тысяч отжиманий и 60 тысяч приседаний и пролезли вверх по канату два с половиной километра.

Мне отчаянно не хотелось лишаться наших с Анной встреч, поэтому мы с ней старались увидеться при первой же возможности. Особенно тяжело давались мне ночные возвращения на автомобиле из Кембриджа, где еще продолжала учиться Анна, в Девоншир. Помню, однажды я проехал среди зимы 430 километров, открыв в машине все окна и хлеща себя, чтобы не заснуть, по щекам, — я хорошо сознавал, что до первого утреннего построения мне удастся провести в постели всего два часа.

Репутация человека, способного выйти сухим из воды, закрепилась за мной и в морской пехоте. Однажды нас разбудили среди ночи и начали задавать заковыристые вопросы по текущей политике. Чем больше было неправильных ответов, тем дальше нас отвозили от лагеря — возвращаться приходилось бегом. А поскольку ни один из нас не смог вспомнить, как зовут президента Эквадора или когда началось вторжение Саддама Хусейна в Кувейт, мы приготовились к дальнему забегу.

В грузовике нас отвезли на место высадки, но во время остановки я ухитрился забраться на брезентовую крышу кузова. Там я и оставался, пока грузовик возвращался в лагерь. При подъезде к лагерю я спрыгнул, сел в свою машину и принялся перебрасывать моих товарищей на базу.

Под конец офицерской подготовки я получил медаль коммандос «За лидерство, самоотверженность и бодрость духа в трудных ситуациях, а также за решительность и храбрость». Меня определили в 45-й отряд коммандос, расквартированный в Шотландии, в городе Арброте, отряду этому предстояло отправиться на шестимесячную операцию в Центральную Америку, в Белиз. Присутствие британских сил помогает поддерживать стабильность в этой бывшей британской колонии. В ходе подготовки меня направили в Бруней (это Юго-Восточная Азия), на курсы инструкторов по ведению боевых действий в джунглях, дабы я набрался там опыта для последующего обучения других членов своего подразделения в Белизе. Несколько лет спустя, уже в Африке, приобретенные в Брунее навыки оказались для меня бесценными.

Разного рода высокотехнологичные устройства работают в джунглях не очень надежно — мешают деревья, поэтому приходится полагаться на базовые воинские навыки, такие, как патрулирование, устройство засад, маскировка. Патрулирование в джунглях — дело трудное, полная темнота под пологом листвы делает ночное передвижение невозможным, но если враг далеко, ты можешь повесить гамак с антимоскитной сеткой и поспать до утра.

Куда менее удобной оказывается жизнь в «жестких условиях». Это означает, что ты находишься слишком близко к врагу, чтобы рискнуть забраться в гамак, разогреть еду или хотя бы снять рубашку и помыться, так что спишь ты на земле, с оружием под боком, а снаряжение — вместо подушки.

В апреле 1993 года мы высадились в Белизе, где я почти полгода помогал руководить тренировочным лагерем в джунглях.

Анна в мое отсутствие изучала арабский язык в Йемене и Сирии. Поддерживать связь нам было не просто. Открытка, которую я послал ей на День Св. Валентина, прежде чем попасть к ней, четыре месяца путешествовала.

Разлука далась нам нелегко, однако после встречи нас ожидали новые трудности.

Мы оба вернулись в Соединенное Королевство к Рождеству 1993 года. На Новый год мы пригласили в Эдинбург компанию друзей, в том числе Алистера, моего школьного приятеля-скалолаза. Мы весело встретили Новый год, легли поздно, так что, когда я на следующее утро стал будить друзей пораньше, любви ко мне у них поубавилось. Прогноз погоды был слишком хорош, чтобы его проигнорировать, а свежий снег — слишком соблазнителен.

Алистер, Анна и я отправились на север, намереваясь облазить группу из шести Манро (шотландские горы высотой свыше 900 метров). Горы эти стоят далеко от автодороги, поэтому, оставив машину на стоянке, мы под лучами зимнего солнца прошли километров двадцать по снегу к горному приюту под названием Шеневал. Здесь мы приготовили при свечах еду и добрали сна, которого нам не хватило в прошлую ночь.

Следующий день выдался более пасмурным, но достаточно светлым — можно было пройтись по горной гряде. Мы вышли в путь на рассвете и направились к восточному гребню нашей первой в этот день горы. Это был прекрасный скалистый пик, гэльское название которого переводится как гора Меча.

По мере подъема снег становился глубже, однако это нас не смущало. Мы остановились, чтобы выкопать снежный шурф — нужно было посмотреть на наслоения снега и выяснить, велика ли угроза схода лавины. Все выглядело прекрасно, однако, как нам вскоре предстояло обнаружить, состояние снега в верхней части горы было далеко не безопасным.

Через два часа мы оказались на участке глубокого снега. Зная, что на самом верху будет неуютно и ветрено, мы с Анной остановились под вершиной полюбоваться видом. Алистер, которому надоела роль третьего лишнего, пошел дальше вверх по гребню. Быстро поцеловавшись, мы с Анной последовали за ним.

Внезапно я услышал глухой удар и почувствовал, как склон под моими ногами подался: мы запустили лавину. Огромный ломоть снега заскользил вниз — и мы поверх него. Я находился чуть выше Анны и прикидывал, не прыгнуть ли мне вбок и не вонзить ли ледоруб во что-нибудь твердое, чтобы остановиться. Но тут я услышал крик Анны и решил остаться с ней. Я ухватил

ее, и мы полетели вниз, цепляясь друг за друга.

В первые несколько секунд, пока мы ехали на снежной плите, склон оставался не очень крутым. Но затем мы докатили до обрыва. Я почувствовал, что мы летим по воздуху, и мысленно помолился. Анна вела себя не столь одухотворенно — ругалась как извозчик.

Я напрягся, предчувствуя столкновение с землей.

Бум-м! Мы с глухим ударом врезались в землю, и на краткий миг я решил, что все закончилось. Несшая нас снежная плита смягчила удар, мы вроде бы не пострадали. Однако теперь гигантская эта плита — квадрат со стороной в пятьдесят метров — разломилась на участки поменьше и помчалась дальше вниз, неся с собой и нас. Мы кувыркались так и этак, я изо всех сил старался защитить Анну, обняв ее, и одновременно пытался упереться ногами во что-нибудь твердое. Нас бросало из стороны в сторону, точно тряпичных кукол, падающие комья снега и льда осыпали нас градом ударов.

В конце концов, скорее благодаря удаче, чем вследствие ловкости, ноги мои уперлись в большой валун, и падение прекратилось. Я лежал ногами вниз по склону, Анна сидела у меня на коленях. На долю секунды я подумал, что мы в безопасности. Но тут на нас накатил остаток лавины, и нас завалило. Казалось, на голову нам обрушились тонны снега. Впрочем, по капризу судьбы мы остановились так резко, что почти весь снег пролетел мимо нас, и потому до поверхности оказалось недалеко.

— Ты как, Анна?

Она смогла лишь слабо простонать в ответ:

— Спина.

Пока мы летели вниз, времени на испуг у нас не оставалось. Однако теперь я ощущал, как страх сжимает мне горло, и сосредоточился на том, чтобы сохранить спокойствие. Я был прижат телом Анны, которую явно терзала боль. Глянув вниз, я увидел, что остановились мы на крутом склоне, почти над обрывом. Если бы мы упали с него, то не уцелели бы. Глянув вверх, я ужаснулся, поняв, какое расстояние мы пролетели — почти сто метров.

Я ощупал себя в поисках повреждений: я мог получить ранения, и лишь адреналин умерял сейчас боль. Все вроде в порядке. Разве что ремешок часов порвался. Возможно, меня отчасти защитил станковый рюкзак. Анне повезло меньше: ее очень сильно помяло.

— Милая, нужно, чтобы ты попыталась слезть с меня.

Мы застряли, причем далеко не надежно, на крутом склоне

над обрывом, и нужно было предотвратить дальнейшее падение. Анна попыталась приподняться, но закричала от боли.

— Пальцами ног ты пошевелить можешь?

Это она могла — хороший знак.

— Ладно, сделай глубокий вдох и еще раз попробуй подняться.

Опять вскрикнула. Я представлял, какую боль она испытывает. Все, что мне оставалось, — это поглубже вбить в снег ноги, удерживать Анну и надеяться, что Алистера лавина не унесла.

Казалось, прошла вечность, прежде чем он появился на гребне над нами. Тактичный, как всегда, он полагал, что мы продолжаем миловаться, и не хотел нам мешать. Но в конце концов вернулся посмотреть, куда мы подевались.

— Что вы там делаете? — крикнул он нам сверху.

— Нам до того понравилась прогулка, что мы решили пройти этот участок еще раз!

— Ладно. Держитесь. Я на подходе.

Он спустился к нам, осторожно, чтобы снова не потревожить снег. Анна перестала стонать, это был зловещий знак: она постепенно теряла сознание. Мы с Алистером провели быстрое «рабочее совещание». Нужно перенести Анну на более ровное и безопасное место, где можно будет натянуть на нее побольше одежды и уложить ее в спальник и в гермомешок, имевшиеся в моем рюкзаке.

Я подозревал, что у Анны сломан позвоночник. Я знал, что переносить ее — значит причинить ей страшную боль, а возможно, и новые увечья, вплоть до паралича. Однако, если мы не сделаем ничего, она умрет от переохлаждения. Чтобы поднять тревогу, потребуются часы (мобильные технологии до этого уголка Шотландии тогда еще не добрались), а операция по спасению может занять несколько дней. И мы приняли решение.

— Милая, нам придется перенести тебя. Прости. Будет больно.

Не обращая внимания на стоны Анны, мы подняли ее и понесли к скальной полке. Мы старались сохранить позу, в которой она завершила падение, это свело к минимуму опасность еще сильнее повредить ей спину.

По возможности мягче мы стряхнули снег с ее одежды и запихали Анну в спальник и мой гермомешок. Пришлось снова игнорировать ее крики. У меня были с собой кое-какие обезболивающие средства, но давать ей их было рискованно: они способны замутить сознание и сделать Анну более податливой для внешних воздействий. Лучше терпеть боль, чем умереть от

холода.

Еще одно рабочее совещание. Я останусь присматривать за Анной, Алистер же отправится за подмогой. До наступления темноты оставалось около четырех часов. Алистер решил двигаться налегке, оставив нам большую часть своей одежды.

Для нас с Анной начались часы долгого ожидания. Я устроил ее поудобнее, а затем начал делать все то, что хоть как-то могло увеличить наши шансы на спасение. Для постройки иглу снег был слишком рыхлым, однако мне удалось соорудить стену, защитившую нас от ветра. Затем я выложил на склоне большой крест из камней, чтобы нас легче было заметить с воздуха. Пока я работал, мы переговаривались, стараясь поднять друг другу настроение. Я хоть и был все это время спокоен, задним числом понимаю, что вел себя странновато. Видимо, после драматичных событий такое случается. В какой-то момент я спросил у Анны, не возражает ли она, если я сбегаю наверх и все-таки поднимусь на пик. Взрыв красочной брани дал мне понять, что это ее не радует.

Температура упала изрядно ниже нуля, а Анна неподвижно лежала в сыром спальнике. Прежде ее била сильная дрожь, теперь дрожь утихла — и не потому, что Анна согрелась. При переохлаждении организм начинает понемногу прекращать работу, и дрожь утихает. Следующие этапы — кома и смерть. Это и происходило сейчас с моей любимой, и я начинал тревожиться не на шутку. Я лег рядом с Анной на снег и обнял ее, чтобы ей стало теплее. Я упрашивал ее поговорить со мной, гладил по лицу — только бы она оставалась в сознании.

Вокруг темнело, и на душе у меня становилось все мрачней. Я чувствовал себя беспомощным, понимая, что Анна может умереть у меня на руках. И решил: если она лишится чувств, я оттащу ее вниз, какими бы повреждениями это ни грозило. Я начал настраивать себя на спуск и подошел к краю полки, чтобы поискать легчайший путь вниз. И увидел внизу, в сумраке, приближающуюся к нам одинокую фигуру. Алистер возвращался.

Спускаться с горы Алистеру пришлось бегом. Оставив нам свою одежду, он вынужден был двигаться быстрее, чтобы согреться. По счастью, до приюта только что добралась еще одна группа пеших туристов. Должно быть, они здорово удивились, увидев скачущего по снегу налегке человека, и, вероятно, приняли его издалека за сумасшедшего. Тем не менее один из них вызвался сбегать за помощью. Я и поныне понятия не имею, кем был этот добрый самаритянин. Подозреваю, что марафонцем, поскольку двадцать километров, отделявших его от дороги, он одолел за три часа — время, при глубоком снеге, замечательное. Нам говорили потом, что, выйдя на дорогу, он попытался

остановить машину, однако несколько водителей проехали мимо. Он почти уже решился угнать стоявший неподалеку автомобиль (мой, надеюсь), но тут рядом с ним наконец остановилась машина. Ближайший телефон находился в нескольких километрах, в поселке Дандоннелл. Там он позвонил по 999.

Нам повезло, на горе Бен-Невис проходили учения ВВС, в которых участвовал вертолет спасателей «си кинг», — оттуда до нас было сорок минут лета. Ненадолго приземлившись в Дандоннелле, чтобы заправиться и забрать спасателей, вертолет отправился искать нас.

Алистер вернулся на гору очень вовремя. Дополнительное снаряжение, которое он принес, позволило нам согреть Анну. Накормив ее горячим куриным супом (вегетарианка с десятилетним стажем, она временно отступилась от своих принципов), мы с Алистером стали устраивать ее на ночь.

Пару часов спустя мы услышали отчетливое биение лопастей вертолетных винтов и увидели сверкание носового прожектора вертолета, поднимавшегося к нам из долины. Мы зажгли фонари, обозначая наше местонахождение.

Спасатели уложили Анну на специальные носилки, осторожно лебедкой втянули их в вертолет, и тот улетел в Инвернесс, в больницу. В отделении неотложной травматологии Анна продемонстрировала истинно шотландскую скаредность, не позволив врачам извлечь ее из моего дорогого спального мешка, разрезав его ножницами. Те пожали плечами: «Ладно». И просто сдернули с нее спальник, проделав что-то вроде трюка со скатертью.

Рентген показал, что один из позвонков треснул, осколки кости сместились «буквально на толщину волоса» в сторону от позвоночника. Анна была на шаг от пожизненного паралича.

Я заставил себя позвонить родителям Анны. Ее отец, сам хорошо знакомый с горами, принял новость со свойственными ему спокойствием и великодушием, я же чувствовал себя прескверно. Может, я в каком-то смысле и спас жизнь его дочери, но, с другой стороны, если бы не я, она вообще не оказалась бы на этой горе. То, что я едва не потерял Анну, стало важнейшей вехой моей жизни и сделало наши с ней отношения еще более крепкими.

Анна провела месяц в неподвижности — на специальной больничной койке — и еще много месяцев ходила в гипсовом корсете, а затем носила спинной бандаж. После нескольких месяцев, проведенных в доме родителей, она заскучала, ей не терпелось выбраться из дома. Она не могла долго ходить, и сидеть ей тоже было тяжело, потому она путешествовала в моей

машине, лежа на старом матрасе. Пару раз она даже отваживалась приезжать поездом, чтобы повидать меня. В поезде она лежала поперек двух сидений или в купе проводника — по-видимому, джин с тоником, подаваемый на британских железных дорогах, был наилучшим из доступных болеутоляющих.

За год академотпуска Анне удалось поправить свое здоровье. А еще она с тех пор пристрастилась к скалолазанию, которое оказалось прекрасной терапией, позволяющей сохранять спину сильной и гибкой, — и как же я радовался! Иметь рядом задушевную подругу, которая к тому же становится на отвесных скалах твоим близким партнером, — это и вправду большая удача. Мы оба знаем по реальному опыту, что способны удержать друг друга от падения.

Обучение выживанию

«Помните, все вы — добровольцы», — говорил нам Снежный Сноуден, старшина курсов подготовки горных инструкторов. Впрочем, когда ты продрог до костей и вымотался, напоминание о том, что ты терпишь все по собственной воле и можешь в любую минуту от всего отказаться, — это вовсе не то, что хочется слышать. Чуть не валясь с ног от усталости, я все старался припомнить, с какой стати я решил стать горным инструктором.

Одна из задач морских пехотинцев — это ведение военных действий в условиях холода, и помогают им в этом специально обученные инструкторы, которых называют «горными лидерами». Для того чтобы стать таким инструктором, необходимо пройти самый длинный и, пожалуй, самый тяжелый специальный курс подготовки пехотинца, какой только существует в мире. Пройдя его, ты становишься кадровым офицером горных и арктических войск. «Горные лидеры» имеют в морской пехоте очень высокую репутацию, и мне очень хотелось войти в их число.

Для меня одним из самых памятных дней подготовки был день, который мы провели в Дартмуре, изучая методы штурма со стороны отвесных скал — дело адски трудное, но очень интересное. Горные инструкторы морской пехоты (ГИ) — это профессиональные воины, действующие небольшими группами в тылу противника в тяжелейших климатических условиях. Кадровый офицер горных и арктических войск, быть может, и не добился культового статуса других спецподразделений — таких, как воздушные войска специального назначения (*SAS*) или морские войска специального назначения (*SBS*), однако в нашей области мы обладаем репутацией непревзойденной.

Каждый год на курсы горных инструкторов зачисляют всего двух-трех офицеров и около двенадцати капралов, так что конкуренция здесь жесткая. Заявления принимаются и от офицеров других частей, однако зачисляются обычно лишь морские пехотинцы.

Впрочем, первым делом тебе надлежит пройти так называемое «ознакомление». На бумаге «ознакомление» выглядит вполне сносным, тем более что продолжается оно всего лишь неделю. Чего в брошюре не говорится, так это того, что в «ознакомление» втиснуты физические и умственные нагрузки, которых вполне хватило бы и на год, включая ночное ориентирование и скалолазание. Бывает, что «ознакомления» не выдерживает ни один из кандидатов (в моем случае его прошли шестеро из двадцати). «Ознакомление» позволяет отсеивать тех,

кому не хватает нужной силы или решимости.

Каждый год пятнадцать-двадцать справившихся с «ознакомлением» военнослужащих приступают к прохождению одиннадцатимесячной подготовки ГИ. Я ощущал себя человеком привилегированным уже потому, что меня к ней допустили.

Впервые мы собрались в плимутских казармах «Стоунхаус» в августе 1995 года. Некоторых моих товарищей по курсам я знал со времени «ознакомления», однако с большинством был незнаком. Среди них был еще один офицер и пятнадцать капралов морской пехоты, но звание значения не имело: всем нам предстояло стать в течение года близкими друзьями, связанными общим опытом и трудными испытаниями.

Первая неделя прошла в освоении теории скалолазания. На каждый день приходилось шесть учебных или практических занятий и два — по физической подготовке. На жаргоне морских пехотинцев подготовка эта называется «озверением».

Затем мы перебрались в Корнуолл и весь следующий месяц изучали основы военного скалолазания, забираясь на утесы мыса Лэндс-Энд. Мы научились преодолевать крутые земляные склоны, строить канатные дороги, чтобы поднимать по ним снаряжение или спускать вниз раненых, и с помощью кошек взбирались по совершенно гладким стенкам. Мы узнали, как спускать со скалы со страховкой морских пехотинцев. Под конец этого курса мы все получили и квалификацию инструкторов по десантированию из вертолетов из положения зависания.

Как-то после полудня мы должны были подняться на утес и спуститься с него. Пока мы стояли и ждали, когда очередной человек достигнет вершины, инструктор задавал нам вопросы, проверяя, хорошо ли мы усвоили лекционный материал. Каждый неверный ответ обходился нам в пятьдесят отжиманий. «Каково усилие разрыва одиннадцатимиллиметровой нейлоновой веревки?» Ну, это просто. «Назовите три области скалолазания в Сноудонии». И того проще. Однако один из инструкторов только что вернулся с острова Южная Георгия у Антарктиды и задавал вопросы настолько темные, что ответить на них не смог бы даже всезнайка. «На какую глубину ныряет морской леопард?» М-м-м… «Назовите семь видов пингвинов». Императорский, патагонский, очковый. Черт, это только три. Ну, по крайней мере отжимания делали нас более сильными.

Как скалолаз относительно опытный, я получал на этом этапе подготовки огромное удовольствие, однако пройти его удалось не каждому, и вскоре наше число сократилось. Несмотря на строгие меры безопасности, два курсанта сорвались со скал и сломали

лодыжки. Другие просто сдались, не выдержав бесконечного физического «озверения». Каждый наш день начинался с длинной пробежки по краю обрыва («чтобы разогреться»), а завершался еще более длинной — по нему же («чтобы поостыть»). Дабы мы были всегда начеку, за каждый наш мелкий проступок следовало наказание — отжимания.

Когда карабкаешься по скале, любой промах может оказаться фатальным, а поскольку нам предстояло стать инструкторами, мы рисковали не только собственной жизнью. Поэтому преподаватели с нас глаз не спускали. Это помогало нам остаться в живых, но приводило к жуткому количеству отжиманий. Мы понимали: их назначение состоит в том, чтобы закалить нашу волю, научить держаться до последнего и подготовить нас, физически и духовно, к еще более суровым испытаниям, ожидавшим нас впереди.

Однажды я, в приступе ярости, заявил старшине, Снежному Сноудену, что не очень-то верю в пользу отжиманий. Я полагал, что, скажем, подтягивания представляют собой более уместное для будущих военных альпинистов упражнение.

— Что ж, сэр, если я заставлю вас подтягиваться перед восхождением, вы растратите силы и свалитесь вниз. (Довод показался мне разумным.) Но раз уж вы задали этот вопрос, давайте: подтянуться десять раз и отжаться пятьдесят раз.

Больше я при нем сомнений не высказывал.

Помимо практических занятий на скалах мы каждый вечер слушали лекции по таким предметам, как, например, геология и ориентирование по звездам. А для проверки нашей смелости нас заставляли проходить «испытания на крепость». Одним из них был «Длинный прыжок на Лэндс-Энд» — нужно было перепрыгнуть на шестидесятиметровой высоте над морем с одной скалы на другую, до которой было три с половиной метра. Тому, кто справлялся с этим заданием, радоваться приходилось недолго: через несколько дней его отводили туда же и заставляли проделать то же самое в темноте.

К концу корнуоллского этапа на курсах осталось двенадцать человек. Мы на четыре недели перебрались на север Уэльса, чтобы полазать по скалам национального парка Сноудония; здесь нас ждали скалы повыше и потруднее плюс череда еще более трудных горных маршей: поначалу дневных, а после ночных, причем со все более и более тяжелым снаряжением. Мы оттачивали умение ориентироваться на местности, считая шаги, чтобы точно узнать, как далеко мы ушли. Я радовался тому, что снова попал в горы, однако тяжелый рюкзак и временами отвратительная погода делали путешествие по горам не таким уж

увлекательным.

Мы должны были многому научиться, сначала в классах, затем в полевых условиях: как работать с веревками, как прокладывать страховочные линии, с помощью которых солдаты менее опытные могли бы проходить сложные участки. Мы практиковались также в переходе через горные реки. То были реки из тех, по которым обычно проносятся на каноэ любители острых ощущений, да только нам приходилось не спускаться по ним, а пересекать их.

Теорию мы изучили в классе, однако перед практическими занятиями два-три дня лил дождь, и теперь с гор текли бурные потоки. На берег мы вышли, не испытывая никакого энтузиазма. Снежный Сноуден почувствовал наше настроение: никого не тянуло прыгать в холодную, темную воду.

— Ладно, парни, когда учишь морских пехотинцев переходить реки, перспектива оказаться в воде так действует им на нервы, что они не слышат ни одного твоего слова. Уверен, вы согласитесь, что промерзнуть и промокнуть все же лучше, чем постоянно думать о том, как ты промерзнешь и промокнешь. Так что вперед!

Сказав это, он прыгнул в воду. Мы последовали за ним. Всем нам, естественно, хотелось скорее покончить с этим делом, так что никто не осторожничал.

Каждое утро мы перед завтраком в течение часа делали физические упражнения — в темноте. Чаще всего они заканчивались бодрящим заплывом в ближайшей реке. Как-то раз наш инструктор, сержант Ол Уиллис, отвел нас на старый мост через реку Ллигуи. Было еще темно, мы слышали лишь плеск воды в десяти метрах под нами.

Сержант Уиллис встал на парапет и велел нам посмотреть вниз. В темноте скал не отличить было от воды, однако прямо под тем местом, где стоял сержант Уиллис, я увидел два сигнальных огня.

— Так, парни. Вы должны доверять своим товарищам безоговорочно. Видите внизу два огня? Каждый закреплен на скале, скалы разделяет расстояние в два метра. Но между ними вода достаточно глубокая, так что смело можно прыгать. За мной!

И он прыгнул. Я вскарабкался на парапет и тоже прыгнул — наудачу, — остальные последовали за мной. На скалы никто из нас не упал.

Валлийский этап завершился двадцатичетырехчасовым форсированным маршем через высочайшие пики Уэльса. Обучение себя оправдало, мы все справились.

Пока все шло хорошо: мы научились очень многому из того,

что могло помочь в горах. Однако теперь нам предстояло освоить практику ведения боевых действий в горных условиях. Горные инструкторы должны уметь действовать в составе разведгрупп. Вот мы и учились действовать группами по четыре-шесть человек — в тылу противника.

Теперь нас обучали создавать скрытые посты наблюдения — в зарослях кустарника или в земле, внутри холма; мы учились также вести ближнюю разведку, что требовало умения, находясь на открытой местности, подобраться вплотную к позициям врага.

Находясь в разведгруппе, вы стараетесь избегать контакта с врагом, однако в крайнем случае придется отбивать нападение и уходить. Мы обучались применению легкого оружия, такого, как винтовка М-16 и ее укороченный вариант, кольт «коммандос». Каждый человек держит оружие и стреляет немного по-своему, так что обучение стрельбе проходит под присмотром опытного инструктора и состоит из проб и ошибок. В конечном итоге ты начинаешь понимать, куда тебе следует целиться, чтобы поразить мишень. Как мне предстояло обнаружить через пару лет в Сьерра-Леоне, солдаты, не прошедшие серьезной подготовки, очень часто оказываются плохими стрелками — даже при наличии у них изрядного боевого опыта. Пальба из автомата с бедра, быть может, и выглядит эффектно в кино, однако попасть в кого-нибудь при такой стрельбе практически невозможно.

И наконец, мы изучили технику отхода и уклонения, которая также очень пригодилась мне впоследствии в Сьерра-Леоне. Четыре месяца мы оттачивали все эти навыки в Дартмуре, а затем, в середине ноября, перебрались в более холодные и менее благосклонные к тем, кто ошибается, горы Шотландии. Мы понимали, что здесь, в Кинлохлевене, нас ожидает самая трудная часть подготовки.

Первые дни оказались достаточно легкими — мы совершали марши по горам, которые я давно знал и любил. Затем нас перебросили на северо-запад Шотландии, в самую глушь, возле Глен-Шил, чтобы преподать там основы выживания. Спали мы в изготовленном из старого парашюта вигваме, прижимаясь ночами друг к другу, чтобы согреться. Дополнительную одежду, непромокаемую обувь и спальные мешки нам запретили брать с собой, но по крайней мере нас снабдили малоизвестной книгой под названием «Справочник-определитель съедобных грибов». Три дня мы практиковались в строительстве укрытий, разжигании костров и ловле диких животных. Нам даже прочитали лекцию о том, как найти воду в пустыне, — при том что лекцию мы слушали, сидя под проливным дождем.

В соседней рыбацкой деревне нам показали, как собирать

моллюсков и варить морские водоросли. Водоросли могут быть очень питательными, но для этого их нужно варить в течение четырех часов. А когда речь идет о выживании, на поддержание огня может уйти слишком много сил, так что затраты энергии будут неоправданными. Вода в этой части Шотландии настолько чиста, что здешних моллюсков можно есть сырыми. Мы и ели мидий и даже береговых улиток прямо из раковин.

Нам было приказано изготовить на кусках шелка водостойкие кроки[1] этой местности — «карты для отхода» — и пришить к одежде. В комплекте жизнеобеспечения у каждого из нас был миниатюрный компас, и мы испытали свои «карты для отхода» во время ночных занятий по ориентированию. Конечным пунктом нашего сбора был паб, расположенный в глухой деревушке. Продавать нам какую бы то ни было еду барменше запретили, зато мы могли восполнить израсходованные нами калории пивом! В ту ночь, вернувшись в свой вигвам, мы спали очень крепко.

Однако весь этот трехдневный комплекс занятий был лишь «техническим этапом» обучения выживанию — нас ожидал еще «этап испытательный». У каждого из нас лежала в нагрудном кармане рубашки водонепроницаемая жестяная коробочка, содержавшая такие вещи, как средства для разжигания огня (водостойкие спички, порошковый магний, марганцовокислый калий и клочок ваты для растопки), проволочные силки, рыболовные крючки, скальпель, таблетки для обеззараживания воды, сильное болеутоляющее, пара кусков сахара и сигарета — это на самый крайний случай.

Мы вернулись в Кинлохлевен, чтобы подготовиться к следующим тактическим полевым упражнениям, и провели два дня, изучая карты, планируя маршруты, собирая рюкзаки. Помимо оружия, боеприпасов, запасной одежды, недельного запаса пищи, раций (с рассчитанными на неделю работы батарейками), приборов ночного видения, оптических приборов и аптечки нам предстояло также тащить на себе горное снаряжение, включающее веревки, шлемы, ледорубы и кошки. Каждый рюкзак оказался таким тяжелым — мой весил больше пятидесяти килограммов, — что его было почти невозможно поднять одной рукой. Вот когда до меня дошло, ради чего нас так изводили отжиманиями: чтобы увеличить объем наших плечевых и спинных мышц. Мы приняли совместное решение никаких палаток с собой не брать — и так тяжело. Хватит с нас и легких пончо. Теперь могу сказать, что это было неправильное решение.

При последних лучах света, перед наступлением сырой и ветреной ноябрьской ночи, мы погрузились в вертолет «си кинг» и

отправились на «Гэльские приключения», как именовались эти учения. Мы разделились на две группы — каждая выступала из своего исходного пункта. Наше задание состояло в том, чтобы добраться вертолетом до удаленного места высадки за линией фронта условного противника, а затем пересечь горы и установить местонахождение вражеских позиций, расположенных в трех ночных переходах от нас.

Мы высадились на далеком полуострове Нойдарт. Выпрыгнув из вертолета, я по колено угодил в грязь, а нацепив рюкзак, ушел в нее еще глубже. Мы определили по компасу направление и медленно двинулись к нашей цели. Шел дождь, слякоть под ногами была воистину ужасающая. В полной темноте мы пробирались через торфяники и карабкались вверх по крутым мокрым склонам, от дождя даже маленькие ручейки превратились в ревущие потоки вспененной воды. Мы то и дело крыли последними словами тяжеленные рюкзаки. Если ты падал, то подняться без посторонней помощи уже не мог.

При первых лучах света мы улеглись, завернувшись в плащ-палатки. Почва была залита водой, и через несколько часов наши спальники промокли насквозь. Трудно было думать о чем бы то ни было, кроме холода, сырости и ноющих плеч. Я знал, что мы не первые, у кого создалось об этой горе крайне невысокое мнение, поскольку название ее переводится с гэльского как «гора дерьма».

В течение дня дождь все усиливался, а когда мы снова выступили в путь, поднялась буря.

Во время ночного сеанса радиосвязи мы услышали, что и вторая группа столкнулась с трудностями. Сигнал у них был слабый, однако мы ясно различили повторявшееся раз за разом слово «пострадавший». Штаб сообщил нам, что разберется, в чем дело, нам же приказано было не вмешиваться. И мы, исполняя приказ, продолжили путь.

Добравшись до железной дороги, мы на несколько минут сделали привал под мостом. И воспользовавшись тем, что попали в единственное на многие мили вокруг сухое место, разложили на рельсах кое-что из нашего снаряжения. Мы шутили насчет того, что вот сейчас возьмет да и прикатит поезд, однако на этом участке да еще и в такой поздний час это представлялось весьма маловероятным. Мы уселись на свои рюкзаки и вытащили походные горелки, чтобы сделать себе горячее питье. Всего через несколько секунд до нас донесся сквозь ветер и дождь первый свисток пассажирского поезда. «Черт!» Мы поспешно скинули свои вещи с путей… прямо в огромную лужу. Решительно не рекомендую никому заниматься приготовлением пищи на

железнодорожном полотне.

Наша группа продвигалась вперед, еще не ведая о разыгравшейся неподалеку трагедии. Один из членов другой группы, свалившись в ущелье, сломал руку, и теперь предпринимались попытки эвакуировать пострадавшего. Для улучшения связи Снежный Сноуден выехал на «лендровере» из Кинлохлевена в район учений, прихватив с собой связиста и мощную рацию.

Связист, капрал Крис Бретт-Айверсен, устроился на заднем сиденье и настраивал рацию, меж тем как Сноуден устанавливал антенну. В темноте они не заметили, что поставили машину рядом с высоковольтной линией. Когда Сноуден развернул антенну, влажный ночной воздух пробил электрический разряд в 20 тысяч вольт — разряд этот прошел по антенне в рацию. Фибергласовая оболочка антенны, за которую держался Сноуден, электричества не проводит, поэтому он не пострадал. А вот капрал Бретт-Айверсен скончался на месте.

Два дня спустя мы добрались до первого из объектов, однако из-за случившейся трагедии наш боевой дух оказался не на высоте, и учения стали казаться нам бессмысленно трудными. Пока мы устраивали наблюдательный пункт, резко похолодало, и наша мокрая одежда и снаряжение начали промерзать.

К утру несколько членов группы уже страдали от переохлаждения, поэтому наш командир принял решение подняться повыше, в горную хижину, где можно разжечь огонь.

Мы не ожидали, что наши инструкторы отнесутся к этому решению благосклонно, однако они понимали, в каких трудных условиях мы оказались, и решение это одобрили. Вызвали вертолет «си книг», который должен был доставить нас поближе к нашему следующему объекту.

Мы понимали, что особо расслабляться не стоит. Группа инструкторов вовсе не собиралась упрощать нам жизнь. Всего через несколько минут полета вертолет резко приземлился в соседней долине. Нас бесцеремонно выбросили из него, однако мы по крайней мере были теперь на тридцать километров ближе к нашему объекту. Когда последний из нас покидал вертолет, ему вручили конверт с письменными инструкциями, из которых следовало, что вертолет наш сбит ракетой противника. Выжили только мы (какая удача!), и теперь нам надлежало отступить к расположенному в восьмидесяти километрах отсюда (запланированному на случай критической ситуации) месту сбора. Там нас через неделю будет ожидать судно.

Усталые, мы взвалили рюкзаки на спины и потащились через горы. Погода понемногу улучшалась, и мы успешно уклонились

от встреч с «противником».

После «гибели вертолета» я сформулировал жизненное правило, которого до сих пор стараюсь придерживаться: «Надейся на лучшее, но рассчитывай на худшее». Рассчитывать только на лучшее — это опасный жизненный принцип.

Неделю спустя судно сняло нас с пустынного берега у самой оконечности мыса Ардгур, и мы обрадовались: наконец-то побудем в тепле и сухости. Мы ожидали, что наши инструкторы похлопают нас по спинам, скажут, что мы отлично справились, и угостят чаем, однако радушного приема нам никто не оказал. Вскоре выяснилось, что учения наши вовсе не закончились.

Инструктор по горной и арктической подготовке

Снаряжение у нас отобрали, затем обыскали, раздев догола, и велели надеть новую форму. Моя оказалась мне сильно мала, к тому же все пуговицы на ней были оборваны. Неприкосновенный запас (хранившийся в маленьких жестянках) у нас отобрали, проверили на предмет контрабанды — денег или кредитных карточек, — после чего вернули.

Мы провели несколько часов, дрожа от холода, затем на палубе появился инструктор горных и арктических войск, старший сержант Брент Хашон.

— Добро пожаловать в упражнение «Синий», джентльмены. В ближайшее время мы достигнем острова Айлей. Вас отправят в тренировочную зону, где вы и останетесь до получения следующего приказа. Если будете жульничать, вас вышвырнут с курсов. Правила таковы.

Первое: сооружать укрытия не меньше чем в километре от любого леса, дороги или жилища.

Второе: не разговаривать ни с кем из местных жителей.

Третье: не покидать укрытий после наступления темноты.

Четвертое: не входить ни в какие здания.

Пятое: не убивать скот и домашних животных.

Удачи.

Когда мы добрались до Айлея, одного из Гебридских островов, славящегося своей ветреной, дрянной погодой, все мы уже окоченели, промокли и одурели от морской болезни. Все, что у нас имелось, — это одежда, в которой мы стояли на палубе, остальное отобрали. Нас разделили на группы по четыре человека, надели на головы мешки, чтобы мы ничего не видели, вывели на берег и затолкали в кузов грузовика. После часа езды нас выволокли из кузова и уложили ничком в холодную, мокрую грязь. Грузовик уехал. Я стянул с головы мешок, огляделся. Кругом одни вересковые пустоши. Ветрено, но дождь прекратился. И мы с тремя моими товарищами принялись за работу. До наступления темноты оставалось два часа. Первым делом следовало соорудить укрытие.

Следующие десять дней мы питались тем, что нам давала земля. Это была настоящая борьба за выживание — в противоположность «игре в выживание», которой обычно занимаешься на учениях. Сомневаюсь, что инструкторы и впрямь позволили бы нам умереть от холода, однако они дали нам

пройти половину пути к подобной кончине. Попасть в госпиталь означало бы не выдержать испытания и быть отчисленным с курсов.

Мы построили маленькое, но крепкое убежище (или «схрон») из бревен, кусков рифленого железа и торфа. Костерок, горевший у входа, согревал нас — правда, дышать приходилось дымом. В ближнем заливчике мы ловили кумжу. Она была не крупнее карася, но все же вносила разнообразие в наш рацион, состоявший из травы и морских водорослей. С силками нам меньше везло, зато мы подбирали на ближних дорогах сбитых машинами зверьков.

Чтобы сохранить тепло на ночь, мы согревали в костре камни, а потом заворачивали их в мешковину и использовали в качестве грелок. Набив мешки травой, мы соорудили «одеяла». Все дневное время мы, смахивающие в непромокаемой «одежде» из пластиковых пакетов на пугала, посвящали сбору пищи и топлива.

На десятую ночь я проснулся от того, что на мои ноги, протянутые к самому выходу из «схрона», что-то упало. Полусонный, я гадал, что бы это могло быть.

Ба-бах! В голове у меня зазвенело, и я понял, что это шумовая граната.

Кто-то сдирал с нашего убежища крышу, я услышал мужские голоса, оравшие: «Бери их, гадов!»

Нас, ошеломленных и ничего не понимающих, выволокли наружу солдаты в вязаных шлемах — их было человек тридцать. Мы пытались бороться с ними, однако силы у нас были из-за недоедания не те, да и числом они нас превосходили, так что добились мы лишь того, что получили хорошую взбучку. Завязав нам глаза, нас побросали в ледяной пруд, а после под дулами автоматов повели к дороге и затолкали в кузов грузовика. Так мы на своей шкуре испытали «шок пленения».

Мы более или менее представляли себе, что нас ожидает: этап учебного курса, именуемый «поведение после пленения». Обучение такому поведению проходят все «рискующие оказаться в плену» военнослужащие Соединенного Королевства, в том числе служащие любых частей особого назначения, горные инструкторы и члены экипажей боевых самолетов. Научить человека выдерживать пытки невозможно, однако, ознакомившись с «интеллектуальными» играми, в которые с тобой будут играть на учебных допросах, ты по крайней мере начинаешь понимать, что тебя ожидает. Ты должен постараться не привлекать к себе особого внимания и продержаться достаточно долго, чтобы не

поставить под угрозу жизнь своих товарищей, которым, возможно, удалось избежать плена.

Остаток ночи мы провели в ангаре аэропорта острова Айлей — стоя в так называемых «напряженных позах». Это означает, что ты несколько часов стоишь на коленях — или на ногах, но при этом неудобно скрючившись, так что у тебя сводит суставы и мышцы. Весьма эффективный способ изнурить пленника, не подвергая его настоящим пыткам. Как только мы пытались пошевелиться, получали пинок в поясницу. А поскольку человек совсем не шевелиться не может, пинков мы получили немало. Поначалу они были не очень болезненными, но удары наносились в одну и ту же точку, и в конце концов боль стала мучительной. Большинство из нас переносило это стоически, однако некоторые начали вскрикивать и стонать.

На дворе стоял декабрь, и было холодно. Поскольку моя тонкая хлопковая форма была мне мала, живот, лодыжки и предплечья мои оказались открытыми ледяному ветру. Если у нас от холода и изнеможения подкашивались ноги и мы падали на пол, нас на несколько минут затаскивали в теплую комнату и усаживали рядом с нагревателем, а когда мы переставали дрожать, отволакивали назад, на холод. Оказалось, что переходить из холода в тепло и обратно — куда хуже, чем все время оставаться на холоде.

В какой-то момент мне выдали пару носков и велели надеть их. Это было слишком хорошо, чтобы оказаться правдой. Да оно ею и не оказалось. Пока я, с завязанными глазами, пытался онемелыми пальцами расшнуровать ботинки, носки у меня отобрали — все было лишь жестокой шуткой.

Поутру нас, не сняв с глаз повязок, погрузили в самолет, и следующий час мы, все так же в напряженных позах, провели в полете.

После приземления нас запихали в очередной грузовик, отвезли в какую-то старую, как нам показалось, каменную крепость и бросили в подземелье. Следующие тридцать часов нас опять-таки продержали в напряженных позах. Через каждые шесть часов нам выдавали по половине ломтя хлеба и по глотку воды. Несмотря на завязанные глаза, я ощутил, что день сменился ночью. После того как я всю ночь простоял с поднятыми вверх руками, у меня от вынужденной бессонницы и сенсорного голодания начались галлюцинации. Так нас готовили к допросам.

На следующий день повязки ненадолго сняли, и с нами поговорил врач. Он сказал, что телесного ущерба нам не причинят и что, если мы предпочтем сдаться, нашу просьбу удовлетворят. Испытание же закончится, лишь когда мы снова

увидим этого же самого врача.

Нас отправили в центр временного содержания. Из расставленных вокруг динамиков лился белый шум (подобный тому, который издает ненастроенный телевизор), и мы, остававшиеся незрячими уже несколько дней, утратили всякое представление об окружающем. Мы не знали, где мы, с кем мы и какое сейчас время суток.

Как все это действует на человека, объяснить трудно. Кажется, что время еле ползет. Я пытался считать секунды, чтобы отметить час, однако больше ста секунд ни разу не насчитал. Мы не знали, сколько охранников находится рядом с нами — при нас они намеренно друг с другом не разговаривали. Мы знали только одно: стоит нам пошевелиться или издать какой-нибудь звук, мы тут же получим оплеуху или пинок.

На допросы нас отводили в залитую ярким светом комнату — там с нас срывали глазную повязку, что приводило к мгновенной утрате ориентации. Поначалу допрашивающие просто орали на нас на нескольких языках — русском, арабском, испанском, а один из них даже на валлийском. И хотя мы знали, что увечить нас не будут, они устраивали представление, круша мебель, а иногда и отвешивая нам пару оплеух.

Но физические мучения — ничто по сравнению с тем, что творилось в моей голове. По временам мне казалось, я вот-вот рехнусь. И я выработал специальную стратегию — раз за разом повторял себе: «Ладно, что бы ты ни захотел сделать, выжди пять минут и посмотри, не изменится ли твое желание». Я снова и снова выполнял этот свой «пятиминутный план», пока что-нибудь во мне не изменялось в отношении умственном либо физическом — похоже, этот трюк срабатывал. Теперь уже и не опишешь, как туго мне тогда пришлось.

В течение следующих двадцати часов нас подвергали череде допросов: то агрессивных, то дружелюбных, то просто скучных. Мы не имели права сообщать какую бы то ни было информацию, помимо своего имени, звания, номера и даты рождения. В ходе одного из допросов меня раздели догола и на глазах у группы женщин, производивших допрос, подвергли внутренние полости моего тела тщательному обыску.

После обыска меня вывели наружу и оставили стоять — с раздвинутыми ногами и растопыренными в стороны руками — у стены. Была холодная, морозная ночь, и я очень скоро замерз. Так я простоял девяносто минут, буквально леденея, и стал уже думать, что в учениях наших произошел некий сбой или кто-то что-то напутал. На самом деле за мной наблюдали с помощью скрытой камеры, и, когда я стал терять сознание, меня отвели в

теплую комнату, выдали мне одеяло и чашку чая и оставили наедине с милой и приветливой женщиной. Она попыталась вызвать меня на откровенный разговор, обещая еще чаю и печенья в придачу, если только я расскажу, откуда я. Я это сделать отказался, и меня отвели назад, в зону временного содержания.

Один из моих товарищей по «схрону» на острове Айлей в конце концов сломался. Его отвели в камеру, сняли с глаз повязку. Потом туда же привели другого «заключенного», ему незнакомого, они остались наедине. «Заключенный» этот был на самом-то деле подсадной, однако товарищ мой этого не понял и разболтался. Он рассказал, кто мы, рассказал обо всем, чем мы занимались, даже о том, что в нашей группе есть офицер по имени Фил.

Меня отволокли в ту же камеру, сняли с глаз повязку, и я увидел моего друга и второго «заключенного». Я понял, что происходит, и велел другу помалкивать, но сказанного было уже не вернуть. Друг мой был ошарашен. Я еще успел, прежде чем меня утащили назад, пожать ему руку и сказать, чтобы он держался.

Следующий мой допрос продлился три с половиной часа, и все это время мне снова и снова задавали один и тот же вопрос.

— Ваш номер в полку?

— H034354T.

— Номер?

— H034354T.

Первые полчаса дались мне легко, я лишь дивился — какой в подобном допросе может быть смысл. Потом меня потянуло в сон, мне стало трудно сосредоточиться. Мой разум начал выкидывать странные фокусы. Я старался мысленно держать перед глазами мой номер и громко зачитывал его при каждом повторении вопроса. Я был словно бы диктором, считывающим информацию с телесуфлера. И хотя по большей части телесуфлер давал мне правильные ответы, время от времени на нем появлялось неуместное слово или цифра, и удержаться и не выпалить их было трудно. Как будто разладилась координация между моим мозгом и ртом.

— Номер?

— H034354T.

— Номер?

— H034354T.

— Номер?

— Мне кусочек шоколадного торта, пожалуйста.

Задав один и тот же вопрос больше тысячи раз, допрашивающие начали время от времени вставлять и другие:

— Номер?
— Н034354Т.
— Ваше подразделение?
И так раз за разом.

При том онемении, в каком пребывало мое сознание, не ответить было трудно. Теперь я понял, насколько легко довести заключенного до самооговора.

Наконец, спустя, как нам казалось, целую вечность, с наших глаз сняли повязки, и мы снова увидели врача. Мы выдержали испытание — все, кроме моего товарища по «схрону», его с курсов отчислили. Мы сочувствовали ему, но понимали: это не игра.

Несколько лет спустя мне довелось сидеть в одном кабинете с дознавателем, работавшим в военных учебных заведениях, и тот признался, что больше всего ему нравилось допрашивать будущих горных инструкторов, поскольку после всех испытаний мы больше, чем кто бы то ни было, походили на военнопленных.

После рождественского отпуска нас переправили в горы западной Норвегии, в деревню Хогастол, стоящую на краю национального парка Хардангервидда. Следующие три месяца мы обучались боевым действиям в условиях крайнего холода. Хардангервидда — настоящий «дикий край»: во время Второй мировой войны бойцы норвежского Сопротивления годами укрывались здесь от немецких оккупантов. А в соседнем поселке Финсе стоит памятник полярнику Роберту Скотту, именно здесь он тренировался, прежде чем отправиться в печально закончившуюся экспедицию к Южному полюсу.

Все мы уже обучались боевым действиям в арктической обстановке, когда проходили подготовку обычных морских пехотинцев. Однако теперь нас обучали на инструкторов, которым придется думать не только о себе.

Среди множества разных вещей, которым нас обучали, было и умение уцелеть, «проломив лед» — провалившись под лед на замерзшем озере или реке. Если ты не запаниковал, все относительно просто. Ты знаешь, что лед за твоей спиной крепок, поскольку ты только что на нем стоял. Проблема заключается в том, чтобы выбраться из воды со всем снаряжением до того, как тело твое ослабеет от холода. Потеряв снаряжение, ты, даже если и не утонешь, скорее всего, замерзнешь и умрешь. Вся твоя сухая одежда, спальный мешок, палатка, печка находятся у тебя в рюкзаке, в непромокаемом мешке, так что надо за них держаться.

Упражнение это выглядит так. Перед тем как ступить на тонкий лед, ты первым делом ослабляешь крепления лыж и перебрасываешь оружие и рюкзак на одно плечо (чтобы их легче

было сбросить, проваливаясь). Когда лед проламывается и ты оказываешься в воде, грудь твою сковывает такой холод, что становится трудно дышать, однако, если не паниковать, ты к этому быстро привыкаешь. Взрослый мужчина, попав в воду температурой 0 °С, сохраняет сознание в течение восьми минут, а за это время вполне можно спастись. Чтобы доказать это, я, обучая года два назад стажеров в Норвегии, прочитал им лекцию о «проломленном льде», стоя в замерзающей воде.

Лыжи и рюкзак (внутри которого присутствует воздух) плавучи, так что о них ты можешь позаботиться позже. Первым делом поворачиваешься в ту сторону, откуда шел. Выкладываешь на лед оружие, лыжи и рюкзак. Дальше все сложнее. Ты перехватываешь лыжные палки так, чтобы, держась за нижнюю их часть, воткнуть их острия в лед, подтягиваешься, вылезаешь и ложишься плашмя, чтобы свести давление тела на лед к минимуму. Затем отползаешь на участок, где лед потолще, и начинаешь кататься по снегу, чтобы снег впитал как можно больше воды, скопившейся на твоем теле и одежде, прежде чем она замерзнет. Снег обладает свойством впитывать воду, как губка, и чем он холоднее, тем лучше впитывает.

Затем тебе приходится бежать наперегонки со временем, чтобы успеть поставить палатку или вернуться в машину, до того как заледенеешь окончательно. Самая низкая температура, при которой я проделывал это упражнение, составляла -27 °С, при ней вода на теле замерзает почти мгновенно, в том числе и та, что попала в глаза. Действовать надо быстро, но без сумасшедшей спешки. Если ты спешишь, сердце у тебя начинает колотиться слишком быстро, и кровь, охладившаяся в твоих конечностях, достигает его, не успев прогреться, отчего сердце может остановиться.

Будучи горным и арктическим инструктором, ты обязан демонстрировать эту технику испуганным новичкам. Важно проделывать это с уверенным видом, дабы показать им, что ничего тут страшного нет. Поэтому любой из нас, если он выказывал испуг, выполняя это упражнение, должен был практиковаться снова и снова, пока все не будет проделано без сучка без задоринки. Большинство управились с первого раза, однако паре ребят пришлось в тот же день повторить упражнение четыре-пять раз. Я им не завидовал.

К марту мы наконец увидели свет в конце туннеля. Хоть нас и ожидали еще месяцы подготовки, после норвежского этапа мы получили значки горных инструкторов, и, что не менее важно, нам начали выдавать жалованье как специалистам.

По возвращении в Соединенное Королевство мы прошли

целый ряд курсов: по десантированию из положения зависания, по парашютно-десантной подготовке и, для офицеров, курс штабного планирования, но мы наконец-то заслужили уважение наших инструкторов: отжиматься нам больше не пришлось.

Учеба завершилась в июле — после месяца занятий альпинизмом в Швейцарии, в Бернских Альпах. Там мне платили деньги за то, что я люблю делать и делаю неплохо. Кульминацией стало быстрое восхождение на Айгер в обществе военного по имени Кев. Поднимались мы в буран, однако в сравнении с тем, что нам пришлось пережить, обучаясь на курсах, дело это казалось почти пустяковым.

После такого обучения я рассчитывал получить работу, которая позволит применить все, что я узнал, на практике. Мне предложили место в полку воздушных десантников, 3-й батальон которого, входивший в состав сил быстрого реагирования НАТО, отвечал за боевые действия в холодных условиях. Нельзя было упускать такую возможность, и я провел два года, работая с лучшими солдатами британской армии. Мне, единственному морскому десантнику среди нескольких сотен воздушных, пришлось изрядно попрыгать с парашютом, многому научиться, многому научить других, так что я был более чем доволен.

В то время я каждый год осенью и зимой проводил четыре месяца в Норвегии, на курсах обучения боевым действиям в арктических условиях, уже в качестве инструктора.

В январе 1997 года в Норвегию приехала на зимние каникулы Анна. 25 января, отметив день рождения великого шотландского поэта Бернса ужином, за которым было выпито немало виски, мы по ледяному склону возвращались к моему жилью. Поскользнувшись, мы скатились по склону, оказались в сугробе и лежали, утонув в снегу, смеясь и глядя на звезды. И я вдруг, повинуясь порыву, спросил у Анны, не выйдет ли она за меня замуж. Она сказала «да».

Мы поженились 26 июля 1997 года в Эдинбурге, в центре для торжеств, расположенном у горы под названием Трон Артура. День был дождливый, младенцы плакали, пел я из рук вон плохо, хоть и лучше моего отца и шафера, Алистера, который был с нами, когда сошла лавина, а теперь норовил перецеловать всех подружек невесты — ему это занятие нравилось, а вот его девушке не очень. Свадебный торт наш изображал покрытую снегом гору с двумя фигурками альпинистов внизу. Когда мы стали его разрезать, у моей фигурки отвалилась голова. Несуеверная Анна забросила ее в рот и съела.

После продлившейся всю ночь гулянки с танцами мы с Анной

решили пешком вернуться в наш отель. Пока мы шли по пустынным улицам, мне казалось, что я женился на самой прекрасной девушке в мире. На Анне было платье с открытой спиной, и, когда я заметил бугорок, образовавшийся в том месте, где у нее был сломан позвоночник, я едва сдержал слезы. То был, вне всяких сомнений, лучший день моей жизни.

На медовый месяц мы отправились в Венецию, вернее, мы пробыли в Венеции первые два дня медового месяца. До Доломитовых Альп оттуда можно было доехать всего за пару часов, так что остаток месяца мы провели, лазая по горам. Начали мы с отеля пятизвездочного, а потом покатились вниз: четыре звезды, три, две, одна и, наконец, горный приют — после чего оказались в моей двухместной палатке. Даже самый лучший отель не может ничего противопоставить виду, который открывается из палатки, стоящей на полпути к вершине какой-нибудь дальней горы. Правда, мы старались ставить палатку так, чтобы ее не было видно отовсюду — как-никак, это же наш медовый месяц!

Поженившись, мы с Анной постарались перестроить свою профессиональную жизнь так, чтобы хоть на какое-то время оказываться в одном и том же месте. В 1988 году я получил звание майора и кабинетную работу в Лондоне. Работа оказалась достаточно интересной, однако волнующего в ней было мало. Я ходил в штатском, перепахивал гору документов, а в мундир облачался лишь по особым случаям. Чтобы держать себя в форме, я пробегал марафонские дистанции и был счастлив, когда мой начальник отпустил меня на месяц — поучаствовать в восхождении на гору Мак-Кинли на Аляске.

В январе 2000 года я ухватился за возможность проработать полгода военным наблюдателем при частях ООН в тропической Западной Африке. Как и все британские офицеры, работавшие в войсках ООН, я прошел недельный инструктаж, узнал все необходимое о стране, в которую мне предстояло попасть: о Сьерра-Леоне. Я и не подозревал, насколько мне пригодится там мастерство горного инструктора.

Миссия мира в Сьерра-Леоне

Сразу за границей Фритауна, столицы Сьерра-Леоне, расположен пляж, именуемый «Река номер два»: пальмы, ослепительно белый песок. Выглядит этот пляж столь идиллически, что на нем даже снимали рекламный ролик «Баунти» — «Райское наслаждение». Тем не менее всего в двадцати метрах от него стоит реабилитационный центр для детей, которым пришлось послужить в солдатах. Тела их покрыты жуткими шрамами — мало того что они получали боевые ранения, еще и командиры клеймили детей, точно скот. О душевных шрамах можно только догадываться.

Вдоль атлантического побережья на сотни километров — пустынные песчаные пляжи да мангровые болота, прерываемые только заливом Сьерра-Леоне. Это вторая по величине естественная гавань в мире, уступающая только сиднейской. Фритаун стоит на южном ее берегу. Этот город называли некогда Афинами Западной Африки, и, несмотря на годы боев, он все еще кажется прекрасным, во всяком случае издали. Поросшие пышной зеленью округлые холмы вокруг него усеяны роскошными белыми виллами. В колониальные дни на веранде одной из них сидел и писал «Суть дела» Грэм Грин. Увы, спустя пятьдесят лет позволить себе жить в этих домах могут лишь командиры повстанцев, сколотившие себе состояния на контрабанде алмазов и грабежах.

Страна эта по африканским меркам довольно мала. С севера и востока к ней примыкает Гвинея, с юга — истерзанная войнами Либерия. Название свое, означающее «Львиные горы», она получила от португальских мореплавателей, услышавших рев тропических гроз в береговых холмах. Впрочем, Сьерра-Леоне не так уж и гориста, а львы давно покинули эту страну, распуганные гражданской войной.

Прежде чем оставить Соединенное Королевство, я прошел недельный инструктаж, посвященный главным образом риску, с которым сопряжены жизнь и работа в Сьерра-Леоне. На первый взгляд, по африканским меркам, это страна благополучная. Она не страдает ни от наводнений, как Мозамбик, ни от засух, как Эфиопия, ни от религиозных конфликтов, как Алжир, ни от этнических, как Руанда. По сути дела, до 1990 года Сьерра-Леоне была процветающей страной, экспортером сельскохозяйственной продукции, с развитой горнодобывающей промышленностью. После указанного года она, по данным ООН, сползла в самый низ Индекса развития человеческого потенциала. Когда я прибыл в

Сьерра-Леоне, она была официально признана беднейшей страной мира, оспаривая эту сомнительную честь лишь у Афганистана. В 2000 году средняя годовая заработная плата составляла здесь менее 100 долларов на человека, а на территории, контролируемой Объединенным революционным фронтом (ОРФ), средняя продолжительность жизни мужчины составляла двадцать шесть лет. Половина четырехмиллионного населения страны — это, по сути дела, беженцы либо рабы. Большинство военнослужащих в этом регионе ВИЧ-инфицированы, но, поскольку ожидается, что они погибнут в бою молодыми, это никого особенно не волнует. А малярия убивает здесь больше людей, чем СПИД.

Как могли разразиться все эти несчастья? Основная их причина — борьба за алмазы. В Сьерра-Леоне есть крупные алмазные месторождения, находятся они в восточной части страны. Когда ОРФ начал в 1991 году гражданскую войну, у него, возможно, и имелись реальные поводы для недовольства, однако война вскоре выродилась в кровавую драку за право контролировать алмазные копи.

Основными участниками конфликта были сменявшие друг друга правительства, закрепившиеся во Фритауне, и повстанцы ОРФ, которые базировались на востоке страны, получая от Либерии оружие и деньги в обмен на алмазы. Все это осложнялось еще и вмешательством других сторон, одной из них была армия Сьерра-Леоне. Она выступала то за правительство, то за повстанцев, а иногда — за тех и за других одновременно.

Вскоре в стране появились Силы гражданской обороны (СГО), противостоявшие и варварской жестокости ОРФ, и несостоятельности армии Сьерра-Леоне. В состав СГО входят в основном камаджоры (профессиональные охотники), возмещающие недостаток вооружения или военной подготовки верой в черную магию. По местным понятиям, камаджоры — люди неплохие, хотя некоторые их обычаи представляются довольно причудливыми. Кое-кто из них верит, к примеру, что можно стать более могучим воином, съев сердце убитого в бою достойного противника, или что ношение украшений, сделанных из лобковых волос девственницы, укрепляет здоровье.

Впоследствии я проникся к камаджорам чувством огромной благодарности: они помогали мне, рискуя жизнью.

Втянутыми в гражданскую войну оказались и соседи Сьерра-Леоне: военный контингент Экономического содружества Западной Африки, состоящий в основном из нигерийцев, выступал на стороне правительства, Либерия — на стороне ОРФ. В качестве наемников в конфликте участвовали представители

совсем уж далеких от Африки национальностей, в частности британцы, попадавшие в эту страну с помощью организаций, которые предпочитали слово «наемники» не использовать, а именовали себя «частными военными компаниями».

Гражданская война в Сьерра-Леоне была кровавой даже по африканских меркам. В январе 1999 года президент страны Теджан Каббах начал проводить кампанию за свое переизбрание. Лозунг кампании был таков: «Будущее в ваших руках». Как это ни трагично, но ОРФ предпочла избрать жуткое, буквальное истолкование этого лозунга и стала систематически отрубать руки тысячам людей — и взрослым, и детям.

Шестого января 1999 года повстанцы тайком завезли во Фритаун оружие, а там и сами просочились в город, укрываясь в толпе, собравшейся, чтобы проголосовать на выборах. Благотворительная организация «Страж прав человека» собрала свидетельства о последовавшей за этим резне.

Мирных жителей расстреливали, сбрасывали с верхних этажей зданий, сжигали заживо в автомобилях и домах. Им отрубали конечности, выкалывали глаза, разбивали молотками кисти рук, обливали кипятком. Женщины и девочки подвергались сексуальным надругательствам, сотни мальчиков и юношей были схвачены и насильно увезены.

Грабивших столицу повстанцев выбили из нее нигерийские миротворцы и ополченцы-камаджоры.

После всех этих проявлений жестокости народ Сьерра-Леоне решил, что с него довольно. В июле 1999 года правительство и ОРФ подписали в Ломе, столице африканского государства Того, мирный договор. Все участники боевых действий получили полную амнистию, для наблюдения за мирным процессом и процессом разоружения, демобилизации и реинтеграции (РДР) были приглашены представители ООН.

Когда я появился там в январе 2000 года, период прекращения огня продолжался с переменным успехом уже шесть месяцев. После всего, что я узнал и прочитал об этих местах, я ожидал, что, сойдя с трапа самолета, окажусь в гуще стычек и насилия. Реальность оказалась несколько более мирной.

Первую неделю я провел, проходя запутанную «процедуру присоединения» к миссии ООН в Сьерра-Леоне, именуемой МООСЛ. Никогда еще не приходилось мне заполнять такое количество бумаг ради столь неосязаемых выгод, но по крайней мере за эту неделю я смог познакомиться с приятными сторонами Фритауна и приладиться к ритму жизни в миссии.

Британия, как прежняя колониальная держава (давшая стране

независимость в 1961 году), популярна здесь, если не любима всеми, а с признаками ее остаточного влияния сталкиваешься на каждом шагу. Английский язык так и остался государственным языком. Здешний университет был некогда филиалом Даремского университета, и, похоже, все его студенты болеют за английские футбольные команды. Некоторые из виденных мною повстанцев носили футбольные майки клуба «Манчестер юнайтед». Меня, болельщика «Челси», это дико раздражало.

Всего за несколько дней до отлета в Сьерра-Леоне я лазил в Шотландии по ледникам, так что здешние жару и влажность прочувствовал в полной мере. Днем температура поднималась до 100°F (38 °C) и даже ночью не опускалась ниже 83°F (28 °C). Ощущение было такое, точно я, одетый в плотную зимнюю одежду, оказался в жаркий летний день в переполненном вагоне лондонской подземки.

Что еще донимало меня, так это запах — едкая смесь ароматов застарелого пота и гнилых фруктов, рыбы и мяса. Сьерра-Леоне — страна не такая уж знойная и влажная, однако в ней нет проточной воды, и потому помыться удавалось только раз в неделю. Объедки оставались лежать там, где их бросали, дожидаясь, когда их сожрут стаи шелудивых собак, крысы или стервятники. В отличие от «развитых» стран, оставляемого людьми мусора здесь было мало — любой клочок бумаги или полиэтиленовый пакет обладал материальной ценностью. Покупая у уличного торговца несколько апельсинов, я с изумлением обнаружил, что пластиковый пакет, в который я попросил их сложить, стоит дороже самих фруктов. Не удивительно, что люди здесь не мусорят.

У каждого из входивших в состав МООСЛ представителей разных национальностей имелись, похоже, свои представления о рабочей неделе. Европейцы предпочитали отдыхать по воскресеньям, мусульмане — по пятницам. Каждый имел право отмечать главный праздник своей страны, причем создавалось впечатление, что во многих странах такие праздники случаются раз в месяц. И почти все уверяли, что сиеста — это неотъемлемая часть их культуры.

Памятным событием первой моей недели стал экзамен на право вождения автомобиля, который мне пришлось сдавать в миссии. Движение на дорогах практически отсутствовало, однако мой инструктор, ямаец по имени Тревор, все же посоветовал мне вести себя крайне осторожно: «Если поблизости люди, никогда не ведите машину со скоростью большей, чем скорость пешехода». Я спросил почему. Он объяснил, что сбитому машиной ООН местному жителю выплачивается сто долларов компенсации и,

похоже, получить их норовит едва ли не половина населения страны. Местные жители приобрели неприятную привычку бросаться наперерез машине ООН — или загонять под нее какого-нибудь своего пожилого родственника в надежде добыть награду. Жизнь человека в Сьерра-Леоне стоит дешево.

Фритаун выглядел хаотичным, но дружелюбным, жители его были настроены оптимистически и питали надежду, что ООН принесет им продолжительный мир и процветание. Улицы кишели торговцами, школы были переполнены хорошо одетыми учениками. Однако относительное благополучие Фритауна было лишь видимостью — за ней скрывалась мрачная реальность жизни страны, особенно мрачной была она на территориях, контролируемых ОРФ.

Под контролем повстанцев все еще пребывали две трети территории Сьерра-Леоне. Военный штаб их находился в Макени, в северной провинции страны. Меня прикомандировали к корпусу военных наблюдателей ООН, базировавшемуся в Макени. Мы не имели права носить оружие, — собственно говоря, отсутствие его было лучшим нашим средством самообороны. Я потерял счет случаям, когда солдаты ОРФ подвергали меня обыску под дулом автомата. Если бы я открыто носил оружие, они сочли бы меня врагом, если бы я носил его тайно — приняли бы за шпиона. Я снял с формы все британские армейские значки: они лишь привлекли бы ко мне ненужное внимание.

В Макени меня доставили еженедельным воздушным рейсом — час полета на стареньком русском вертолете МИ-8. Мы приземлились на футбольном поле соседнего города Магбурака, где я и познакомился с другими офицерами из группы наблюдателей.

Здесь, вдали от побережья, жара стояла куда более гнетущая. Выйдя из вертолета, я ощутил порыв горячего ветра. Поначалу я принял его за выхлоп вертолетного двигателя, но вскоре понял, что это просто нормальная для здешних мест температура. Даже усилий, которые потребовались, чтобы вытащить из вертолета мои сумки, хватило, чтобы одежда на мне промокла от пота. Я запрыгнул в джип, за рулем которого сидел Мустафа, офицер-египтянин. Он поднял стекла на окнах, включил кондиционер, вставил в стереопроигрыватель машины альбом Мадонны «Как девственница» и закурил сигарету. У посадочной площадки вертолета собралась группа ребятишек, чтобы поглазеть на его еженедельное приземление. Меня подивило, что Мустафа покатил прямо на них, громко гудя, — мальчишки бросились врассыпную.

Дорога, соединяющая Магбурака с Макени, оказалась на

удивление хорошим гудронным шоссе. Построенное в 1950-х годах, оно долгое время почти не использовалось и потому так хорошо сохранилось. Несмотря на попадавшиеся временами ухабы, мы летели по этой узкой дороге на скорости 110 километров в час, едва не сбивая местных тяжело нагруженных жителей, двигавшихся пешком или на велосипедах. Такое неуважение к ним показалось мне вызывающим, тем более что, нагоняя их, Мустафа громко сигналил. Сделав вид, что меня укачивает, я попросил Мустафу сбавить скорость.

— Тут все ездят так быстро? — спросил я.

— Нет. Другие ездят гораздо быстрее, однако и я понемногу осваиваюсь.

В тот день я решил, что, когда мне доведется водить машину, ездить я буду медленно, открыв окна и непременно здороваясь с каждым встречным.

Мы миновали несколько блокпостов, установленных скучающими на вид повстанцами, которые просто махали нам руками, пропуская.

На последнем перед Макени блокпосту я решил, что мне изменило зрение.

— Там что, действительно стоял шимпанзе?

— Да, — ответил Мустафа.

— И держал в руках «Калашникова»?

— Да.

— А стрелять он умеет?

— Не знаю — у нас же, если помните, прекращение огня, — без тени иронии ответил Мустафа.

Несколько дней спустя я посетил этот блокпост и снова увидел там шимпанзе. Правда, на сей раз оружие он отложил в сторону, чтобы выкурить сигарету. Увидев, что я приближаюсь, шимпанзе схватил автомат и зарычал на меня.

— Вы не понравились старшему сержанту, — крикнул мне командир блокпоста. — Патронов у него нет, но заколоть вас он может.

К автомату шимпанзе был примкнут штык.

Когда я увидел этого шимпанзе в следующий раз, тот курил сигарету с марихуаной. Я так и не выяснил, умеет ли он стрелять.

Наша группа размещалась в обнесенном стеной вре́менном лагере на окраине Макени. На одном его краю находилось длинное одноэтажное здание, фасад которого глядел на шоссе, на другом — два строения поменьше. Джипы ООН стояли между зданиями, укрытые от любопытных глаз. По другую от лагеря сторону шоссе располагался колодец, который приходилось раз в

неделю пополнять водой.

Я познакомился с моими новыми коллегами. В состав группы входило четырнадцать наблюдателей (десять национальностей, восемь языков, шесть религий) и, какое-то время, ручная обезьянка по имени Оскар. Командовал группой полковник воздушно-десантных войск Великобритании Джим Скьюз. Перед нами стояли две основные задачи: оценивать уровень безопасности на вверенной нам территории и следить за ходом процесса разоружения.

Майор Игорь Котов, крепкого сложения русский, показал мне мое жилье, находившееся в одной из хибарок лагеря. Стены у хибарки были из шлакобетонных блоков, окна зарешечены, а крепкая металлическая дверь запиралась только снаружи. Я спросил у Игоря, не склад ли это.

— Нет. Тюрьма ОРФ. Будете спать здесь. Вполне безопасно.

Прежним обитателем этого дома был Деннис Минго, он же Супермен, командир ОРФ, имевший репутацию человека жестокого даже по меркам ОРФ. Как я потом узнал, прозвище свое Минго заработал благодаря предпочитаемому им способу убийства — он сбрасывал свои жертвы с высоких домов, предлагая им «полетать, как Супермен».

Комната была грязной. Я отдраил стены, однако стереть зловещие темно-красные пятна мне все же не удалось. Свежая покраска вскоре убрала с глаз — хоть и не убрала из памяти — свидетельства того, что Супермен пытал здесь людей.

Крыша из гофрированного железа защищала комнату от дождя, однако жарко тут было как в печке, даже ночами. Я решил акклиматизироваться как положено, не поддаваясь искушению установить в комнате вентилятор. Хоть это и означало, что я первые несколько дней буквально купался в поту и почти не спал ночами, оно того стоило. Некоторые из коллег сочли мою позицию странноватой, однако когда дела оборачиваются плохо, то, что ты успел акклиматизироваться, может спасти тебе жизнь.

Комната моя располагалась вблизи электрогенератора, тот громко стучал, однако через пару дней я к его шуму привык. На самом деле спать при работающем генераторе было даже легче. Когда его отключали, я слышал шебуршанье крыс у меня над головой, под крышей, и это не давало уснуть. Я попробовал воспользоваться крысиным ядом, и тот убил одну из крыс, однако тушки ее я так и не нашел. Можете мне поверить, хуже необходимости делить спальню с живыми крысами только необходимость делить ее с дохлой, разлагающейся.

Вскоре я хорошо освоился с повадками моих сожителей-грызунов. Каждые три дня они прибирались в своем жилище,

сбрасывая помет на мою москитную сетку. Отдирание от нее крысиного дерьма стало моей регулярной работой. Тревожило меня то обстоятельство, что сотрудник располагавшейся неподалеку британской службы гуманитарной помощи умер совсем недавно от лихорадки Ласса. Это болезнь, поражающая людей, которые вдыхают пары́ крысиной мочи. Я испробовал самые разные способы изгнания крыс: пытался выкурить их (никакого эффекта, разве что комната моя на недели провоняла дымом), разобрал крышу, чтобы взглянуть на них (крысы разбежались еще до того, как я их увидел, а крыша начала протекать). Хотел даже обзавестись кошкой, однако единственная, какую мне удалось найти в Макени, была костлява, изнурена болезнями, а размером не превосходила самих крыс, и я решил, что шансов справиться с ними у нее никаких.

Поначалу меня включили в состав группы военной информации. Службой военной информации в ООН называют разведку (последнее слово слишком уж отдает холодной войной). Будучи новым здесь человеком, я толком в ситуации не разбирался, однако меня назначили на этот пост, поскольку английский был моим родным языком и мне было проще составлять ежедневные отчеты о положении в стране.

Между сотрудниками нашей команды существовали противоречия почти неразрешимые. Африканцы имели склонность каждодневно отправляться после полудня «по бабам» или приводить таковых к себе. К сожалению, благочестивые мусульмане не могли примириться с этим и отказывались делить с африканцами жилье. Был достигнут компромисс: африканцы сняли по соседству дом, который и использовали для любовных утех, а в рабочих кабинетах появились таблички: «В СЛУЖЕБНЫХ ПОМЕЩЕНИЯХ НЕ КУРИТЬ И ЖЕНЩИН В НИХ НЕ ПРИВОДИТЬ». Общим у нас было лишь одно: мы носили береты ООН. Впрочем, разнородность была как раз сильной нашей стороной.

В помощь нам был придан батальон из пятисот легковооруженных кенийских пехотинцев. Считалось, что повстанцы не станут разоружаться, если мы их не защитим, — страх, что местные жители поквитаются с ними, был небезоснователен. Кенийцы были разбросаны по самым разным местам, более ста человек на одно место никогда не приходилось. Наш лагерь охраняли всего шестеро из них.

Распорядок дня, который я для себя установил, подразумевал ранний подъем, позволявший сделать основную часть работы, пока еще нет жары. Я наслаждался ранними утренними пробежками, которые позволяли мне не только поддерживать форму, но и осматривать окрестности. Иногда мне составлял

компанию Муса, владелец земли, на которой стоял наш лагерь, и я исследовал глухие улочки Макени и тропы в полях и соседних деревнях. Муса знакомил меня с командирами многочисленных блокпостов, расставленных по дорогам и тропам. Он все еще состоял под патронажем и защитой Супермена, так что с ним я чувствовал себя в безопасности. Местные ребятишки, когда мы пробегали мимо, по-дружески осыпали нас бранью на своем языке, менде. Муса переводил: «Смотри, как красиво бежит этот белый человек!» Мне было лестно такое слышать, но я усомнился. И оказался прав. Наш сосед дал мне точный перевод: «С добрым утром, куриные ноги!»

Пробежавшись, я принимал душ — вешая на ветку дерева наполненный водой пластиковый пакет с проколотыми в нем дырками — и брился, взбивая пену в жестяном котелке и одновременно слушая зарубежное вещание Би-би-си.

После завтрака начинался рабочий день. Мы старались сделать как можно больше поутру, пока повстанцы были еще тихи. Ближе к полудню большинство их уже распалялось, накачавшись спиртным или наркотиками, добиться от них толку было труднее, к тому же они становились довольно непредсказуемыми.

Первая и главная наша задача состояла в том, чтобы оценить, насколько безопасна ситуация. Мы передвигались по окрестностям пешком или в джипе и старались опросить население, выясняя, что происходит в округе. Кроме того, мы пытались «вразумить» здешних повстанцев, объясняя, зачем тут находится миссия ООН и какие выгоды принесет им разоружение. В подписанном повстанцами в Ломе мирном соглашении говорилось, что служащие ООН могут беспрепятственно передвигаться по стране. Несмотря на это, командиры блокпостов считали, что всякий, кто желает спокойно их миновать, должен платить. Я отказывался давать им деньги, не желая создавать прецедент. Тем не менее всякий раз, как я попадал даже на один и тот же блокпост, повстанцы ожидали все того же, и я вместо денег раздавал им разные вещицы — ручки, карандаши, — которые прихватил с собой из Великобритании.

Самым тяжелым оказалось патрулирование, в ходе которого мы попытались добраться до находящегося более чем в двухстах километрах от нас городка Коно, рядом с алмазными копями. Заключенное в Ломе мирное соглашение запрещало нелегальную добычу и экспорт алмазов, потому ОРФ не желал допускать туда сотрудников ООН, стремящихся выяснить, что там происходит.

Формально Коно принадлежал к сфере ответственности другой группы наблюдателей ООН, наподобие нашей. Но та раз за

разом придумывала отговорки, позволявшие отлынивать от поездок в этот городок. В штаб-квартире ООН возмутились и попросили нас съездить туда.

Возглавил патруль полковник Джим, я вызвался сопровождать его в головной машине. Замбиец Джордж и пакистанец Ризви ехали во второй машине, кроме того, нас сопровождал вооруженный эскорт кенийцев.

Чтобы обеспечить спокойный проезд через блокпосты, мы взяли с собой двух командиров повстанцев: подполковника Альфреда Джимми и полковника Шерифа. Оба были хорошо образованными, прагматичными людьми, верившими в благотворность мирного процесса, — в дальнейшем они собирались заняться политикой. Впрочем, звания свои Джимми и Шериф заслужили в боях, а не в политической борьбе. Продвигаясь к Коно, мы проезжали по местам боев, в которых они принимали участие как командиры. Мрачная представилась нам картина. Многие из погибших так и лежали там, где их убили, скелеты дочиста обглодали стервятники. Некоторые были обезглавлены — черепа их красовались на воткнутых поблизости кольях. Я спросил Шерифа, отрубали ли им головы еще живым или уже после смерти.

— Когда как, — ответил он и продолжал: — Видите то бревно? Мы перегородили дорогу, чтобы бронемашины не проехали. А когда нигерийские солдаты вылезли, чтобы убрать его, мы обстреляли их из гранатомета и добили из пулемета вон из тех зарослей. Это их головы торчат на столбах!

Мы перешли к теме людоедства. Шериф сказал, что многие бойцы верят: если съесть сердце сильного мужчины, сила его перейдет к тебе. Сам он подобных предрассудков не разделяет, однако считает, что людоедство позволяет сплотить людей и поднять их моральный дух.

Я поинтересовался, по возможности бесстрастно:

— А вам, Шериф, тоже случалось есть человечину?

— Да.

— Правда, что человечина напоминает свинину?

— Не знаю, — ответил он. — Я же мусульманин.

Я спросил у Шерифа, как он оказался среди повстанцев. Он ответил, что, окончив в 1987 году (в один год со мной) школу, начал было учиться во Фритауне на юриста. Однако в 1990-м он стал свидетелем ужасного события. Его отец, полицейский, во время попытки вооруженного переворота находился при исполнении обязанностей. Шериф видел, как мятежные солдаты выкололи его отцу глаза и залили в глазницы аккумуляторную кислоту. И Шериф присоединился к ОРФ. Я начал понимать,

насколько трудно будет разорвать круг насилия.

Шериф превратился в жестокого головореза, но все еще был способен на проявления доброты — я видел однажды, как он отдал свой завтрак голодному нищему. Общаться с ним мне было довольно легко, я только гадал, каким бы я стал, проживи я такую жизнь, как он.

Разоружаем повстанцев

На протяжении первых восьмидесяти километров дежурившие на блокпостах повстанцы узнавали Шерифа и Джимми и пропускали нас сразу. Однако, когда мы отъехали подальше и их перестали с ходу узнавать, оба сильно занервничали. Теперь переговоры, которые они вели на каждом из блокпостов, становились все более продолжительными.

Когда нас остановили снова, до Коно оставалось всего восемь километров. Командира этого блокпоста звали майор Психо, а лет ему было всего пятнадцать. Я помню его красный берет с пулевыми пробоинами на каждом виске. Кенийскому эскорту пришлось остаться на блокпосту, а меня с Джимом «пригласили» заглянуть в ближнюю деревню. Там мы услышали, что сегодня в Коно проехать будет нельзя и что нам придется заночевать здесь. Поскольку атмосфера вокруг нас все более накалялась, мне вовсе не улыбалось провести ночь в этой деревне. Джим согласился со мной, но Психо отказывался отпускать нас. Даже Шериф с Джимми и те были напуганы.

На блокпосту кенийцы вели переговоры. Они убедили повстанцев в том, что «двое белых и сами не знают, что делают, но люди они безвредные», однако выбраться из деревни мы смогли лишь после трудных трехчасовых переговоров.

Мы с Джимом признали, что забрались слишком далеко. И поехали по ночным дорогам обратно в Макени, так и не увидев Коно. А прежде чем нам удалось предпринять вторую попытку, соглашение о прекращении огня было приостановлено.

Вторая наша задача состояла в том, чтобы присматривать за процессом разоружения, когда, или скорее если, он начнется. Какое-то время ОРФ тянула канитель, более или менее соблюдая договоренность о прекращении огня, что позволяло работать на их территории службам гуманитарной помощи, и все же отказывалась сдавать какое бы то ни было оружие. Однако медленный прогресс все же имел место. Команда экспертов из Министерства международного развития (ММР) Соединенного Королевства добилась от командования ОРФ разрешения начать на его территории строительство некоторого числа лагерей для разоружившихся повстанцев. Ближайший к нам находился в пятнадцати километрах от Макени. Предполагалось, что бойцы ОРФ, разоружившись, станут жить в этих лагерях. Их будут кормить, оказывать им медицинскую помощь, выдадут им по триста долларов и обучат основам какого-нибудь ремесла. К

началу апреля возведение первых «лагерей разоружения, демобилизации и реинтеграции» было практически завершено.

В других частях страны процесс разоружения шел хорошо, и это позволяло нам посещать некоторые команды военных наблюдателей, чтобы посмотреть, с какими трудностями они сталкиваются. Трудностей хватало. Одна из основных проблем состояла в том, чтобы установить, кто действительно принадлежит к числу комбатантов — людей, принимавших участие в боевых действиях. Для того чтобы тебя сочли экс-комбатантом, ты должен иметь на руках оружие. К примеру, ООН не считает тебя комбатантом, если ты пришел «разоружаться», имея при себе всего лишь ручную гранату. И не считает потому, что гранату ты мог купить на черном рынке за десять долларов, а сдав ее, получить триста. Одна женщина, попытавшаяся проделать такой фокус, кончила очень плохо. Услышав, что трехсот долларов ей не дадут, она выдернула из гранаты чеку.

Вблизи Макени находилось около двух тысяч бойцов-повстанцев и, быть может, еще десять тысяч во всей зоне нашей ответственности. Нас предупреждали, что мы можем столкнуться с бойцами детского возраста, однако реальная встреча с ними стала для нас потрясением. По моим прикидкам, средний возраст бойцов ОРФ составлял в Макени двенадцать-тринадцать лет. Некоторые были еще моложе.

Взаимодействие с детьми-солдатами было делом сложным — и в моральном, и в практическом отношении. С одной стороны, ты понимал, что это дети и что в своих прегрешениях они на самом деле не виноваты. С другой стороны, само их неведение относительно того, что представляет собой общечеловеческая мораль, делало их особенно опасными, а командиры повстанцев усердно это использовали. Вербовка бойцов в ОРФ была жестокой, но эффективной. Типичный метод состоял в том, чтобы просто напасть на деревню, перебить или перекалечить взрослых и силком увести с собой детей. Для обеспечения лояльности новых рекрутов ОРФ насильно заставлял их принимать наркотики или совершать жестокости в отношении их же собственных родных. А когда они превращались в сирот, ОРФ заменял им семью.

Спустя какое-то время становилось уже трудно относиться к детям-солдатам иначе как к маленьким дикарям, лишенным представления о хорошем и дурном. При этом они имели при себе оружие и были, как правило, «забалдевшими» от марихуаны, героина или пальмового вина, а нередко и от всего этого сразу.

Проведя первый месяц в нашей команде, я по электронной почте отправил домой письмо. Не желая тревожить своих

близких, я постарался сосредоточиться на более светлых сторонах жизни среди повстанцев ОРФ.

20 февраля 2000 года

Здесь жарко, но все идет хорошо. Я прикомандирован к миссии военных наблюдателей ООН, находящейся в городе Макени, это в 150 километрах к северо-востоку от Фритауна. Как всегда, во время предварительных инструктажей опасность была преувеличена. Правда, вокруг нас множество людей, число конечностей у которых несколько меньше положенного, а территория эта контролируется Объединенным революционным фронтом.

Средний возраст бойцов ОРФ — подростковый. Все немного смахивает на «Повелителя мух». Повышение в звании становится результатом успешных боевых действий (убийств) — при этом я еще не встречал никого, кто носил бы звание ниже капитанского. Вообще говоря, пока ты ведешь себя с ними твердо, ты можешь идти куда угодно и делать что угодно, однако (простите, если я начинаю смахивать на пожилого брюзгу) они настолько накачаны наркотиками и в целом малоразвиты, что зачастую не ведают и собственных имен, не говоря уж о познаниях насчет происходящего в их стране мирного процесса. Солдаты ОРФ — рабы моды. Солнечные очки и стрижка ежиком — это всенепременно, а вот насчет любимой одежды не уверен — пока мне кажется, что наиболее популярна здесь футболка с портретом Леонардо ди Каприо.

Предполагается, что здесь идет процесс разоружения, демобилизации и реинтеграции. Командование ОРФ уверяет, что поддерживает РДР, однако не подкрепляет своих слов действиями. Это огорчительно, поскольку простые люди искренне желают мира. Ожидания велики, и каждый день, проходящий без РДР, — это новый шаг к возобновлению насилия. Солдаты ОРФ жалованья не получают. Единственное их вознаграждение — это военная добыча, так что, возможно, срок нашего пребывания здесь скоро истечет.

Поскольку РДР, за которым мы могли бы наблюдать, не существует, мы коротаем время за патрулированием да общаемся с местными жителями — мое мастерство по части фрисби все возрастает. Местные мальчишки прозвали меня Мистер Вы Готовы. Они здорово

навострились приносить мне брошенный диск. Время от времени я бросаю его в толпу ребят («Вы готовы, ребята?» — отсюда и прозвище). Как правило, они кидаются врассыпную, топча упавших, однако игра им, похоже, нравится, особенно если диск попадает кому-нибудь в лицо.

В коллегах состоят у меня люди самые разные: есть превосходные, есть милые, но бестолковые, а есть и ленивые, жадные до денег ублюдки, которые находятся здесь лишь по одной причине — финансовой. ООН выдает нам щедрое «пособие для поддержки миссии» (= деньги). Говорят, что парни из беднейших стран за день получают от ООН больше, чем получали за месяц от своих правительств. Официальным языком ООН является здесь английский, но, что еще важнее, это единственный общий для всех повстанцев язык. Большинство моих коллег вполне прилично говорят по-английски, однако сочетание дурного качества радиосвязи с бюрократическим уровнем написания отчетов означает, что здесь большой спрос именно на британцев.

Еда тут однообразная, однако достаточно здоровая, возможностей для развлечений более чем хватает. Сегодня вечером мы отправляемся на местную «дискотеку», чтобы посмотреть по спутниковому ТВ футбольный матч (финал Африканского кубка наций), — нас пригласил в качестве гостей бригадир ОРФ (это либерийский наемник, питающий слабость к Джорджу Уи, который играет за «Челси», так что я беседую с ним о футболе, не о политике). В прошлом году он захватил во Фритауне телевидение и электрогенератор. ОРФ стоит на стороне Нигерии. Как это ни странно, многие повстанцы носят мундиры нигерийских солдат, которых они убили в ходе гражданской войны, похоже, однако, что двойные стандарты их не смущают…

Еще у нас есть обезьянка по имени Оскар, мы выкупили ее у местных мальчишек. Мы думали, что Оскар от нас сбежит, однако пока он живет на дереве у дома и время от времени нас навещает.

Со связью здесь плохо — контакт с внешним миром по спутниковому телефону обходится по шесть долларов за минуту. Надеюсь, письмо до вас дойдет, пошлите и вы мне E-mail, рано или поздно я смогу его прочитать.

С любовью, Фил

К сожалению, Оскар долго не протянул. В Сьерра-Леоне обезьянье мясо популярно (я однажды попробовал его с салатом и лавашем). Родителей Оскара застрелили какие-то местные охотники, сам же он был слишком мал и на мясо не годился, потому стал ручным зверьком у местных ребятишек. Они держали его на цепи и жестоко дразнили, вот мы и решили купить ему свободу.

Оскар, возможно, потому, что был лишен обычного для обезьян страха перед людьми, оказался, себе на беду, слишком общительным. Он забегал в дом, воровал бананы, гонялся за курами и соседскими детьми, и это привело к печальным последствиям. В конце концов Оскар зашел слишком далеко: начал отдирать пальмовые листья от крыши соседского дома. Соседи забросали его камнями, и он удрал на свое дерево. Но Оскар уже пристрастился портить крышу и, когда обстрел камнями прекратился, набросился на нее с новой силой. В тот же вечер он исчез.

Я попросил одного из наших домашних слуг, Ибрагима, разузнать, что произошло. Утром он принес печальное известие. Оскар кончил свои дни в кухонном котле. Ссориться с соседями мы не хотели, поэтому ничего говорить им не стали. Благополучие животных — последняя забота в захваченном повстанцами Макени.

Помимо всего прочего, я занимал пост председателя Комитета по надзору за прекращением огня (КНПО) в городе под названием Кабала, в двух часах езды от Макени. Кабала все еще удерживался армией Сьерра-Леоне, и раз в неделю там проходили совещания, на которых обсуждались донесения о нарушениях договоренности о прекращении огня. Каждая из воюющих сторон присылала на совещания своего представителя: ОРФ, армия Сьерра-Леоне, камаджоры и Революционный совет вооруженных сил (РСВС). Совещания эти, как правило, оканчивались шумной перебранкой, однако я договорился с участниками, что, если до драки дело не доходит, я после совещания угощаю всех ленчем. Договоренность возымела желаемый эффект.

Один из вопросов, поднимавшихся на совещаниях, был связан с «Группой Дикаря», отколовшейся от Революционного совета и состоявшей под командованием некоего самозваного полковника Дикаря. Группа эта на разных этапах ходила в союзниках и армии Сьерра-Леоне, и ОРФ. Теперь она ухитрилась рассориться и с той, и с другим, а представители этих воюющих сторон воспользовались совещанием, чтобы состряпать заговор, который позволил бы «решить» проблему Дикаря.

Я указал им на то, что, как председатель КНПО, не могу

попустительствовать нарушению договоренности о прекращении огня, на что представитель ОРФ предложил решить проблему без единого выстрела. Я попросил его уточнить, каким образом. «Ну, мы могли бы забить их всех до смерти палками».

Однако ОРФ по-прежнему стремился взять это дело в свои руки, и в следующие несколько дней мы начали получать неподтвержденные сообщения о нападениях «Группы Дикаря» на позиции ОРФ. Было ясно, что такая информация дает ОРФ повод контратаковать, не выглядя при этом агрессором.

Чтобы предотвратить резню, я вместе с полковником Джимом и еще шестью офицерами отправился в Кабала. Мы надеялись, что, если нам удастся разоружить людей из «Группы Дикаря», нам позволят отправить их под охраной в демобилизационный лагерь, расположенный в более спокойной части страны. Мы направили Дикарю послание, в котором говорилось, что, если он будет сотрудничать с нами, мы сможем организовать безопасный путь отхода для него и его людей. Если же он откажется, солдаты ОРФ просто убьют его. Его бойцы засели к тому времени в деревне неподалеку от Кабала — между армией Сьерра-Леоне, отказавшейся помочь им, и частями ОРФ. Податься им было некуда, однако Дикарь и его группа в течение двух дней вели бои.

Мы пару раз посылали к нему для переговоров наших людей, но Дикарь отказывался сотрудничать с нами. На третий день настал мой черед, я доехал до последнего блокпоста армии Сьерра-Леоне, а оттуда по ничейной земле пошел в деревню. «Группа Дикаря», проведшая в буше почти два года, походила на средневековую армию. Нечесаных солдат сопровождали своего рода маркитанты: молодые женщины, которых они похитили и использовали в качестве сексуальных рабынь, женщины постарше — стряпухи — и дети, которых заставляли носить за солдатами боеприпасы и добывать для них еду.

Меня отвели к самому Дикарю — впечатляющей персоне с козлиной бородкой и в темных очках. Он сидел в кресле, вокруг него расположились телохранители, рядом с креслом стояла высококачественная стереосистема, из которой несся американский рэп. Я сказал ему, что я — его последний шанс. Я готов остаться при нем на час, но едва я уйду, все будет кончено. Затем я, изображая безмятежность, надел темные очки, стянул рубашку и улегся загорать.

Так мы притворялись друг перед другом несколько минут. С патовым положением было покончено, когда неподалеку взорвалась выпущенная из РПГ граната. Время было рассчитано правильно — Дикарь тут же сказал мне, что его люди сложат оружие.

Разоружение трехсот пятидесяти солдат продолжалось до поздней ночи. На каждую передаваемую нам единицу оружия приходилось еще и два-три «маркитанта». Этих жалких приспешников нельзя было счесть экс-комбатантами, однако нельзя же было просто предоставить их собственной участи, поэтому мы решили вывести под охраной и их тоже.

Ближайший демобилизационный лагерь находился в пятистах километрах отсюда, двигаться к нему нужно было по территории ОРФ. Чтобы обеспечить нас транспортом, из Фритауна был выслан конвой индийских и кенийских грузовиков с вооруженной охраной — они три дня добирались до нас.

Вынужденнее пребывание в Кабала, где мы дожидались появления грузовиков, мне даже понравилось. Этот город ни разу не побывал в руках ОРФ, так что мы имели возможность составить представление о том, как выглядела страна до гражданской войны. То был шумный рыночный городок, окруженный удивительными горами — внушительными гранитными пиками, вздымающимися к небу прямо из джунглей. Я решил возглавить небольшую группу экс-комбатантов и подняться на один из них. Интересно было взойти на красивую гору, вдобавок меня радовала возможность показать этим паренькам, что в жизни существуют не одни лишь бои.

Последние тридцать метров до пика мы поднимались по легкому маршруту, и я с приятным удивлением обнаружил, что моя разношерстная команда, похоже, получает не меньшее, чем я, удовольствие. В одном технически сложном месте я протянул ребятам свой ремень, чтобы им было за что ухватиться. Пока я помогал им подниматься по скалам, они выглядели просто мальчишками, которые радуются приключению. (Увы, когда мы вернулись в Кабала, они снова стали бандитами.)

Я попросил их дать нашему новому пику имя.

— Гора Дикарь, — предложили они, посовещавшись.

— Вы можете назвать ее как хотите, однако вторая по высоте вершина мира, К-2, уже носит такое имя.

— Ну, ладно. А как насчет пик Кровавый Потрошитель Девственниц?

Мне пришлось согласиться с тем, что гора с таким названием в мире вряд ли найдется.

Когда появились грузовики, половина населения Кабала уже объявила себя экс-комбатантами, надеясь на бесплатный проезд до Фритауна. Мужчины, женщины, дети, козы, куры, даже телята — все это норовило втиснуться в грузовики.

Силы ООН прислали за Дикарем и его ближайшими родственниками вертолет — мы опасались, что, если нам

придется везти его по территории ОРФ, бойцы последнего не удержатся от искушения прикончить полковника. Если же нам не удастся обеспечить Дикарю безопасный проезд, пойдут разговоры, что ООН никого защитить не способна, и мы не сумеем убедить других командиров разоружиться.

Дикаря с женой мы подвезли до посадочной площадки вертолета в нашей машине, при этом неблагодарный сукин сын спер мои лежавшие на заднем сиденье темные очки. Мысль о том, что столь неравнодушная к своему облику персона позарилась на мои купленные в «Вулворте» за 2,29 фунта очочки, меня позабавила. Теперь мы наконец могли начать на нагруженных людьми машинах путешествие по территории ОРФ.

В каждом городе или деревне, мимо которых мы проезжали, стояли блокпосты ОРФ. Одним из них командовал двенадцатилетний повстанец, именовавший себя «полковой старшина Убийца». Его начальство приказало ему помочь нам, однако это ему было вовсе не по душе. Я уговорил его опустить веревку, перегораживавшую дорогу у блокпоста, и первые два грузовика миновали пост беспрепятственно. В следующей машине Убийца увидел своего давнего врага и тут же дико заорал: «Этот человек нападал на моих людей!» И приказал своим солдатам снова натянуть поперек дороги веревку, однако грузовик не успел затормозить. Веревка перехлестнула его капот, и блокпост Убийцы развалился на куски. Тот впал в неистовство, однако теперь его гнев направлен был на меня. Он сорвал с плеча автомат. Вдалеке выскакивали из своих грузовиков вооруженные кенийцы.

Я старался говорить спокойно, но властно. «Старшина, два дня назад люди из „Группы Дикаря“ были вашими врагами. Я их разоружил. Опустите автомат, и все мы сможем дожить до следующего сражения».

Убийцу я, похоже, до конца не убедил, однако заронил в его душу сомнение. Наконец кенийцы забросили свои винтовки на плечи и направились к нам, вооруженные лишь широкими улыбками. Опасный миг миновал, и все же, забираясь в свой джип, я чувствовал, что меня трясет. Я оказался слишком близко к смерти и потому, добравшись до демобилизационного лагеря в Лунги, близ международного аэропорта, сдал свой человеческий груз с большим облегчением.

Я не рассчитывал снова увидеть кого-нибудь из «Группы Дикаря». Однако некоторые из них решили присоединиться к другому ополчению, «Парням с Запада». Именно эти бандиты несколько месяцев спустя, в сентябре 2000 года, когда я уже вернулся из Сьерра-Леоне, взяли в заложники нескольких

британских солдат. Я не испытывал сожалений, услышав, что не все люди Дикаря уцелели в схватке с освобождавшими заложников бойцами британского спецназа. Я лишь гадал, кто теперь носит мои темные очки…

На следующей неделе меня ждал отпуск — я запрыгнул в самолет, летевший в Гамбию, где и пронежился с Анной неделю в пятизвездочном отеле. Странно было оказаться в подобной роскоши после всего только двух часов полета. Анна привезла мое обручальное кольцо — тащить дорогое украшение в Сьерра-Леоне было неразумно, — и я, надевая его, чувствовал себя в точности так же, как в день, когда мы поженились. Неделя пролетела мгновенно, я и опомниться не успел, как уже снова снял кольцо и попрощался с Анной.

До моего тридцатилетия оставалась лишь пара недель, так что Анна привезла мне кое-какие подарки. Зная, что я возьму с собой только то, чего не жаль лишиться, она включила в число подарков новые очки из «Вулворта», несколько музыкальных записей, видеофильм «Отец Тед» и банку фасоли компании «Хайнц».

После встречи с Анной я стал скучать по ней гораздо сильнее, но чувствовал себя отдохнувшим и ждал возможности снова помериться силой ума с повстанцами ОРФ. Пока что наши достижения сводились к разоружению детей-солдат из «Группы Дикаря», но ведь настоящих повстанцев мы так и не разоружили.

К апрелю 2000 года в процесс РДР включилось 25 тысяч экс-комбатантов (из всех воюющих фракций за вычетом ОРФ). Однако в опорных пунктах ОРФ разоружение так и не началось. Теперь полковник Джим поставил меня во главе ведавшей разоружением группы офицеров, и я чувствовал себя польщенным. Если бы удалось склонить к разоружению части ОРФ в Макени, остальные последовали бы их примеру. Во всяком случае, мы на это надеялись.

Как развязать гражданскую войну

Под самый конец апреля обстановка ухудшилась. После месяца болезненно медленных переговоров мы наконец завершили постройку неподалеку от Макени лагеря для разоружения повстанцев. Мы также, с разрешения повстанцев, создали некоторое число временных центров приемки, в которые все желающие могли сдавать имеющееся у них оружие.

Процесс выглядел так: комбатант приходил в центр приемки, сдавал оружие и получал комплект удостоверяющих его личность документов. После этого его помещали в лагерь РДР, где он проходил медицинское обследование и получал профессиональную подготовку, Центры приемки были отделены от лагерей РДР, что позволяло предотвратить стычки представителей соперничающих фракций, одни из которых были еще вооружены, а другие — уже нет.

Официально наш лагерь РДР и центр приемки открылись 20 апреля, и мы начали работать в них, несмотря даже на то, что в ту пору никакие экс-комбатанты в них еще не заглядывали. Я должен был присматривать за центром приемки в Макени и выдавать документы каждому пожелавшему сдать оружие комбатанту.

Мы разбили палатки, расставили столы, стулья, столбы с указателями и соорудили навес, под которым любой сдающий оружие повстанец мог получить чашку чая и печенье, прежде чем его, уже безоружного, отвезут в лагерь РДР.

В течение недели мы каждый день расставляли столы и ожидали, когда явится первый наш клиент. Никто так и не явился. И это действовало на нас угнетающе. С другой стороны, я уже несколько дней плохо себя чувствовал и был доволен, что делать ничего не приходится.

Общение с ОРФ было занятием тяжелым, и потому предполагалось, что каждый из нас будет ежемесячно получать несколько дней отпуска. Мне отлучка в Гамбию определенно пошла на пользу, а вот наш полковник Джим не имел ни одного выходного с самого января и походил на выжатый лимон, так что мы уговорили его взять давным-давно просроченный им отпуск. Перед отбытием он пошутил: «Только до моего возвращения не затевайте здесь гражданскую войну». Теперь, задним числом, мне представляется, что такими словами он явно искушал судьбу.

Кое-кто из командиров повстанцев, в частности полковник Огюстин Бао, начальник службы безопасности ОРФ, начал делать нам с Джимом грозные намеки, обвиняя нас в том, что мы несем

личную ответственность за разного рода «преступления» англичан против ОРФ. В состав этих преступлений входили: колониализм, эксплуатация и скрытое пособничество поставлявшим в страну наемников организациям, включая такие британские компании, как «Сэндлайн Интернэшнл» и «Экзекьютив аутсомс». Обе эти организации принимали — либо прямо, либо опосредованно — участие в успешных военных операциях, направленных против ОРФ. С точки зрения ОРФ, это означало, что англичане встали на сторону его врагов, что и вменялось нам в вину.

Бао питал к Британии особую ненависть. Он некоторое время жил в Лондоне и Глазго и при любой возможности говорил нам, что обходились с ним там ужасно. Не исключено, что так оно и было, однако, когда я просил его привести примеры, он в лучшем случае рассказывал о «преступлении против человечности», сводившемся к тому, что однажды в Лондоне он попросил таксиста сделать музыку потише, а тот не сделал. Не лучший, по-моему, повод для объявления войны.

Уходя в отпуск, полковник Джим назначил своим заместителем малайзийца майора Ганазе, попросив меня проследить за тем, чтобы все происходило должным образом. Оставить меня заместителем означало бы дать лишний повод к домыслам относительно заговора.

Однако в день отбытия Джима меня донимало совсем другое. То, что было поначалу тупой головной болью и общей сонливостью, превратилось в нечто похуже. В течение нескольких дней боль настолько усилилась, что мне стало трудно думать о чем бы то ни было помимо нее. Кое-кто полагал, что я подхватил малярию, однако я каждую неделю старательно глотал антималярийные таблетки «лариум» и потому считал, что у меня, скорее всего, просто сильный грипп. Однако эффективность «лариума» составляет лишь 95 процентов, а меня угораздило попасть в остаточные пять. Пару дней я боролся с болезнью, выходя на работу, но головная боль была настолько сильна, что меня мутило и я не мог есть.

Товарищи отвели меня для медосмотра в штаб кенийского батальона, тамошний врач сделал несколько анализов и сказал, что у меня малярия. Он накачал меня лекарствами и радостно сообщил, что моя разновидность малярии относится к тем, что либо быстро проходят, либо завершаются летальным исходом.

— Просто потерпите пару дней, — предложил он.

Я спросил, когда мне следует снова показаться ему.

— Нет смысла, — ответил он с типичным для кенийцев прагматизмом.

Поначалу меня выворачивало наизнанку (побочный эффект принятых мной лекарств), но затем мне стало намного лучше. Лекарства явно подействовали, к тому же я познакомился с коллегой, которому пришлось еще более туго, чем мне. Энди Самсонофф, еще один британский офицер-наблюдатель, присоединился к нашей команде. Он только что вышел из госпиталя, где валялся с брюшным тифом. Мы сравнили наши впечатления, и Энди сухо отметил, что я по крайней мере прохудился только с одного конца тела. Всегда приятно встретить человека, который чувствует себя хуже, чем ты.

Было несколько случаев, когда небольшие группы повстанцев приходили либо в центр приемки, либо непосредственно в жилища нашей команды, чтобы узнать побольше о процессе РДР. Поначалу я отсылал их, чтобы они дожидались от своего командования официального приказа начать разоружение. Я вовсе не стремился добавить к списку наших прегрешений еще и «подстрекательство к мятежу». В любом случае правительство Сьерра-Леоне собиралось 1 мая одновременно открыть в стране шесть новых лагерей РДР: два для солдат ОРФ, два для бойцов Сил гражданской обороны (СГО) и еще два для бывших солдат армии Сьерра-Леоне. В тот же день сама армия Сьерра-Леоне должна была в знак солидарности с правительством сдать оружие властям. Мы полагали, что, пока этого не произойдет, ОРФ разоружаться вряд ли станет.

Двадцать девятого апреля, в день моего тридцатилетия, ко мне обратились десять желавших разоружиться повстанцев. Я надеялся, что они создадут прецедент, которым воспользуются и другие, однако все еще считал неразумным действовать, пока местное командование не даст одобрения. Мою озабоченность разделяли также командир кенийцев, группа военных наблюдателей ООН из Магбурака и Фергус, руководитель группы ММР, знавший повстанцев лучше, чем кто бы то ни было. То был здоровенный рыжий ирландец, способный переспорить, перепить и перекурить кого угодно. Осмотрительный махинатор, он умел, общаясь с командирами повстанцев, превосходно разыгрывать антибританскую карту, так что командиры эти питали к нему особую слабость.

Однако в штаб-квартире ООН считали, что стоит рискнуть и начать разоружение людей в Макени. Я же полагал, что мы, поскольку живем в Макени, лучше представляем себе возможную реакцию местного командования ОРФ, и прямо сказал в своем официальном рапорте: «Начав действовать в соответствии с вашими инструкциями, мы рискуем спровоцировать взрыв

насилия со стороны ОРФ, не имея возможностей сдержать его».

Протесты наши во внимание приняты не были, и потому я, подчиняясь приказу, разоружил в тот день десятерых повстанцев и выдал им новые удостоверения личности. Они питали опасения, что было вполне понятно. Им пришлось тайком пронести оружие через блокпосты ОРФ.

Мы понимали, что местных командиров повстанцев случившееся разозлит, однако надеялись, что гнев их не приведет к насильственным действиям. Сидя в тот день за столом в центре приемки, я заметил в письме, которое собирался отправить домой, что, «если это приведет к масштабному разоружению частей ОРФ, я буду считать, что получил в день рождения отличный подарок». Возможность отправить письмо мне так и не представилась — очень скоро оно вместе с другими моими вещами оказалось в руках повстанцев.

Утром 30 апреля кенийцы погрузили десятерых экс-комбатантов в машину и отвезли их в лагерь РДР для регистрации и медицинского обследования. Мы старались особо не распространяться об этом случае сдачи оружия. Однако в тот же вечер к лагерю РДР подошли полковник Бао, полковник Каллон и несколько сотен повстанцев. Они окружили лагерь.

Утром я нес службу в лагере РДР, а за несколько минут до появления толпы повстанцев вернулся, чтобы перекусить, в дом нашей команды в Макени. Это пустяковое обстоятельство спасло мне жизнь. Сидя рядом с моими товарищами по утренней смене и беззаботно поглощая макароны, я и подумать не мог, что вся наша дневная смена оказалась в заложниках.

Началось вооруженное противостояние. Когда мы попытались вступить в переговоры, повстанцы взяли в плен майора Ганазе, руководителя рабочей группы малайзийцев, и некоторое число кенийцев. Бао был в ярости из-за того, что его люди разоружились вопреки его приказу. Неспособный наказать «изменников», которые, что неудивительно, удрали в буш, он решил жестоко отомстить своим мучителям из ООН.

Оставшиеся кенийцы и еще один военный наблюдатель (бангладешец по имени Салах Уддин) провели в лагере РДР ночь на грани жизни и смерти, окруженные значительно превосходящим их по численности противником. Из их начальных, посланных по радио сообщений мы в Макени узнали, что дела плохи. Впрочем, сообщения резко оборвались, когда повстанцы захватили оборудованные рациями автомобили ООН.

Пытаясь выяснить, что происходит, командование приказало нам послать к командирам повстанцев еще одну группу переговорщиков. Я уже собирался ехать туда, как меня срочно

вызвали к телефону — аппарат стоял в одной из наших рабочих комнат. И вместо меня поехал офицер-норвежец. Его сопровождал подполковник из Гамбии. Ни тот, ни другой не вернулись.

Норвежец, когда его схватили, успел нажать кнопку «Передача» на рации, которую он спрятал в своей сумке. Мы с ужасом слушали, как его и его спутника избивают и подвергают сексуальным надругательствам. Обнаружив рацию, повстанцы обезумели окончательно, и крики двух мужчин оборвала автоматная очередь.

Мы решили, что случилось худшее, однако впоследствии узнали, что повстанцы играли с нами в кошки-мышки. Нашим коллегам «повезло»: их не убили, однако им предстояло провести три недели в аду. Норвежца голым привязывали к столбу и оставляли на целый день под солнцем, отчего он сильно обгорел. Гамбиец лишился ноги. В конце концов, благодаря достигнутой в Либерии договоренности, их отпустили на волю.

Храбрые кенийцы тоже послали несколько человек на переговоры. И эти люди не вернулись тоже.

Я понимал, что мое положение особенно шатко — ОРФ считал британцев корнем всех зол, какие существовали в Сьерра-Леоне. Более того, я принадлежал к коммандос, и человек, убивший меня, приобрел бы у толпы повстанцев особое уважение. А вдобавок ко всему на официальных бланках, удостоверявших разоружение повстанцев, стояла моя подпись.

Из четырнадцати наших сотрудников четверо пропали, включая и нашего командира Ганазе. Еще четверо, в том числе полковник Джим и Игорь, находились в отпуске во Фритауне. Нас оставалось шестеро.

В ту ночь повстанцы усилили свои посты на ведущих из города дорогах. По сути дела, мы оказались в ловушке. Повсюду брали заложников. Тем временем руководитель ОРФ Фодей Санко запустил на полный ход пропагандистскую машину, заявив, что ООН нападает на его солдат и заставляет их разоружаться.

Из ближайших деревень в город стекалось теперь все больше и больше повстанцев, возбуждение их было почти осязаемым. Мы слышали доносящуюся из центра города прерывистую автоматную стрельбу (показатель всеобщего воодушевления), скандирование лозунгов и пение. Наш дом патрулировали пешие или разъезжающие в пикапах солдаты, время от времени выпускавшие из автоматов очереди, чтобы посмотреть на нашу реакцию. Мы заперли двери и окна на засовы, а я набил вещмешок всем необходимым на случай, если придется удирать.

Во фритаунской штаб-квартире ООН никто, похоже, не воспринимал наше все ухудшавшееся положение всерьез. Мы

приходили в отчаяние — это еще мягко сказано, — слыша по рации, что «все спокойно», что мы напрасно поднимаем шум. Странно, но даже некоторые из тех пяти наблюдателей, что были со мной, отказывались признавать, что мы попали в ситуацию до крайности серьезную и неприятную. Один из них даже спросил меня, не отправимся ли мы завтра утром на патрулирование, — ему нужно прикупить в городе сигарет!

Я не хотел обострять ситуацию и велел шестерым охранявшим нас кенийцам держаться спокойно. Им следовало отвечать на огонь только в том случае, когда один из нас действительно попадет под «серьезный обстрел врага» (то есть получит пулю или окажется под угрозой ее получить). ОРФ ничего не стоило собрать команду вооруженных душегубов и бросить ее на штурм нашего дома, и я не хотел давать им повода говорить потом, что мы первые их «атаковали». Я надеялся, что к утру все успокоится.

Кенийцы, окопавшиеся в лагере РДР, ухитрились собрать работающую рацию. Повстанцы грозили напасть на них, если кенийцы не выдадут десятерых «дезертиров». Силы ООН обязаны были защищать всех добровольно сложивших оружие экс-комбатантов, однако эти экс-комбатанты давно уже сбежали.

Странная сцена была, когда в наш дом явились, желая поговорить со мной, полковник ОРФ Шериф и подполковник Альфред Джимми. Я хорошо знал этих людей по работе в Комитете по надзору за прекращением огня и более или менее доверял им, так что впустил их к нам для разговора.

У Шерифа вид был озабоченный. Он сказал мне, что тут «ужасная ошибка и недопонимание». Бао и Каллон, сказал он, сорвались с цепи. Чтобы оправдаться, Бао сказал главе ОРФ Фодею Санко, что люди из ООН напали на его людей и, угрожая оружием, заставили их разоружиться.

Шериф полагал, что сможет убедить Санко в том, что Бао и Каллон лгут, и потому я дал ему мой спутниковый телефон, чтобы он смог позвонить своему лидеру. Шериф поговорил с самим Санко, но безрезультатно. Санко предпочел верить сторонникам твердой линии.

Но даже несмотря на то, что другие командиры повстанцев не поддерживали Шерифа и Джимми, я все же предпочел остаться у них на хорошем счету и потому предложил обоим пива. А также спросил, не хотят ли они посмотреть видео. К сожалению, фильмы у нас были только воинственные — «Рембо-1, 2 и 3» да «Терминатор». Момент для воспевания насилия не самый удачный, особенно в присутствии заглядывавших в окна телохранителей, готовых в любую минуту открыть стрельбу. Так

что я поставил «Отца Теда», подаренного мне Анной на день рождения. Фильм, похоже, подействовал на них успокаивающе.

Прежде чем уйти, Шериф сказал, что мне лучше покинуть город. Я спросил его: как? Он пожал плечами. Знает ли он что-нибудь о планах нападения на нас?

— Я думаю, завтра. И опасайтесь Бао. У него на вас особые виды.

— Вы хотите сказать, что он намеревается принять меня как почетного гостя?

— Нет, я хочу сказать, что он собирается съесть вас.

Так. На это мне ответить было нечего. Шериф пожелал мне удачи и ушел, а я всю ночь мучился, не спал — слушал радио и не мог думать ни о чем, кроме гастрономических планов Бао.

На следующий день, 1 мая, в лагере РДР завершилось прекращение огня — да еще как эффектно. Едва рассвело, туда вломилась огромная толпа повстанцев, желавших «освободить» своих товарищей, которых «заставили» разоружиться. Обыскав лагерь, они утащили из него все, что могли утащить, а строения подожгли. Взвод кенийцев во главе с бангладешцем Салахом Уддином занял оборонительную позицию среди грузовиков. Полковник Бао потребовал, чтобы ему выдали Салаха Уддина. Кенийцы отказались сделать это и были атакованы. Мы услышали перестрелку, потом последние слова кенийского радиста: «Нас смяли».

Вскоре пришли дружески настроенные к нам мирные жители, чтобы сообщить: мы следующие.

Наше здание охраняли всего шестеро вооруженных мужчин. Ближайшая рота кенийцев (состоявшая, как правило, из ста человек), 1-я рота, находилась в километре от нашего дома.

Нам нужно было как-то добраться до 1-й роты, однако за нашим домом постоянно наблюдали, и незаметно выбраться из него было невозможно. Необходимо было что-то придумать, и как можно быстрее. Полковнику Бао и толпе линчевателей потребуется немного времени, чтобы добраться из лагеря РДР до нас.

И мне пришла в голову мысль. Егерь одного из канадских национальных парков однажды рассказал мне, как спастись от нападающего на тебя медведя-гризли: нужно просто бросить на землю рюкзак и не спеша удалиться. Твои бутерброды интересуют медведя куда больше, чем ты сам. Мне так и не довелось проделать подобный фокус с гризли, однако я решил, что принцип этот применим и к повстанцам. И потому мы, свалив у входа в дом разное, дорогое на вид снаряжение, выскользнули через заднюю дверь.

Уловка подействовала: повстанцы занялись прежде всего нашим имуществом. Мы потеряли телевизор, видеомагнитофон и холодильник, однако сохранили жизнь. И со всех ног помчались к роте кенийцев.

Вскоре в дом ворвалась толпа грабителей. Мы успели убраться как раз вовремя.

В окружении

Попасть в укрепленный лагерь кенийцев и хотя бы на миг ощутить, что ты в безопасности, — это было счастьем. Однако и теперешнее наше положение оказалось не намного лучше прежнего. 1-я рота располагалась в маленьком лагере, окруженном глинобитным забором метра в два. Семьдесят находившихся здесь кенийских солдат были вооружены мощными винтовками, однако на каждого приходилось всего по сто патронов. Командир роты и с ним еще тридцать солдат отсутствовали — это и был как раз тот взвод, что находился в лагере РДР.

Сам лагерь представлял собой бывшую католическую миссию: маленькая часовня и три обветшалых строения. Солдаты были скудно распределены по периметру лагеря — сидели в окопах, по трем из четырех углов лагеря были установлены пулеметы.

Командование лагерем взял на себя второй по старшинству офицер, капитан Моисей Корир, и, надо сказать, с делом своим он справлялся превосходно. Я предложил ему посильную помощь, и мы постарались, как могли, усовершенствовать наши позиции. Впрочем, ресурсы наши были ограничены. Еды, воды и медикаментов было очень мало, колючей проволоки или мешков с песком не было вообще, а сектор обстрела (зона, которую могло прикрывать наше оружие) практически отсутствовал.

Глинобитная стена — вещь хорошая, однако и у нее имелись недостатки. Конечно, она не позволяла повстанцам заглянуть внутрь лагеря, но не позволяла и нам выглянуть наружу. Поначалу кенийцам, чтобы оглядеться, приходилось высовываться из-за стены. При этом ярко-синие (цвет ООН) шлемы превращали их в идеальные мишени. Поэтому мы пробили в стене над окопами отверстия для наблюдения.

Более того, лагерь со всех сторон окружали дома и деревья, что позволяло повстанцам без труда подбираться к его стенам. Удивительно, но сама же штаб-квартира ООН ранее не дала кенийцам разрешения укрепить их позиции, сочтя колючую проволоку и мешки с песком «слишком агрессивными».

Что касается лично меня, наш статус невооруженных наблюдателей стал абстракцией. Однако некоторые из моих коллег считали, что лучшим для нас способом самосохранения было бы отделение от вооруженных кенийцев. Как бы там ни было, я связал мою участь с кенийцами и помог им усовершенствовать оборону: мы переустановили пулеметы и устранили часть окружавшей стены растительности, улучшив

сектор обстрела.

Произошло и радостное событие: в лагере появились, также ища убежища, наблюдатели ООН из Магбурака, и среди них трое англичан: подполковник Пол Роулэнд, майор Дэйв Лингард и майор Энди Самсонофф (тот, с которым мы одновременно болели).

Пол Роулэнд был одним из самых подготовленных офицеров морской пехоты, правда, основной его специальностью было ядерное оружие… Помимо того, он обладал великолепной способностью ориентироваться на местности и отличался редкой физической силой. Его считали немного чудаковатым, поскольку он имел обыкновение расхаживать повсюду с черным зонтом. В сезон дождей зонт позволял ему оставаться сухим, в сезон засушливый — спасал от солнца, а в любое другое время выглядел нелепо.

Дэйв Лингард являлся англичанином лишь по названию (честь в наших обстоятельствах довольно сомнительная), поскольку был на самом-то деле офицером новозеландских войск связи. На его беду, повстанцы и знать не знали, что Новая Зеландия к Соединенному Королевству никакого отношения не имеет. Он довольно быстро уяснил, что разыгрывать роль «нейтрального новозеландца» — дело бессмысленное, поэтому присоединился к нам.

Энди Самсонофф был, вообще говоря, мужчиной сильным, однако болезнь сильно его измотала. В Макени он попал совсем недавно. Предыдущие три месяца он прослужил в Моямба, в относительно безопасной части страны. Соскучившись там, он уломал начальство направить его в места более «интересные». Теперь мы поздравляли его с тем, насколько удачное время он для этого выбрал.

Оказавшись все вместе в лагере, мы, четверо, провели короткое совещание и пришли к заключению: лучше что-то предпринять, чем просто сидеть и ждать конца.

Я, как коммандос морской пехоты, пользовался у кенийцев уважением. Большинство из них проходили выучку бок о бок с британскими солдатами — в Кении у британской армии имеется учебная база. Я сказал кенийцам, что пора бы им продемонстрировать их хваленую отвагу и что, если они решат напасть на солдат ОРФ, я «поддержу их с тыла». Они вернули мне комплимент, сказав, что я, как коммандос, должен возглавить атаку, а они с удовольствием поддержат меня с тыла. В итоге мы остались там, где были.

Военные историки и психологи много раз отмечали, что хорошо обученные, состоящие под началом хорошего командира

солдаты куда больше страшатся подвести своих товарищей, нежели получить ранение или погибнуть. Я всегда относился к этому утверждению скептически, однако теперь понял, что они имели в виду. Никто из нас не считал миссию ООН настолько важной, чтобы за нее стоило отдать жизнь, а вот подвести друг друга, сорвавшись или сдавшись, — это нам представлялось немыслимым.

С наступлением ночи повстанцы пошли в атаку. Сначала они под прикрытием тьмы окружили наши позиции, затем принялись бить в барабаны и скандировать свои лозунги. Я забрался на стену: вокруг, куда ни глянь, плотные толпы повстанцев.

Я старался не думать о прощальных словах Шерифа, сказавшего, что у Бао имеются на меня особые виды. Повстанцы норовили запугать нас, и это им удалось. Я оставался внешне спокойным, однако меня трясло от страха. Я гадал, каково это — умереть, и уповал только на то, что конец мой будет быстрым. Я чувствовал полное бессилие из-за того, что у меня нет в руках оружия.

Я пребывал в боевой готовности перед окопами кенийцев и надеялся, что, если кого-то из них убьют, возьму винтовку погибшего и буду отстреливаться. О том же думали другие британские офицеры, меж тем как все прочие, забившись в часовню, старались убедить себя, что, когда повстанцы захватят наши позиции, им, служащим ООН, удастся спастись, заявив о своем статусе невооруженных наблюдателей. Я их оптимизма не разделял. В темноте повстанцы станут сначала стрелять, а уж потом задавать вопросы. Энди, Пол, Дэйв и я — мы сговорились держаться вместе, что бы ни случилось.

Я не имел никакого представления о том, сколько повстанцев на нас нападает, — скорее всего, несколько сотен, однако в темноте казалось, будто их тысячи. Треск и гром ружейной стрельбы сильно действовали нам на нервы, однако мы слышали, как пули вспарывают воздух над нашими головами, и понимали, что повстанцы палят вверх. Они стреляют поверх стены, решил я, а значит, если мы не будем высовываться, то останемся в относительной безопасности.

Кенийцы оказались хорошими стрелками. Среди повстанцев появились убитые и раненые — похоже, у них поубавилось охоты лезть в опасную зону, так что атака захлебнулась.

Судя по всему, повстанцы выбрали вариант более простой — взять нас измором. Беспорядочная стрельба продолжалась всю ночь и следующие четыре дня. Близость повстанцев и непрестанная пальба делали сон и отдых невозможными. Я прилег на бетонный пол часовни, закрыл глаза и попытался

вздремнуть, однако вскоре понял, что никакого отдыха не предвидится. Чтобы скоротать время, я стал обходить наши позиции, ободряя солдат и пытаясь выяснить, что представляют собой позиции повстанцев, каково их число и тактика.

Перед самым рассветом я сидел с двумя кенийцами в окопе и вдруг услышал, как что-то упало в ближние кусты. Ручная граната? Прошло десять секунд, однако взрыва не последовало. Я вылез из окопа посмотреть, что там. Разглядеть что-либо в темноте не удалось, и я стал шарить в кустах, пока не нашел упавшее. Это была совсем недавно отрубленная человеческая рука. Я рассказал о ней лишь кенийскому старшине. Тот ответил, что я не первый, кто наткнулся этой ночью на отрубленную часть человеческого тела, но он приказал своим солдатам сохранять спокойствие и не поддаваться панике.

В эту первую ночь я, ползая по позициям, оставался в пуленепробиваемом жилете и шлеме, однако утром, сообразив, как сильно я в них потею, избавился и от того, и от другого. Воды у нас было мало, и обезвоживание, понимал я, куда опаснее, чем пули. Макени — самое жаркое в Сьерра-Леоне место, а май — самый жаркий месяц года. Засушливый сезон подходил к концу, и сочетание жары и влажности было изнуряющим. В полдень температура на солнцепеке превышала 38 °С, да и по ночам редко спадала ниже 33 °С. Хорошо, что в предыдущие месяцы я с таким упорством отказывался пользоваться кондиционером.

В лагере имелся колодец, однако он нуждался в том, чтобы его раз в неделю заполняли водой. Мы посмотрели, сколько воды в нем осталось, и сразу же ввели водный рацион. Каждому из нас полагалось выпивать не больше литра воды в день — меньше, чем требовалось при такой жаре, но все же лучше, чем ничего, — такой рацион позволил бы нам продержаться дня три-четыре. Мы надеялись, что за это время нам придут на подмогу. Я хорошо помнил норму, которая указывалась для тропических условий в «Руководстве для кадрового офицера»: восемь-девять литров воды в день.

Сразу после первой ночи в лагерь пришел, проникнув сквозь кордон повстанцев, кенийский солдат, принесший на себе израненного товарища. Повстанцы, понятное дело, установили оцепление, с тем чтобы не выпустить никого из лагеря. О том, что кто-то попытается проникнуть в него, они не подумали. Пришедший, сержант Стивен Нямоханга, состоял во взводе, атакованном в лагере РДР. Командир взвода приказал своим подчиненным пробиться и скрыться в джунглях. Однако, когда их позиции в лагере были захвачены, сержант сделал отважный выбор и остался со своим раненым товарищем, капралом. У того

было прострелено бедро, да еще и руку ему почти оторвало взрывом гранаты. Нямоханга сумел остановить кровотечение и до наступления сумерек прятался от повстанцев. А ночью, неся товарища, добрался до Макени и проник сквозь оцепление.

Оба остались в живых. При виде подобного героизма все мы решили, что не сдадимся без боя.

В первые два дня осады повстанцы буйствовали, мародерствовали, насиловали и грабили. Даже слышать все это было тяжело, а сознавать, что ты не можешь этому воспрепятствовать, — и того хуже. Повстанцы использовали акты насилия как приманку, стараясь выманить нас из лагеря. Крики их жертв продолжались обычно всю ночь, по временам обрываясь выстрелом. Некоторые из кенийцев успели завязать отношения с местными женщинами, и им, надо думать, было особенно тяжко слышать эти отчаянные — и приводящие в отчаяние — вопли.

Я считал, что бушевавшая вокруг анархия способна стать отвлекающим моментом, который поможет нам при попытке к бегству. Я запросил у штаб-квартиры разрешения попробовать прорваться сквозь оцепление повстанцев, однако не получил его. Моим непосредственным начальником в ставке ООН был полковник Питер Баббингтон, обладатель Военного креста. Жесткий, серьезный человек, он получил эту награду, командуя ротой во время Фолклендской войны. Я знал, что он способен, не обинуясь, принимать крутые решения. Однажды, пока я разговаривал с ним по спутниковому телефону, началась атака, и мне показалось, что повстанцы вот-вот ворвутся в лагерь. Придя в отчаяние, я спросил у него, что мне делать.

— Держать позицию и сражаться! — твердо ответил он.

— Но, сэр, у нас нет никакого оружия, — проскулил я.

— Все равно — держитесь и сражайтесь, — приказал он.

Я понимал: если полковник приказывает нам оставаться на месте, у него есть на то причины. В это время предпринимались огромные дипломатические усилия. Президент Каббах, главы других западноафриканских государств и даже Генеральный Секретарь ООН Кофи Аннан оказывали на Фодея Санко сильное давление, с тем чтобы он остановил своих людей. Санко отказывался признавать, что ОРФ ведет себя вопреки договоренностям, а относительно сообщений ООН о пострадавших и заложниках говорил, что это правительственная пропаганда. Мы приходили в отчаяние, слушая трансляцию этих заявлений по Би-би-си, однако ничего поделать не могли.

Пока дипломаты пытались как-то смягчить ситуацию, к нам выслали батальон замбийских солдат ООН, который должен был

снять осаду. Приказы, данные батальону, отличались неопределенностью, вооружен он был скудно. На бумаге это подразделение — пятьсот солдат и двадцать пять бронированных машин — выглядело сильным и хорошо вооруженным. Однако ОРФ научился за годы гражданской войны устраивать засады на бронированные колонны. Дорога в Макени была узкой, по обеим сторонам джунгли, так что заметить впереди колонны врага можно лишь из головной машины. В итоге огневая мощь колонны сводилась к огневой мощи одной машины. А чтобы еще ухудшить положение замбийцев, им выделили никуда не годные средства связи.

Мы узнавали о продвижении замбийцев, слушая переговоры по сети ооновской связи. Сеть эта не имела никакой защиты, а значит, всякий, у кого найдется подходящая рация, мог прослушивать ее, в том числе и повстанцы. Поначалу замбийцы продвигались достаточно спокойно. Первые блокпосты ОРФ пропустили их без разговоров. Я понимал, что дальше все будет не так просто. И подозрения мои лишь усилились, когда 4-я рота кенийцев, расположенная к северу от Макени, сообщила, что видела несколько грузовиков с вооруженными повстанцами на дороге, параллельной главному шоссе Лунсар — Макени. С этой дороги можно было легко выйти на главное шоссе. Если бы я намеревался напасть на замбийцев, я бы именно так и продвигался.

В конце концов замбийцы остановились у деревни Макот, что в двадцати километрах к западу от Макени, и сообщили, что ведут переговоры с командиром блокпоста. Повстанцы заявили, что все случившееся было следствием «взаимонепонимания», и пригласили командира замбийцев и его эскорт приехать в Макени, чтобы обсудить «соглашение» с тамошним командованием. Повстанцы вежливо попросили замбийцев послать лишь небольшое число людей, «чтобы не пугать местных жителей».

Мы слышали, как машины замбийцев проезжают мимо наших позиций, кричали, чтобы предупредить их, но шум моторов не позволил им нас услышать. Мы пытались связаться с ними по радио, однако замбийцы включали свои рации, лишь когда их машины останавливались.

Что случилось затем, мы узнали лишь несколько недель спустя. Командир замбийцев и три его бронированные машины въехали в расположение штаба повстанцев, ворота за ними закрылись. Внезапно из соседних зданий выскочило множество повстанцев. Замбийцев вытащили из машин, раздели и связали.

В основном же конвое второй по старшинству офицер решил

по прошествии трех часов направить в Макени разведгруппу. Как и прежде, повстанцы готовы были помочь замбийцам при одном лишь условии — группа должна быть небольшой. Мы услышали гул новых бронированных машин и решили предупредить их. Взяв с собой группу кенийцев, мы выскочили из лагеря и побежали к дороге. Я уж было начал махать руками, чтобы конвой остановился, но тут заметил, что головная машина набита повстанцами. Замбийцев нигде видно не было. Пришлось спешно вернуться в лагерь.

В основной колонне замбийцев о происходящем ничего не знали. Они лишились командира, его заместителя и всех своих раций и потому оставались на месте. ОРФ пытался заставить командира замбийцев подписать приказ, согласно которому его людям следовало продвигаться к Макени небольшими группами. Поначалу тот отказывался сделать это, даже под пытками. Тогда повстанцы привели одного из замбийских солдат и содрали с него кожу, с живого. И командир приказ подписал.

Повстанцы доставили приказ в колонну замбийцев. Вся колонна разбилась на небольшие группы, которые и выступили на Макени. И все они попали в засаду.

Мы наблюдали из лагеря, как мимо нас проходит один нагруженный пленными замбийцами грузовик за другим. Теперь мы были предоставлены сами себе.

Печально, однако ОРФ удалось в тот раз обмануть некоторые из частей ООН. Повстанцы, переодевшиеся в замбийскую форму и ехавшие в замбийских машинах, устремились к Фритауну. Их беспрепятственно пропускали на блокпостах ООН, так что они, застав врасплох подразделения ООН, брали солдат в плен или убивали. Из-за ненадежности связи предупредить все передовые посты вовремя не удалось, и части нигерийцев, стоявшие к западу от нас, потеряли таким образом несколько своих позиций.

Мы держались еще три дня, постоянно чувствуя, что от насильственной смерти нас отделяют лишь секунды. Были, разумеется, и смешные моменты. К примеру, на третий день кенийцы решили сварить и доесть оставшуюся еду. Когда из-под навеса над столами донесся крик о том, что обед готов, кенийцы, все как один, помчались туда. Я стал кричать: нельзя всем сразу оставлять позиции, но их старший сержант отвел меня в сторонку и успокоил.

— Не тревожьтесь, — сказал он, — это же Африка. Повстанцы тоже обедают и, пока все не съедят, в наступление не пойдут.

И он оказался прав.

Фергус и его коллеги по ММР укрылись в одном с нами

лагере. У них имелась своя стратегия, позволявшая справляться с напряжением, — марихуана, причем в огромных количествах. Я почти завидовал им, глядя, как они сидят в своем джипе, совершенно очумелые, и слабоумно хихикают, когда над головами у них пролетают пули.

На третий день мы получили по спутниковой связи очередную новость: телохранители Фодея Санко расстреляли во время митинга во Фритауне невооруженных мирных жителей. Начавшиеся после этого беспорядки заставили самого Санко укрыться в буше. Дипломатические игры закончились.

В тот же день генерал Иссах, полевой командир ОРФ, живший в Макени, усилил повстанческое оцепление нашего лагеря и ввел комендантский час. Это должно было осложнить любую попытку совершить побег. А мы — какое странное совпадение! — тогда же получили совет полковника Баббингтона: «Попытайтесь бежать». Вот досадно: раньше нам отказывали в разрешении совершить побег, а теперь, когда обстоятельства стали куда менее благоприятными, именно к нему и подталкивают.

Наши шансы прорваться через оцепление живыми я оценивал невысоко, о чем и сказал полковнику Баббингтону.

— Сэр, если я скажу вам, что наши шансы пройти через оцепление составляют двадцать процентов, что вы мне посоветуете?

— Действовать!

Выводы, которые следовали из его совета, оказали на меня отрезвляющее воздействие. Черт, подумал я. Он думает, что нас всех того и гляди перебьют.

К этому времени полковник Бао уже знал, что Соединенное Королевство рассматривает возможность оказания силам ООН военной помощи. Если в Сьерра-Леоне появятся и вступят с повстанцами в бой британские войска, повстанцы направят свою ярость против нас.

Напряжение продолжало нарастать и на следующий день, когда появилась «делегация» повстанцев с сообщением, что кенийцам, если они выдадут британских сотрудников ООН, будет гарантирована безопасность. «Братья африканцы, нам с вами сражаться не за что. Передайте нам белых, и вы сможете свободно уйти. Если откажетесь, мы убьем вас всех».

Кенийский старший сержант, отведя меня в сторонку, сообщил мне эту дурную новость. Я решил не пересказывать ее остальным. Кенийцы уже доказали свою готовность сражаться и принять смерть, спасая военных наблюдателей, однако я чувствовал, что им приходится нелегко. Я сознавал, что нам, британским офицерам, остается либо бежать, либо погибнуть при

попытке к бегству. Я понимал также, что, поскольку запасы еды и воды подошли к концу, силы скоро начнут убывать, причем быстро. Бежать нужно либо этой ночью, либо никогда. Кенийцы считали, что смогут еще несколько дней продержаться на самом скудном рационе. Половина из них происходила из племени масаи, для которого засуха и голод — вещи привычные, однако в том, что мы, европейцы, сумеем протянуть хотя бы еще немного, я сильно сомневался.

Я раз за разом просил кенийцев выдать мне винтовку, однако винтовок не хватало даже для кенийских солдат, так что просьбы мои отвергались. Я мог без особого труда стянуть пистолет у капитана Корира, пока он спал за своим столом на командном пункте, однако я никак не мог решиться на это. Еще проще было позаимствовать винтовку у одного из тяжело раненных кенийцев, но и на это рука у меня не поднималась. У нас имелись хоть какие-то шансы спастись бегством, у раненых же не было ни одного.

Мы решили не извещать кенийцев о наших намерениях, поскольку я полагал, что они попытаются нас остановить. Я подозревал, что старший сержант о наших планах догадывается, однако он хранил молчание.

Я молился о том, чтобы пошел дождь, но природа была не на нашей стороне. Я видел вдали грозовые тучи, иногда даже молнию, а между тем в Макени погода стояла прекрасная, и мне казалось, что луна и звезды посмеиваются над нами.

План побега был прост. Я отыскал в северо-западном углу лагеря подобие «мертвой зоны». В этом месте мы могли перелезть через стену, попытаться проскочить через оцепление, выбраться из города, уйти в джунгли и затем добраться до Мили-91, ближайшего городка, удерживаемого силами ООН. До него было около восьмидесяти километров по территории, контролируемой повстанцами. В этой части страны джунгли были местами вырублены и отданы под пахотные земли, здесь находилось множество деревенек и ферм, однако в каждой из деревень стояли и бойцы ОРФ. Это означало, что в дневное время передвигаться нам будет нельзя. Переходы надлежало совершать по ночам, а на день укрываться.

Все это походило на прогулку от Лондона до Брайтона, но только без запасов еды и питья, через густой лес, в атмосфере, больше всего напоминающей сауну, и — что весьма желательно — без каких-либо встреч с местными жителями. Восемьдесят километров по прямой легко могли обратиться в двести восемьдесят. Я полагал, что дорога займет у нас примерно неделю.

Я доверился Фергусу, чувствуя себя виноватым из-за того, что мы покидаем его. Фергус прямо ответил мне, что без нас у него хлопот будет меньше. Он собирался на следующий день вступить с повстанцами в переговоры — может, за деньги его выпустят. Я спросил, не хотят ли его люди попытать удачи вместе с нами. Он считал их физически недостаточно крепкими для этого и потому предложение мое отверг. Мы пожелали друг другу удачи.

Большую часть наших припасов мы уже израсходовали, так что у нас оставалось лишь:

• по литру воды на каждого (на крайний случай);

• несколько ломтей хлеба и моя жестянка с фасолью;

• карта масштаба 1:500 000 (одна десятая масштаба стандартной военно-топографической карты Соединенного Королевства, один сантиметр карты соответствовал пяти километрам);

• компас;

• принадлежащее Энди портативное устройство ГСП (глобальной системы позиционирования);

• небольшая походная аптечка;

• портативные фильтры для воды плюс йод и обеззараживающие воду таблетки.

Пол ни за что не соглашался расстаться с фотоаппаратом. Это было не таким уж и легкомыслием, как могло бы показаться. Повстанцы очень любили позировать, порой достаточно было лишь извлечь фотоаппарат, чтобы обратить потенциально враждебных жителей деревни в лучших друзей.

Я решил взять с собой спутниковый телефон. По форме и размерам эти устройства больше всего напоминают ноутбук. И, подобно ноутбукам, они довольно легко ломаются, а батарейки в них садятся в самый неподходящий момент.

Я воспользовался этим телефоном, чтобы сообщить полковнику Джиму, застрявшему во Фритауне командиру нашей группы, подробности предполагаемого побега и рассказать о выбранном маршруте. Джим ответил, что Фритаун может вскоре перейти в руки ОРФ, силы которого быстро надвигаются на столицу.

При заходе солнца я сделал три звонка в Соединенное Королевство. Сначала я поговорил с папой, поблагодарив его за то, что он был таким прекрасным отцом. Я с удовольствием поговорил бы и с мамой, но не хотел ее пугать. Отец сказал, что любит меня, и пожелал мне удачи — я чуть не расплакался.

Потом я позвонил Дэну Бэйли, старому другу. Ему я объяснил, какими я желал бы видеть мои похороны. Где именно меня закопают, мне было все равно, но хотелось бы услышать на

прощание кое-какие гимны и приятные отзывы о себе. Я также попросил его, если мы не прорвемся, позаботиться об Анне. Дэн сказал, что я заговорил совершенно как персонаж из голливудского фильма, после чего разговор перешел на успехи нашего любимого футбольного клуба.

Последним был пятнадцатиминутный разговор с Анной. Я старался быть оптимистичным, однако вынужден был признаться ей в том, что этот наш разговор может оказаться последним. Мне никак не удавалось найти слова, которые объяснили бы ей, как сильно я ее люблю, и потому под конец было очень трудно положить трубку. Последние наши фразы оказались одинаковыми: «Береги себя. Люблю».

Разговор с ней вдохнул в меня новые силы.

В бегах

Если оставаться всю ночь на ногах (не принимая при этом никаких таблеток), хуже всего чувствуешь себя часа в четыре утра. Этим мы и воспользовались. Приток адреналина в кровь позволял нам ощущать себя бодрыми, а вот большинство повстанцев будут в это время, как я надеялся, достаточно сонными, так что можно проскользнуть мимо них. С другой стороны, если ждать до четырех, на то, чтобы добраться до джунглей под покровом темноты, остается всего два часа. Этого мало, поэтому побег мы назначили на три.

За полчаса до выступления мы проверили свое снаряжение и в последний раз обговорили план побега. Я заставил каждого попрыгать, дабы убедиться, что никакие части нашего снаряжения на ходу бренчать не будут. Затем мы, взяв из кострища уголь, зачернили себе лица. У Дэйва, недавно получившего жалованье, имелась тысяча долларов наличными. Мы разделили их между собой — на случай, если нам придется расстаться. И наконец, мы сорвали с нашей формы опознавательные знаки ООН. Эти ярко-голубые эмблемы — символы нейтралитета ООН, предположительно гарантирующие безопасность тем, кто их носит, однако нас они могли сделать лишь более заметными в темноте. Теперь мы уже не были наблюдателями, отныне мы, хоть и невооруженные, — участники боевых действий.

Чтобы успокоить нервы, мы с Дэйвом выкурили по последней сигарете, а там и еще по одной. Поскольку продолжительность нашей жизни, вполне вероятно, сократилась до тридцати минут, я махнул рукой на вред, который курение в конечном счете наносит здоровью.

В 2.45 все последние приготовления закончились, поэтому дальнейшее ожидание стало бессмысленным. Я предложил выступить чуть раньше, и все со мной согласились. Стараясь производить как можно меньше шума, мы прокрались в северо-западный угол лагеря. Чтобы легче было перебраться через стену, я подставил стул. Мы все сошлись на том, что говорить о наших планах капитану Кориру не следует: он мог остановить нас. Поэтому я просто перемолвился с капралом и попросил его нас прикрыть. Капрал высказался против нашей затеи и велел нам не двигаться с места, пока он не договорится со своим начальством.

Я постарался говорить как можно увереннее:

— Капрал, я получил от моего правительства приказ бежать отсюда. Поскольку вы кениец, приказать вам помочь нам я не могу. Поэтому я обращаюсь к вам как к товарищу по оружию. Мы

попытаемся пройти через оцепление. Если заметите какое-либо движение на позициях повстанцев, пожалуйста, скажите своим людям, чтобы они прикрыли нас огнем.

Капрал молчал, однако я решил истолковать это как знак согласия. Я прошептал моим товарищам несколько последних слов:

— Удачи, ребята. За мной.

И перелез через стену.

С самого начала все пошло наперекосяк. Я спрыгнул со стены и стал ждать… и ждал, и ждал. Внезапно один из кенийцев, возможно спросонья, передернул затвор винтовки и начал стрелять. Возможно, он принял нас за бойцов ОРФ. Стало ясно, что уйти по-тихому нам не удастся. Я видел, как зашевелились повстанцы. И надеялся только на то, что они меня не заметят.

Я подумал: не перелезть ли мне через стену назад? Быть может, нам следовало отложить побег? Однако в глубине души я понимал, что вопрос стоит только так: сейчас или никогда. Я сжался под стеной в комок, чувствуя себя выставленным на всеобщее обозрение. Мне так хотелось, чтобы остальные поторопились. Однако у них возникли проблемы. На «безопасной» стороне стены один из кенийцев наставил на Энди винтовку, угрожая застрелить его, если тот попытается перелезть через стену. Потом я услышал голос часового, он заступался за нас. Похоже, слова его оказали должное воздействие.

Следующим был Пол. Несмотря на страх, я все же не удержался от улыбки, увидев, как он зацепился ремнем за край стены. Несколько секунд он провисел, молотя ногами по воздуху, потом сумел освободиться. Дэйв и Энди перебрались через стену довольно тихо. Впрочем, в ночном безмолвии даже малейший шум способен был выдать наше присутствие.

Теперь у нас обратной дороги не было.

— Все в порядке? Тогда за мной.

Утренние пробежки нескольких предыдущих месяцев позволили мне хорошо изучить все проулки и тропы Макени. Я создал в уме целую карту, которой теперь и руководствовался.

Мы заранее решили, что скорый шаг будет наилучшим вариантом быстрого и не бросающегося в глаза передвижения, однако трудно было удержаться от искушения перейти на бег. Я пожалел о том, что поддался ему, когда, обогнув первый стоявший на нашем пути дом, угодил в ограду из колючей проволоки и поранил веко и губу. Боковым зрением я заметил какое-то движение на ближайшей позиции повстанцев и замер, ожидая стрельбы.

Однако стрельбы не последовало. Возможно, нас приняли за

патруль повстанцев или просто предпочли «не заметить», чтобы не ввязываться в перестрелку. Долю секунды я смотрел в глаза повстанца, потом отвел взгляд и пошел дальше. Должно быть, мой ангел-хранитель бодрствовал в эту ночь допоздна.

Продвигаясь по городу, я на каждом углу, за каждым зданием ожидал засады. Несколько раз мы видели патрули, однако вовремя уклонялись от них. Стоявшая вокруг тишина казалась нам жутковатой — мы слышали лишь звук нашего дыхания. Все чувства были обострены, и с каждым шагом страх, казалось, переходил в радостное возбуждение. Я ощущал себя более живым, чем когда-либо прежде, и наслаждался притоком какой-то первобытной силы. Теперь, когда путь назад был отрезан полностью, я почему-то испытывал странное спокойствие. На несколько мгновений я почувствовал себя почти неуязвимым, как физически, так и психологически. Я был уверен, что, если повстанцы попытаются меня остановить, я, даже получив от них пулю, перебью их голыми руками.

В качестве ориентира в ночной темноте я наметил стоявшую в пригороде старую радиомачту. А когда мы ее миновали, ориентирами стали сиявшие в ночном небе звезды. Мы прошли неподалеку от нашего прежнего жилища. Я погадал, не вернулся ли назад Супермен. Впрочем, задерживаться и выяснять это вряд ли стоило. И мы пошли дальше, в поля. Километра полтора мы двигались в направлении, противоположном тому, что нам требовалось, надеясь запутать тем самым возможных преследователей, а потом повернули на юг, куда с самого начала и намеревались направиться. Я надеялся, что этого будет достаточно, чтобы сбить с толку преследователей.

Следующим серьезным препятствием была большая дорога, которую нам следовало пересечь. Мы планировали вначале затаиться и осмотреться, а потом уже переходить. На деле же я буквально споткнулся об нее. Минуту назад я продирался через густые заросли, а тут вдруг налетел на насыпь и упал на гудрон. Поднявшись, я глянул вправо и влево, а затем перебежал через дорогу — остальные последовали за мной.

Весь следующий час мы карабкались вверх по крутому горному склону. Путь мы выбрали трудный, зато надеялись избежать встречи с кем бы то ни было. По счастью, блокпосты повстанцев мы замечали раньше, чем повстанцы нас. Как правило, они выдавали себя курением — мы видели светящиеся во тьме огоньки сигарет.

Мы едва не провалили всю нашу затею, забредя по недосмотру в деревню. Я различил вдали очертания холмов и двинулся прямо на них. Внезапно залаяла собака, поднялся крик.

Зрение сыграло со мной дурную шутку — на самом деле холмы были крышами домов, да и стояли они не в нескольких километрах, а в нескольких метрах от нас. Мы бросились бежать.

Примерно через час мы остановились, чтобы свериться с картой, и я прикинул наше положение. Мы с Полом чувствовали себя достаточно крепкими, а вот Энди и Дэйв передвигались слишком медленно. Мы отпили немного воды из бутылки. Я сказал моим спутникам, чтобы они выпили столько, сколько сочтут нужным. Сам я сделал только один глоток. Я и хотел бы отпить побольше, однако скорость нашего перемещения определялась самым медленным из нас. Так что, если я мог помочь этому человеку, уступив ему часть моей воды, это шло на пользу всем нам.

Мы добрались до места, где я, совершая утреннюю пробежку, всегда поворачивал назад. Дальше шли места, нам незнакомые, ориентироваться приходилось по компасу. Я понимал, что мы с каждым шагом удаляемся от худшей из грозивших нам опасностей, и пока что чувствовал себя превосходно. В голове у меня зашевелились мысли о том, как здорово будет снова вернуться в цивилизованный мир. «Пиво, сон, мягкая постель…» Глухой удар и стон вернули меня к реальности.

Упал Дэйв. Он поднялся, но передвигался теперь с явным трудом. Учащенное дыхание его определенно свидетельствовало о тепловом ударе. Я вспомнил занятия по оказанию первой помощи: «Покройте пострадавшего прохладной, влажной тканью и дайте ему попить». Дело нехитрое — когда у тебя есть лишняя вода. Лучшее же, что могли сделать мы, — это снять с себя рубашки и обмахивать ими Дэйва, чтобы охладить его хоть немного.

Впрочем, я решил попробовать кое-что еще.

— Бандана при тебе, Дэйв? — прошептал я.

— Конечно, а что?

— Дай-ка ее мне — я пописаю на нее, а ты накроешь ею лицо, чтобы поостыть.

Он тут же заявил, что чувствует себя намного лучше.

И мы двинулись дальше.

За тридцать минут до рассвета я начал подыскивать подходящее укрытие. Мы прошли еще примерно с километр вдоль каких-то распаханных полей. Путь был относительно легким, однако рискованным, поскольку мы оставляли следы, поэтому я, воспользовавшись участком каменистой земли, еще раз резко сменил направление. Мы забились в густые заросли, свели за собой ветви. Если мы будем сидеть тихо, нас никто не увидит и не услышит, к тому же нависавшие над нами ветки давали тень. И

мы приготовились ждать.

Насекомые жалили нещадно. Репеллент у нас с собой был, однако воспользоваться им мы не рискнули. Всякий, кто оказался бы рядом, мог унюхать его. Пока все шло по плану, и это было приятно. Пол расхрабрился настолько, что даже сфотографировал нас. Во мне крепло чувство, что нам и в самом деле удастся добраться до своих.

Но мы рано радовались. Столь тщательно выбранная нами позиция оказалась расположенной рядом с деревней. Мы различали даже плеск воды в ведрах, вытаскиваемых из колодца. Слышали мы и разговоры солдат-повстанцев. Нам страшно хотелось пить, однако колодец этот мог с таким же успехом находиться на другой стороне земного шара.

День выдался знойный. Тени было немного, поэтому нам приходилось отсиживаться в ней по очереди. Мы находились почти на экваторе, да еще в самое жаркое время года. К тому же и влажность как в сауне. У нас еще оставался литр воды, однако я приказал до ночи к ней не прикасаться.

Я уже несколько дней жевал кусочек жевательной резинки. Вкус он утратил давно. Я предложил его моим спутникам, а поскольку кусочек был слишком мал, чтобы разделить его на части, мы передавали его по кругу — каждый жевал его около часа.

У меня был с собой коротковолновый приемничек, и я, прижав его к уху, настраивался на частоты, используемые ООН и ОРФ, — это позволяло составить представление о происходящем в стране.

День был субботний, и после полудня зарубежное вещание Би-би-си вело прямую трансляцию футбольного чемпионата Англии. В этот день «Арсенал» играл с «Челси», и я, преданный болельщик «Челси», не удержался от искушения послушать репортаж. (Все прочие полагали, будто я старательно прослушиваю волну ООН — разубеждать их я не стал.) Матч был финальный, и, когда за пятнадцать минут до его конца «Арсенал» забил победный гол… я чуть не выругался вслух.

К шести вечера мы пролежали в свирепой тропической жаре больше двенадцати часов, не выпив при этом ни глотка. Я попытался оценить наше положение. Мы удалились от Макени километров на шесть, однако потратили много сил и большую часть запасенной воды. Без нее нам далеко уйти не удастся. Обезвоживание организма стало для нас таким же врагом, как ОРФ. В идеале, нам следовало покидать укрытие не раньше полуночи, когда все местные жители, скорее всего, уже заснут. Однако с каждым часом мы становились все слабее. Я предложил

другим допить остатки воды и тронуться в путь, как только стемнеет. Я надеялся, что, выпив всю воду в один присест, мы получим и физический, и психологический толчок, который позволит нам отправиться на поиски источника свежей воды. Все со мной согласились.

На нашей карте имелась пунктирная синяя линия, означавшая «река сезонная», от нас до нее было километров восемь. Пора стояла еще засушливая, однако мы надеялись, что хоть сколько-нибудь воды там найдем. Все было просто: если мы очень постараемся, то сможем добраться до реки. Если река окажется пересохшей, нам крышка.

Едва стемнело, мы обогнули деревню и направились в сторону реки, однако вскоре попали в почти непроходимые заросли, заслонившие от нас лунный свет. Оказавшись в непроглядной тьме, я буквально пробивал себе путь, продираясь сквозь стену из деревьев и кустарников. Я попросил остальных по очереди выходить вперед, однако им не хватало энергии, чтобы торить тропу, и потому пробиваться сквозь лес пришлось мне, расходуя на это последние силы. Я был слишком измотан, чтобы чувствовать боль, однако понимал, что руки мои исцарапаны в кровь, а одежда понемногу превращается в лохмотья.

Скорость нашего продвижения упала до ста метров в час. Река, к которой мы направлялись, начинала казаться невозможно далекой.

Мы добрались до подобия полянки и попадали на землю. Я чувствовал, как в спутниках моих нарастает отчаяние, и сказал им, что в реке непременно должна быть вода и что, как только мы напьемся, к нам вернутся силы. «Осталось всего несколько километров. Мы справимся».

Казалось, природа настроена против нас, однако удача в конце концов улыбнулась нам — мы наткнулись на проложенную в зарослях тропу. Стараясь не думать о возможном риске, я пошел по ней.

Я шел первым и в который раз жалел о том, что у меня нет оружия. Но, как выяснилось, мы не зря рискнули. Пройдя около полутора километров, мы вышли к вырубке. Не желая искушать судьбу сверх необходимого, я оставил тропу. Теперь мы шли по почве, покрытой высокой травой и молодыми деревцами, заваленной срубленными деревьями. Идти было трудно, но по крайней мере мы видели, куда идем. Нам удавалось заранее различать возможные позиции ОРФ и обходить их, оставаясь незамеченными. Слава богу, воины в ОРФ не из самых лучших — часовые сидели, покуривая, у костров, так что мы их замечали раньше, чем они нас.

Дальнейшие мои воспоминания несколько смазаны. Помню, что перестал потеть — во мне не осталось больше жидкости. Да и умственные способности наши ослабли — мозг каждого, утратив возможность регулировать температуру тела, буквально спекался.

Энди начал то и дело падать на землю. И все просил:

— Всего десять минут. Мне нужно отдохнуть.

Я подозревал, что если он ляжет, то встать уже не сумеет, и сказал ему:

— Вставай! Если останешься здесь, ты покойник. А поскольку мы тебя не бросим, то и сами станем покойниками, мне же умирать совсем не хочется, так что давай двигайся.

Мы поплелись дальше, но вскоре Энди снова свалился и вроде бы перестал реагировать на наши попытки поднять его. Пол опустился около него на колени, а после вдруг отпрыгнул:

— Энди, тут здоровенная змея, прямо у твоей головы.

Возможно, он блефовал, но если и так, идея была гениальная. Энди мигом вскочил на ноги.

У нас ушло четыре часа на то, чтобы дойти до места, в котором мы надеялись обнаружить реку. Каждый шаг давался нам с трудом. Я мог думать лишь об одном — о воде.

И вот мы достигли подобия большой канавы, по краям которой росли деревья. Это и была река. Пересохшая. Мы опустились на землю и сидели в молчании, каждый старался справиться с разочарованием. Я лег, смотрел на звезды, надеясь, возможно, что на меня снизойдет вдохновение.

И тут я услышал шум. Поначалу негромкий, он все усиливался и усиливался. Лягушки!

— Где лягушки, там и вода!

Я прикинул по компасу направление, и мы устремились к лягушкам. Однако едва мы сделали первые шаги, как лягушки, услышав нас, мгновенно умолкли. Если бы мы не остановились и не посидели какое-то время тихо, мы их и вовсе не услышали бы. Я доверился компасу и скоро — нате вам! — мы едва не влезли в большую, грязную лужу, служившую им домом.

Даже при лунном свете я разглядел водоросли, покрывавшие, точно пена, поверхность воды; от грязи и гниющих растений в воздухе стоял густой смрад. Однако привередничать не приходилось, и я решил, что если эта вода достаточно хороша для лягушек, значит, будет достаточно хороша и для нас.

У меня и у Пола были портативные фильтры для воды — мы очистили поверхность лужи от пены и начали перекачивать воду в бутылки. Ила в воде было столько, что мой фильтр скоро вышел из строя. Мы не только фильтровали воду, но и добавляли в нее, чтобы убить все вредоносное, капли йода и втрое больше

обычного хлористых таблеток. То, что у нас получилось, напоминало на вкус скорее средство для чистки раковин, чем освежающее питье, однако дело свое оно сделало. В тогдашнем нашем обезвоженном состоянии выпить слишком много означало бы заболеть, поэтому мы просидели часа два, медленно глотая воду, пока у нас не раздулись желудки. Я боялся даже думать о том, какая живность поселится теперь в моем кишечнике, и надеялся только, что побочные эффекты появятся лишь после того, как мы доберемся до безопасного места. Мы также доели несколько остававшихся у нас корок хлеба, запивая их водой.

Чувствуя себя намного лучше, мы продолжили путь. В небе собирались тучи. Когда мы в Макени молились о полной темноте, то получили взамен яркий лунный свет. Теперь все было наоборот. Передвигаться во мраке, не спотыкаясь и не падая то и дело, стало невозможно.

Я шел с компасом в руке, останавливаясь через каждые пять шагов, чтобы проверить направление. Поскольку видимые ориентиры вроде луны или звезд отсутствовали, без компаса мы просто ходили бы по кругу.

Я настоял на строгом режиме. Час ходьбы, пять минут отдыха. Час ходьбы, пять минут отдыха. И так раз за разом. Идти было очень тяжело. Марш-бросок выдался в ту ночь не из самых приятных.

Обезвоживание организма было теперь не такой уж и большой проблемой, а вот усталость — была. К этому времени я уже неделю как толком не спал, и мой мозг начал выкидывать самые разные фокусы. Мне становилось все труднее отличать реальное от нереального. У других тоже начались галлюцинации, и приходилось прибегать к помощи товарищей, чтобы проверить, что реально, а что — нет. Если мы все четверо видели одну и ту же вещь, стало быть, она была реальна. Если ее видел лишь кто-то один либо двое, мы ее игнорировали.

Перед самым рассветом мы снова услышали лягушек и свернули к «реке», отыскивая для себя укрытие, которое располагалось бы в лесу, но поближе к воде. Сверившись с картой, мы обнаружили, что удалились от Макени на пятнадцать километров, это все еще составляло меньше четверти пути, который нам предстояло проделать. Вода в этой луже была омерзительной, и я гадал, не принесет ли она нам больше вреда, чем пользы. Впрочем, мы все равно пили ее. Момент этот представился мне подходящим для того, чтобы извлечь на свет припасенное для особого случая лакомство — банку фасоли, подаренную мне Анной на день рождения. Каждый из нас съел по горстке фасоли, а пустой банкой мы стали черпать воду.

Нам следовало еще раз оценить наши возможности. Я считал, что мы теперь находимся достаточно далеко от известных нам позиций повстанцев и можем вызвать вертолет. Все согласились со мной, и на рассвете я взялся за спутниковый телефон.

Я нажал на кнопку включения/выключения. Никакого результата. Нажал снова. То же самое. «Черт. Должно быть, батарейка. Как сказать об этом другим?»

Скорее всего, пока я продирался через заросли, телефон включился сам собой и батарейка села.

Без работающего телефона вызвать вертолет было невозможно. Мы все совершили ошибку, уверив себя в нашем успехе. Теперь, когда мы поняли, что никакого успеха не было, мы совсем пали духом. Две ночи форсированного марша увели нас меньше чем на четверть намеченного расстояния. Пол, улучив момент, сделал снимок. Мы даже не смогли заставить себя улыбнуться в объектив.

Должно быть, мы заснули, потому что я вдруг обнаружил, что прошло два часа, а на лицо мне падают капли дождя. Я снова чувствовал себя более или менее человеком. Я разбудил остальных, и мы посовещались. Спутники мои считали, что ночное продвижение слишком затруднительно и нужно подумать о дневных переходах. Я уступил им, и тут мне вдруг пришло в голову, что, если путь отнимет у нас слишком много времени, наше «безопасное прибежище» может перейти в руки повстанцев: по радио сообщали, что силы ОРФ продолжают приближаться к Фритауну.

Если передвигаться днем, придется изменить тактику. Мы согласились с тем, что надо будет рискнуть и попытаться заручиться помощью дружески настроенных гражданских. Почему бы не попробовать найти проводника, знающего тропы в джунглях и способного провести нас в обход деревень, о которых известно, что они контролируются ОРФ? План показался нам разумным, и мы тронулись в путь.

Вскоре мы достигли опушки леса и остановились. Мы увидели пару глинобитных хижин, старика, разжигающего костер. Понаблюдали за ним несколько минут. Больше вокруг никого не было. Мы поняли, что старик этот — крестьянин, да и годами он был слишком стар для повстанца.

Надев бейсболки с символикой ООН, мы приблизились к крестьянину. Повел он себя очень дружелюбно, однако, как я ни пытался с ним объясниться, понять меня старик не мог. Я обменял у него сигарету на небольшое количество воды и орехов, и мы направились к другому дому.

Там жил крестьянин с женой и детьми. Еще несколько

сигарет перешли в его руки, я снова попробовал объясниться с ним знаками. Я читал ему с карты названия деревень. Если я знал, что деревню контролирует ОРФ, то показывал опущенный вниз большой палец и хмурился. Если же знал, что силами ОРФ деревня не контролируется, то поднимал большой палец вверх и улыбался. Вскоре крестьяне усвоили, что это означает. Я продолжал читать названия местных деревень, а они поднимали или опускали большие пальцы.

Ближайшая к нам свободная от повстанцев деревня называлась Йела. Один из сыновей крестьянина отвел нас в нее, и мы быстро поняли, что ОРФ в этой деревне должны ненавидеть: у некоторых ее жителей не хватало рук или ног, отрубленных повстанцами. Старейшина деревни разговаривал с нами через четырнадцатилетнего переводчика по имени Алусейн. Мы объяснили, что прибыли в Сьерра-Леоне, чтобы помочь народу этой страны, однако люди из ОРФ напали на нас и убили нескольких наших товарищей. Старейшина ответил, что гостеприимство — это неотъемлемая часть культуры Сьерра-Леоне, а поведение ОРФ огорчает его. Я спросил у старейшины, не найдется ли у них проводника, который довел бы нас до Мили-91, и Алусейн, переводчик, вызвался сделать это.

Малый он был чрезвычайно выносливый. Он страдал от приступов малярии и открытой раны на животе, которую лечил припарками из листьев и коры. Он сказал, что рана эта — «подарок от ОРФ», однако в подробности вдаваться не стал. И еще он почему-то все время улыбался. Карты Алусейн ни разу в жизни не видел, представление о расстоянии складывалось у него единственно из того, сколько времени требуется, чтобы его одолеть («четырнадцать часов до Мили-91, если идти быстро»).

Задерживаться в деревне не стоило — повстанцы регулярно «навещали» ее, поэтому мы наполнили наши бутылки водой, съели пару самых вкусных, какие мне когда-либо доводилось пробовать, плодов манго и снова тронулись в путь. Нам все еще оставалось пройти шестьдесят километров.

Даже в своих шлепающих сандалиях Алусейн умел перемещаться лишь одним способом — быстро, а останавливаться не любил. Он сказал, что слухи о появлении в этих местах четырех белых солдат распространятся быстро и потому нужно двигаться быстрее слухов. Каждый раз, как мы останавливались, чтобы попить, Алусейн скручивал себе папиросу с марихуаной. Неудивительно, что он так часто улыбался. Все тропы в буше он явно знал как свои пять пальцев. Мы по-прежнему старались избегать любых населенных пунктов, а когда это оказывалось невозможным, залегали и отправляли Алусейна вперед, на

разведку.

Если нам приходилось проходить через свободную от повстанцев деревню, мы по крайней мере получали возможность наполнить бутылки водой. Мы также старались отдать дань уважения старейшине деревни, оставляя щедрые денежные подарки, поскольку знали, что по нашим стопам могут пройти и другие спасающиеся бегством солдаты ООН.

Меня поражало, как много местных жителей помогает нам. Я спросил Алусейна, почему он с такой готовностью рискует ради нас жизнью. Алусейн затянулся папироской и задумчиво ответил:

— Да мне сегодня заняться больше нечем.

День разгорался, становилось все жарче и жарче, однако мы не сбавляли ходу, подстегиваемые мыслью о том, что каждый шаг приближает нас к спасению. Пейзажи и люди здесь были прекрасны, я начал вновь радоваться жизни. Усталость и страх смерти делали для меня все, что нас окружало, лишь более захватывающим. Все мои органы чувств были нацелены на то, чтобы обнаруживать потенциальную угрозу нашей безопасности, а в виде вознаграждения за это я стал замечать всякие мелочи, которые в иных обстоятельствах пропустил бы, — щебечущих птиц, обезьян, играющих на деревьях. Никогда еще плоды манго не казались мне такими вкусными, а вода — такой освежающей. Однако к двум часам дня мы провели в походе, практически не останавливаясь, двадцать часов, и ноги нас больше не держали. Я велел сделать привал, и мы пару часов пролежали в тени.

Смена тактики окупилась. Двигаясь ночами, мы могли проковылять еще несколько недель. А при дневном свете и наличии проводника мы прошли к сумеркам почти сорок километров, выйдя к камаджорской деревне Мбенти.

Мбенти стоит на левом берегу реки Рокел, обозначающей здесь границу между ОРФ и Силами гражданской обороны (СГО). Однако, поскольку силы ОРФ наступали на Фритаун, мы не были уверены в том, насколько дружелюбный прием окажут нам в Мбенти.

Мы спрятались, а Алусейн расспросил местных крестьян, которые заверили его, что Мбенти все еще остается в руках СГО. На карте река Рокел выглядела пугающим препятствием, однако Алусейн знал место, где ее можно было перейти вброд. Глубины было примерно по пояс, а усталые ноги наши, оказавшись в воде, чудесным образом ожили.

В Мбенти мы входили на закате. Я предложил Алусейну остаться с нами на ночь в деревне, однако ему не хотелось задерживаться здесь. Я щедро с ним расплатился. Алусейн, по-прежнему улыбаясь, удалился во тьму — похоже, мысль о том,

что для возвращения домой ему придется пройти этой ночью еще сорок километров, нисколько его не заботила.

Старейшина Мбенти был в отъезде, однако камаджорский командир Ибрагим пообещал нам свое покровительство. По иронии судьбы, силы ООН всего две недели назад разоружили его бойцов, оставив ему в качестве средств для защиты деревни только древнее охотничье ружье, мачете да черную магию. Ближайшая позиция ОРФ находилась в двух километрах отсюда, на другом берегу реки. Ибрагим попросил жену зарезать для нас курицу, потом нам отвели место, где мы могли поспать, пока охотники-камаджоры, размахивая мачете, рвались сразиться с вооруженными автоматами и пулеметами повстанцами.

У нас на родине правительство Соединенного Королевства предпринимало шаги, направленные на то, чтобы предотвратить развал МООСЛ и хаос, который последовал бы за падением Фритауна. Пока мы в тот вечер лакомились с камаджорами курятиной и рисом, в Сьерра-Леоне начали появляться передовые отряды британских Объединенных сил быстрого реагирования. В состав их входил 1-й батальон воздушно-десантного полка и 42-я команда морской пехоты. Первоначальная задача состояла в том, чтобы обеспечить безопасность аэропорта и эвакуировать иностранных граждан до того, как повстанцы достигнут Фритауна. Вторая — укрепить решимость ООН, предоставив ей небольшой отряд превосходно обученных профессиональных солдат, не боящихся противостоять силам ОРФ.

В какой-то момент повстанцы приблизились к Фритауну настолько, что в городе поднялась паника. Поскольку силы ООН разоружили большую часть таких проправительственных ополчений, как СГО, сдерживать повстанцев оказалось некому, и те наступали, почти не встречая сопротивления.

С тех пор как мы в последний раз выходили на связь с внешним миром, прошло два дня, и нашим родственникам сообщили, что мы пропали без вести. Анна оставалась спокойной и собранной, однако не питала никаких иллюзий относительно опасностей, которых мы, собственно говоря, уже избежали, и рискованности нашего нынешнего положения.

От Мили-91 нас все еще отделяли двадцать километров пути. Мы надеялись, что город этот по-прежнему занят гвинейцами из сил ООН. С ногами у нас было плоховато, особенно у Дэйва. Во время броска, совершенного нами днем раньше, он стер подошвы ног. Чтобы одолеть оставшееся расстояние, потребовался бы по меньшей мере еще один день, поэтому мы отправили вперед

деревенского гонца, снабдив его моим удостоверением и письмом с просьбой, чтобы за нами прислали патруль ООН.

Ожидая его возвращения, мы ели, пили и пытались придумать какое-нибудь питание для спутникового телефона. Мы выпросили у местных жителей столько батареек от фонариков, сколько смогли. Пол последовательно соединил их и подключил к телефону. Чтобы напитать телефон, батареек не хватило, но у нас имелся — в лице Пола — настоящий специалист по подобным делам. (Его специальностью была зарядка батарей подводных лодок с использованием ядерных реакторов, но в теории это, должно быть, то же самое.) Пол предложил оставить батарейки на час подключенными к телефону для «непрерывной подзарядки».

Дождавшись окончания этого срока, мы предприняли новую попытку. Я нажал на кнопку. Лампочки зажглись, засветился дисплей. «Добро пожаловать в „Inmarsat“… Пожалуйста, введите ваш PIN-код…» Я торопливо набрал код. «Поиск спутника… Соединение со спутником… Пожалуйста, наберите номер…» Я начал набирать номер. «Батарея разряжена… Батарея пуста». После этого телефон отключился.

— Черт.

Однако Пол оптимизма не утратил:

— Попробуем еще раз, но только дадим ему больше времени.

Прежде чем мы успели предпринять новую попытку, вернулся, и с хорошими новостями, гонец. Гвинейцы все еще удерживали Милю-91 и обещали прислать патруль, который доставит нас на их позиции. Мы вознаградили жителей деревни оставшимися у нас долларами, а я отдал Ибрагиму мой складной нож. Со временем появился патруль гвинейцев, мы запрыгнули в один из их пикапов и понеслись к Миле-91.

Пока нас мотало в кузове, я, на моем корявом французском, спросил у командира патруля, что происходит в их районе. Ответ его был мне понятен: у них имелись «небольшие собственные проблемы с повстанцами».

Миля-91 оказался в изоляции, поскольку все вокруг этого городка было захвачено силами ОРФ. Вновь мобилизуемые солдаты армии Сьерра-Леоне толпами стекались сюда вместе с членами разного рода ополчений, в том числе и пользующимися дурной славой «Парнями с Запада». Существовала опасность того, что эти ополчения, увидев, что ОРФ берет верх, переметнутся на его сторону. Словно для того, чтобы еще пуще осложнить ситуацию, в этой зоне начали искать прибежища тысячи гражданских лиц, некоторые из них были шпионами ОРФ. Командир пояснил, что на этом участке дороги нередки засады. Я спросил, каковы приемы борьбы с ними.

— Rouler plus vite. (Прибавляем скорости.)

Мы миновали несколько групп вооруженных ополченцев. Возможно, они были проправительственными, возможно, подействовал избранный гвинейским командиром метод борьбы с засадами, во всяком случае, до Мили-91 мы добрались без задержек.

Позиция гвинейцев в Миле-91 особой уверенности не внушала. У них имелась пара пулеметов, направленных на дорогу, по которой ожидалось приближение повстанцев, но не более того. Ни окопов, ни наблюдательных постов, ни резервных планов. На каждого из солдат приходилось всего по двадцать патронов. Командир роты объяснил, что если им дать патронов больше, они продадут их на черном рынке повстанцам.

Теперь нам удалось придумать для спутникового телефона источник питания — мы частично зарядили его от автомобильного аккумулятора. Батарейный дисплей показывал, что для разговора у меня есть минута и двадцать секунд. Я позвонил в штаб-квартиру ООН во Фритауне. Никто не ответил. Я прождал тридцать секунд. Теперь у меня оставалось пятьдесят.

Настроение наше упало. Мы решили (ошибочно), что повстанцы захватили Фритаун. «Кому звонить теперь?» Последнее, что я проделал перед тем, как покинуть лагерь в Макени, — стер память спутникового телефона. Если вы считаете, что существует опасность попасть в плен, то «обеззараживаете» свое снаряжение. То есть убеждаетесь в том, что при вас нет размеченных карт, записных книжек с адресами, любовных писем и фотографий. Если вас схватят с чем-нибудь таким, оно будет при допросе использовано против вас. По дурости я сохранил в телефоне один лишь фритаунский номер полковника Джима. Заряда в батарейке осталось на сорок секунд. «Кому доверить передачу сообщения? Кто быстро ответит на звонок? Поторопись! Думай!»

Я позвонил Анне, и она ответила сразу.

— Привет. Мы в безопасности.

Времени, чтобы сказать ей действительно то, что мне хотелось сказать, не было. Я объяснил, где мы, что нам требуется, и доверил ей передачу необходимой информации.

Энди и Дэйв позаимствовали у гвинейцев рацию и сумели переговорить со штаб-квартирой ООН во Фритауне. Та перебралась из обычного своего здания в отель «Мама Йоко» — комплекс сооружений на западной оконечности полуострова. Оборонять его было значительно легче, чем здание в центре города. Полковник Джим тоже переместился туда — он сказал, что за нами уже вылетел военный вертолет, который будет у нас

через пятнадцать минут.

На наше счастье, ближайшая взлетная полоса находилась недалеко от нас, выяснилось, впрочем, что прежний наш, оборвавшийся, звонок из Мбенти все-таки оказался частично успешным. Мы тогда этого не знали, однако телефон все же успел на краткое время соединиться со спутником, а электронное оборудование Соединенного Королевства смогло усилить его сигнал и определить наше местоположение. Вследствие этого был поставлен на боевое дежурство английский вертолет.

Ожидая его, мы воспользовались ГСП Энди, чтобы уточнить наши координаты и указать вертолету направление подхода. И наконец, я провел самые лихорадочные в моей жизни четверть часа, дожидаясь его появления, улещивая и подкупая сигаретами охочих до стрельбы солдат, уговаривая их не открывать по вертолету огонь. Местные ополченцы привыкли к выкрашенным белой краской вертолетам ООН, британский же был зеленым, и они могли принять его за вражеский.

Вертолет появился точно в срок.

— Как ты думаешь, возьмут меня в летные курсанты? — лишь наполовину в шутку спросил Дэйв.

Потоки воздуха от мощных винтов «чинука» создали подобие мусорной бури, в которой заплясали и каски нескольких гвинейских солдат, не позаботившихся застегнуть ремни под подбородком. Некоторые из местных ополченцев выглядели так, словно они присутствуют при приземлении НЛО.

Через час мы совершили посадку в международном аэропорту под Фритауном и с удовольствием увидели там новоприбывших британских солдат.

Последствия

Прежде чем мы смогли отдохнуть или хотя бы помыться, нам пришлось пройти через «опрос по горячим следам». Кто состоит у повстанцев в лидерах? Где эти люди живут? Каковы их намерения? Где они держат заложников? Есть ли у них зенитное оружие?

Вопросы сыпались один за другим, однако мы испытывали огромное удовлетворение от того, что не являемся больше невооруженными наблюдателями. Конечно, мы не участвовали в активных боевых действиях против ОРФ, однако сведения о противнике, которыми я располагал, могли оказаться оружием столь же убийственным, сколь и боевое. Прожив четыре месяца рядом с повстанцами ОРФ, я узнал их досконально. Чувствовал ли я себя виноватым, рассказывая о них всякие гадости? Решительно нет. Я много работал, стараясь помочь людям из ОРФ разорвать круг насилия, в котором они, судя по всему, завязли. Но они не пожелали воспользоваться щедрыми предложениями, которые могли привести к установлению мира. ОРФ использовал во зло мое доверие, хладнокровно убил моих коллег по ООН, и потому я не испытывал угрызений совести, принимая теперь сторону их противника.

По окончании опроса я промыл забитые грязью порезы на руках и ногах и отправился прогуляться по аэропорту. Первым из появившихся в Сьерра-Леоне подразделений был 1-й батальон воздушно-десантного полка. За два года, проведенных мной в работе с десантниками, я познакомился со многими из их офицерского состава и теперь, сталкиваясь со старыми друзьями, испытывал чувство нереальности происходящего. Приятно было ощущать себя частью организации, способной привнести некоторый порядок в хаос, воцарившийся в Сьерра-Леоне.

Мы выклянчили у десантников часть их рациона, а поев, попробовали отдохнуть. Я был еще слишком возбужден и потому провел большую часть ночи, наблюдая за появлением новых британских частей или смотря по телевизору, установленному в VIP-зоне аэропорта, передачи Си-эн-эн. Пол, Энди, Дэйв и я просидели всю ночь в салоне аэропорта, мирно болтая. Мы все сошлись на том, что нам сильно не хватает вещей, отобранных у нас бандитами. Пол печалился о своем зонте, я — о моем желтом фрисби, о записной книжке и о музыкальных записях, которые собрали для меня друзья. Мы представили, как в эту самую минуту повстанцы, напялившие форму коммандос, валяются на наших койках, слушая записи из моей пестрой музыкальной

коллекции.

Поутру я заглянул в полевой госпиталь, где мне перевязали израненные ступни, потом погрузился с несколькими воздушными десантниками в «чинук» ради короткого перелета вдоль залива в собственно Фритаун. Штаб десантников был развернут в отеле «Мама Йоко», там же, где и штаб-квартира ООН, и мне не терпелось отыскать полковника Джима и поблагодарить его за неустанную заботу о нас. Пока происходила эвакуация персонала ООН, Джим и еще один англичанин по имени Майк установили в домишке, стоявшем у плавательного бассейна отеля, оборудование связи и вели круглосуточное дежурство, ожидая сигнала от нас.

В конце концов я отыскал в тихом углу отеля новый кабинет Джима. Он был одновременно и моим начальником, и коллегой, и другом, так что я не вполне понимал, следует ли мне отдать ему честь, пожать руку или обнять его. В итоге я проделал всего понемножку (к несчастью для Джима, поскольку я уже неделю не менял одежду).

Кабинет Джима располагался в номере с ванной и душем. Джим одолжил мне полотенце и бритву, и я тут же воспользовался большей частью представившихся мне возможностей. Я только не знал, что Джим проводит в соседней комнате совещание, и потому несколько удивился, выйдя в чем мать родила из-под душа и увидев перед собой иранского дипломата, занимавшего в ООН высокий пост, и двух переговорщиков из британской полиции, присланных сюда для освобождения заложников. Впрочем, они удивились куда сильнее, чем я.

Мне не терпелось узнать, что случилось с моими коллегами по силам ООН, и я спросил об этом у Джима. Он сказал, что ОРФ все еще удерживает в заложниках пятьсот человек из персонала ООН. Конечно, я ощущал облегчение от того, что нам удалось бежать, однако особо праздничных чувств не испытывал, поскольку в руках ОРФ еще оставалось множество заложников.

Теперь главная задача состояла в том, чтобы остановить наступление ОРФ на столицу. Я присоединился к патрулю десантников, и мы поехали в центр города, посмотреть, что там творится. Фритаун был до жути тих. Гражданских лиц на улицах не осталось. Кипучие обычно рынки опустели, магазины стояли заколоченными во избежание грабежа. Судя по всему, мысль о том, что́ может их ожидать, внушала местным жителям ужас. Еще живы были воспоминания о хаосе и резне, которые царили в городе, когда повстанцы в последний раз, в январе 1999 года, заняли его.

Единственными местными на улицах были отряды вновь мобилизованных солдат и камаджоров. Вопросов о том, где они взяли оружие, никто им не задавал. Предполагалось, что Фритаун является контролируемой силами ООН демилитаризованной зоной, однако оружие составляло, по-видимому, неотъемлемую часть местной инфраструктуры.

Только что появившиеся здесь британские солдаты с большим трудом отличали повстанцев от дружественных ополченцев, поскольку ни те, ни другие официальной формы или знаков отличия не носили. Я, проживший в стране несколько месяцев, был человеком более умудренным, поэтому меня попросили проинструктировать британцев, поделиться с ними опытом.

Я описывал им внешние отличия различных фракций, одни из них бросались в глаза, другие не очень. К примеру:

> Оружие. Бойцы ОРФ предпочитают АК-47; проправительственные ополченцы склонны использовать британские автоматы.
>
> Прически. У бойцов ОРФ ныне в моде стрижка ежиком; камаджоры предпочитают неровную стрижку «бушмен».
>
> Одежда. Бойцы ОРФ во Фритауне одеваются так, словно хотят выступать в какой-нибудь американской рэп-группе; камаджоры предпочитают, опять-таки, облик «бушмена».
>
> Степень опьянения. Камаджоры, как правило, обкурены, что делает их выговор невнятным; бойцы ОРФ, как правило, обкурены и вдобавок пьяны, что делает их еще и агрессивными. И глаза их от этого постоянно налиты кровью.
>
> Осанка. Бойцы ОРФ расхаживают с таким видом, будто все вокруг принадлежит им; камаджоры бродят с видом отчасти ошалелым.

Если люди вели себя по-настоящему агрессивно — и при этом носили форму, — они, скорее всего, принадлежали к числу нигерийских миротворцев. Кое-кого из нигерийцев, четыре-пять лет занимавшихся в Сьерра-Леоне «миротворчеством», появление британских профессионалов озлобило, и они изливали свою злость на каждого подвернувшегося им британского военнослужащего. За рамки криков и угрожающих поз все это никогда не выходило, однако требовало определенных деликатных переговоров с напоминаниями о том, что все мы выступаем на одной стороне.

Я также рассказал новичкам о местных мальчишках, которые

будут околачиваться возле их позиций. Хотя некоторые из этих детей могли оказаться шпионами ОРФ, если вести себя с ними по-доброму, они превращались в великолепную систему раннего оповещения, поскольку им отлично известно, кто есть кто. Если они и передавали ОРФ какие-то сведения о нас, мы по этому поводу особо не волновались — для всякого здесь было совершенно очевидно, кто такие вооруженные белые солдаты. Так или иначе, разогнать эту ребятню, не устраивая на них облав, не избивая их палками (традиционный местный метод управления толпой) и не открывая по ним стрельбу, было невозможно. Так что лучше привлекать их на свою сторону.

Воздушные десантники установили блокпост на главной дороге, шедшей параллельно пляжу. Покончив с инструктажем, я попросил их постоять в дозоре, пока я буду плавать в океане. И, несмотря на то что в мою сторону было нацелено оружие, такое плавание оказалось превосходным отдыхом.

Взяв под охрану аэропорт, 1-й батальон установил оцепление вокруг штаб-квартиры ООН и приступил к эвакуации всех иностранцев (то есть не сьерралеонцев), желавших покинуть страну. Британская операция по эвакуации некомбатантов была завершена за двое суток. Сразу после этого в Соединенном Королевстве началось давление на британские вооруженные силы — их понукали побыстрее покинуть Сьерра-Леоне, дабы избежать «затягивания миссии» и вовлечения в чужую гражданскую войну в качестве одной из враждующих сторон. Однако вооруженные силы Соединенного Королевства не могли оставить МООСЛ, пока та не вернет себе хоть какой-то контроль над ситуацией. Своевременное появление британского контингента, пусть и немногочисленного, оказалось достаточным для того, чтобы внушить и ООН, и народу Сьерра-Леоне уверенность в том, что захватить Фритаун ОРФ не удастся. Дело было не только в воздушных десантниках, охранявших «жизненно важные участки» (аэропорт, морской порт и сам Фритаун), все знали, что тысяча коммандос способны за пару дней достичь Сьерра-Леоне. А если бы не хватило и их, оставались еще истребители вертикального взлета «харриер», производившие регулярные облеты страны, поднимаясь с одного из двух маячивших на горизонте британских авианосцев — корабля ее величества «Прославленный». Эти истребители, облетавшие укрепления ОРФ и скопления войск, показывали, с чем придется иметь дело повстанцам, если те нападут на британских солдат или поддерживаемые ими силы ООН.

Через две недели после нашего побега во Фритауне появился Фодей Санко. Он и команда его телохранителей попытались

воссоединиться с наступавшими на город частями ОРФ. Появление британских солдат остановило продвижение частей ОРФ, и Санко попытался бежать с полуострова, однако неудачно. 17 мая его схватили. Переодевшись в женское платье, он вернулся в город, намереваясь подкупить каких-нибудь нигерийцев, чтобы те тайком вывезли его из страны. Однако кто-то из местных жителей узнал его. Санко оказался в руках разгневанной толпы, его жестоко избили и прострелили ему ногу. Санко разорвали бы на части, если бы мимо не проезжал британский патруль, который и спас его от линчующей толпы, в чем можно усмотреть определенную иронию, если учесть ненависть ОРФ ко всему британскому. Сейчас, когда я пишу эти строки, Санко по-прежнему сидит в тюрьме — ожидает суда за государственную измену.

Воздушные десантники, как правило, и начинают бой, и выходят из него быстро. Да и появившись здесь лишь с тем снаряжением, какое они могли унести на собственных спинах, воздушные десантники не остались бы в стране надолго. Поэтому на смену им пришли пятьсот коммандос из 42-й команды морской пехоты. Они прибыли на борту авианосца «Океан».

Я провел пару дней, знакомя прибывших морских пехотинцев с Фритауном. Долгое время остававшийся безоружным, я наслаждался ощущением принадлежности к самой сильной в городе группировке. Я специально пришил к своей форме знаки коммандос, а также принял приглашение провести пару дней на борту «Океана», маленького, но гостеприимного уголка Британии, с жареным мясом на обед, теплым пивом и возможностью увидеть основные моменты футбольных матчей — «Челси» как раз победил «Астон Вилла» со счетом 1:0. Вдобавок мне удалось разжиться у начальника снабжения кое-какой одеждой.

После нескольких ночей, проведенных на полу чьего-то кабинета в штаб-квартире ООН, Энди, Пол и я вернулись в дом, где мы прежде жили вместе с другими работавшими во Фритауне англичанами. Затея была отчасти рискованная, поскольку наш ночной сторож был горазд спать, но не горазд сторожить. Чтобы обезопасить себя, мы пригласили пожить с нами нескольких основательно вооруженных коммандос. Теперь, когда британские солдаты оккупировали страну, ОРФ видел в любом британском военнослужащем свою законную мишень. Наученный горьким опытом и понимавший, что ношение оружия стало частью культуры Сьерра-Леоне, я рассудил так: «Если не можешь побить их, стань таким, как они». И потому купил себе за десять долларов АК-47 китайского производства, позволивший мне

чувствовать себя более уверенно.

Меня тревожило то обстоятельство, что вокруг штаб-квартиры ООН слоняются сторонники ОРФ. Принадлежность к ОРФ сама по себе преступлением не являлась, поскольку официально в стране все еще продолжался мирный процесс. Одни мои сьерра-леонские друзья вызвались за малую плату (пять долларов) «убрать» этих людей. Я поблагодарил их за предложение, однако решил, что финансирование внесудебного убийства может быть не лучшим карьерным шагом. Вместо этого я заплатил им те же пять долларов, чтобы они помогли мне найти собаку-охранника. Задача была не из легких, поскольку из большинства местных собак, похоже, давно уже выбили всякую агрессивность, так что обилия кандидатов на эту роль не предвиделось.

Мы колесили по улочкам Фритауна, пока не нашли наконец собаку, которой хватило храбрости хотя бы на то, чтобы громко облаять незнакомых людей. Я собирался дать ей мужественную кличку, что-нибудь вроде Бандит или Клык. Увы, она отзывалась только на имя, которое у нее уже было: Топси. А когда я привел ее в наше становище, перемена обстановки подействовала на бедняжку столь угнетающе, что она напускала лужу при виде любого незнакомца. Впрочем, уход и дрессировка вскоре позволили ей собраться с духом и превратиться в сносную систему охранной сигнализации.

Энди, Пола и меня спросили, не желаем ли мы вернуться для восстановления сил в Соединенное Королевство. Мы это предложение отклонили. Мы играли здесь важную роль, осуществляя связь между ООН и недавно появившимися британскими силами. Военная ситуация все еще оставалась неустойчивой: сотни солдат ООН, в том числе и мой друг и сосед по Лондону Энди Харрисон, пребывали в заложниках, и всем нам очень хотелось как-то помочь им.

Существовала и другая, менее позитивная причина, по которой мы не хотели бы возвращаться домой прямо сейчас: нам нужно было поостыть, и эмоционально, и психологически. Вернись я сейчас домой, из меня вряд ли получился бы приятный в общении человек. Я провел с Анной долгий телефонный разговор, и она со мной согласилась. Мне ужасно хотелось снова увидеть ее, однако сначала следовало успокоиться. Каждый встречный мальчишка все еще казался мне повстанцем, и я не хотел, чтобы то же самое происходило и дома. После выпавших нам испытаний лучшая терапия состояла в том, чтобы заняться делом.

Через неделю после появления британских солдат силы ООН

начали вновь укреплять свои позиции, меж тем как у нас, военных наблюдателей, все еще оставалась работа, которую надлежало выполнять. Мы получили сообщение от ополчения, именуемого «Парни с Запада», на этом этапе они сотрудничали с силами ООН и Соединенного Королевства. «Парням с Запада» удалось отбить у ОРФ городок Рогбери-Джанкшн. Городок этот представлял собой не более чем скопление глинобитных хижин, однако был важен в стратегическом отношении, поскольку в нем пересекались две главные дороги Сьерра-Леоне. Именно здесь ОРФ не так давно использовал тактику «троянского коня», чтобы выбить из городка нигерийских миротворцев. Солдаты ОРФ переоделись в форму взятых в плен замбийцев и принудили замбийских водителей провезти их в замбийских же бронемашинах через блокпосты ООН. Нигерийцы не поняли, что происходит, и многим из них пришлось заплатить за это жизнью. «Парни с Запада» заявляли теперь, что обнаружили в Рогбери-Джанкшн тела казненных солдат ООН, в результате Энди Самсонофф и я получили задание провести расследование. Нас сопровождал тяжело вооруженный патруль нигерийцев, которые временно сменили форму солдат ООН на форму нигерийской армии.

Мы отправились в Рогбери-Джанкшн на нигерийских бронемашинах, с бешеной скоростью несшихся по кишевшей бандитами территории. Достигнув пункта назначения, мы обнаружили, что городок сожжен дотла отступившими частями ОРФ.

«Парни с Запада» отвели нас на край города, в место, расположенное лишь в паре сотен метров от линии фронта. Смрад гниющей плоти заставил нас заткнуть рты и носы. Тела пролежали под знойным тропическим солнцем почти две недели, так что осталось от них немногое. Не нужно было состоять в судмедэкспертах, чтобы понять, что здесь случилось. На некоторых из тел была нигерийская форма, этих людей застрелили в окопах. Они по крайней мере погибли, сражаясь. Рядом были найдены тела замбийцев — их привязали к деревьям и расчленили. Так солдаты ОРФ обошлись с замбийскими водителями, когда те стали им больше не нужны.

Я поднял один из торсов и, одолевая приступы рвоты, обыскал карманы мертвеца, нашел его паспорт и удостоверение. Мы быстро переходили от тела к телу, собирая все документы, какие удавалось обнаружить. Место было не слишком здоровое, чтобы задерживаться в нем надолго, к тому же мы не знали, как долго протянется затишье — бои еще продолжались. Я попросил нескольких местных ополченцев помочь Энди и мне собрать останки и захоронить их в одном из покинутых окопов. Мы

составили план местности с указанием могилы, чтобы тела можно было, когда позволит ситуация, дезинфицировать и отправить домой. Уходя оттуда, я увидел двух солдат, со скучающим видом игравших в футбол человеческим черепом.

Я разозлился и крикнул им: «Что вы, черт побери, делаете? Имейте хоть какое-то уважение!»

Человек с «мячом» не понял меня и, вероятно, решив, что я хочу присоединиться к игре, сильным ударом направил череп в мою сторону. Я преодолел искушение отбить череп обратно, подобрал его и поместил во временную могилу. В Сьерра-Леоне черепом разжиться было легче, чем футбольным мячом.

Меньше чем через неделю, 24 мая 2000 года, два западных журналиста, Курт Шорк из агентства Рейтер и оператор по имени Мигель Гиль Морено де Мора, добрались до Рогбери-Джанкшн в поисках темы для репортажа. Тема нашлась. Они попали в засаду ОРФ и были изрублены в куски.

Я не надеялся снова увидеть кенийских солдат из Макени. В тот день, когда мы добрались до Фритауна, они по радио сообщили в штаб-квартиру ООН, что попробуют с боем выйти из Макени. Мы знали, что некоторые из них уже неделю ничего не ели и едва держались на ногах. И с тревогой ожидали новостей.

Позже мы узнали, что там произошло. Не получив официальных распоряжений от штаб-квартиры ООН, командир кенийцев приказал своим изнуренным солдатам пробиться с боем. Под прикрытием первого сильного дождя 1-я рота погрузилась в машины и на большой скорости пронеслась сквозь глинобитные стены, застав повстанцев врасплох. Кенийцы прорвались сквозь оцепление, паля из всех видов оружия, и проехали по улочкам Макени до северной оконечности города, где воссоединились с 4-й ротой и штабом своего батальона. Затем они колонной двинулись на север, в Кабала — город, который еще удерживала армия Сьерра-Леоне. Весь путь кенийцы проделали под обстрелом, неся большие потери. Уцелевшие застряли в Кабала еще на три недели, по истечении которых их вывезли оттуда вертолеты ООН и британские «чинуки».

У меня состоялась очень теплая встреча с моими кенийскими коллегами. От некоторых их рассказов просто разрывалось сердце. Вот, например, история кенийца, тяжело раненного во время нападения солдат ОРФ на лагерь РДР. Товарищи сочли его мертвым, однако дружественно настроенные мирные жители спасли его и выхаживали у себя дома. Раненый кениец послал к товарищам человека с запиской, в которой просил прийти за ним или хотя бы передать ему с посланцем немного денег и лекарств.

Впоследствии храбрый посланец попытался пробиться в лагерь, привязав раненого кенийца к заднему сиденью мотоцикла. Однако повстанцы прознали об этом и, когда мотоцикл подъехал к лагерю, расстреляли и посланца, и раненого. Да заодно уж вырезали и всю семью посланца.

Невероятно, но после всего, что пережили уцелевшие кенийские солдаты, бюрократы из ООН не позволили им даже бесплатно позвонить домой. А самый короткий звонок по спутниковой связи стоил больше, чем кенийцы получали за месяц. Поэтому мы с Джимом предоставили в их распоряжение телефон, принадлежавший британской армии. В Кении семьям некоторых из них уже сообщили о том, что их близкие погибли, и трогательно было слышать, как закаленные в боях воины-масаи заверяют своих жен, что те все же не стали вдовами.

Что касается Фергуса, то он и его коллеги тоже сумели чудом выбраться из Макени. На рассвете того самого дня, когда мы покинули лагерь, Фергус спокойно и смело вышел из лагеря и направился к удивленным повстанцам. Проявив поразительное хладнокровие, он каким-то образом убедил полковника Каллона позволить ему и его товарищам уйти. Не знаю точно, что сказал полковнику Фергус, однако его обаяние (и несколько тысяч долларов), очевидно, сработало. Фергус и его люди, сопровождаемые полковником Каллоном, покинули на машинах территорию повстанцев.

Я получил во Фритауне сообщение от нигерийского часового — человек, назвавшийся Усманом Камара, пришел к наружному блокпосту отеля «Мама Йоко» и просит о встрече со мной. Усман был учителем, в феврале он помог мне организовать в Макени футбольные соревнования нескольких школьных команд. В благодарность я подарил ему пару ботинок, и мы стали добрыми друзьями. Теперь мы с Усманом отправились выпить, и он рассказал мне о том, что произошло с ним и его семьей.

Как только вновь разгорелась гражданская война, ОРФ начал проводить в Макени «рекрутский набор». И сам Усман, и его шестилетний сын Мохаммед годились по возрасту в рекруты. Не желая присоединяться к ОРФ, Усман с семьей присоединился к десятитысячной колонне беженцев из Макени. Посреди четырехдневного пути жена Усмана, Мариату, родила мальчика.

Потрясенный услышанным, я спросил Усмана, могу ли я чем-то помочь ему. Он поблагодарил, но сказал, что в помощи не нуждается. Уже уезжая в Соединенное Королевство, я дал ему денег, чтобы он создал какой-нибудь маленький бизнес, — как учитель, Усман не получил за три года ни гроша.

А что же Энди Харрисон, майор воздушного десанта,

плененный повстанцами? Я внимательно следил за развитием событий и сейчас расскажу о нем подробней. Он работал в команде военных наблюдателей в Кайлахуне, городе, находящемся в юго-восточной части страны. У него сложились довольно теплые отношения с местными командирами ОРФ, оборвавшиеся в тот день, когда я разоружил в Макени повстанцев. В тот самый день Энди, командира его группы и нескольких индийских миротворцев пригласили в дом командира кайлахунского батальона ОРФ. Поначалу разговор шел дружелюбный, но затем командир ОРФ объявил, что намечается «мирный протест» и что весь присутствующий здесь персонал ООН будет арестован. И тут же в комнату ворвалось около полусотни вооруженных повстанцев, схвативших Энди и его коллег. Объявили, что персонал ООН задерживается в знак возмездия за то, что служащие ООН якобы задержали в Макени десятерых «дезертиров» из ОРФ. То были те самые десять повстанцев, которых мы столь добросовестно разоружили.

Энди и его товарищей выволокли из комнаты и отвезли в опорный пункт повстанцев — деревню Гейма на границе Сьерра-Леоне и Либерии. Обстановка тут сложилась взрывоопасная, особенно после того, как стража сильно избила одного из своих, укравшего часы у кого-то из товарищей Энди. Избитого увели и казнили. То, что повстанцы готовы убить одного из своих людей по столь пустяковому поводу, встревожило Энди. Это не предвещало ни заложникам, ни ему ничего хорошего.

После полудня Энди сообщили, что его скоро освободят, однако на обратном пути в Кайлахун — Энди шел в сопровождении повстанцев — ему вдруг приказали, наставив на него оружие, возвратиться в Гейма. Там его бросили в стоявшую на окраине деревни лачугу. Вечером к нему присоединились и другие заложники из военнослужащих ООН, в том числе русский военный моряк Андрей.

Когда во всей стране назрела опасная ситуация и мы начали сражаться за свою жизнь в Макени, ухудшилась и обстановка в Гейма. Основной удар приняли на себя два белых офицера — Энди и Андрей. Несколько раз Энди говорили, что его вскоре казнят — в отместку за смерть солдат ОРФ, убитых моими товарищами-кенийцами. Его то и дело избивали, а однажды приставили к голове дуло винтовки и приказали «встать на колени и приготовиться к смерти». Энди отказался, сказав, что хочет умереть стоя. Такой акт неповиновения навлек на него жестокие побои, однако в конце концов отвага Энди произвела впечатление даже на тех, кто держал его в плену, и это спасло его от смерти.

По всей стране предпринимались скрытные усилия внести раскол в ряды ОРФ. ООН и Соединенное Королевство проводили психологические операции, стараясь убедить захвативших Энди солдат ОРФ в том, что повстанцы в Макени действуют вопреки желаниям общего руководства ОРФ. Клин забивался между ОРФ Северной провинции (Макени) и ОРФ Восточной провинции (Кайлахун и Гейма). Эта кампания помогла Энди спастись.

Повстанцы дали ясно понять: если кто-нибудь из членов персонала ООН совершит побег, все остальные будут казнены. Товарищи Энди договорились, что бежать следует только всем вместе.

Новость о том, что во Фритауне высадился 1-й батальон воздушных десантников, Энди не порадовала. Если десантники станут сражаться во Фритауне с повстанцами ОРФ, кайлахунские собратья этих повстанцев не упустят шанса поквитаться с пленным британским десантником. Энди сказал остальным пленным, что в случае, если ОРФ понесет потери в боях с 1-м десантным батальоном, он попробует совершить побег. Несколько дней он провел, стараясь услышать сообщения Би-би-си, которое слушали охранники.

Оставшиеся в Кайлахуне товарищи Энди также были схвачены, избиты и посажены под арест в их же собственном доме — там они и сидели до 9 мая, когда их перевели в Гейма. Две роты вооруженных индийских миротворцев Кайлахуна оказались окруженными в собственных лагерях — подобно нам и кенийцам в Макени. Товарищи же Энди раз за разом пытались уговорить своих тюремщиков, чтобы те позволили им вернуться в Кайлахун, в их дом.

Наконец Энди с товарищами перевели в Кайлахун. Условия здесь были немного лучше, однако все они так и оставались в заложниках.

Британские солдаты действовали в Фритауне все активнее, и Энди понимал, что пребывание в городе становится для него все более опасным. Он и двое его товарищей решили попробовать добраться до осажденных индийских миротворцев. В конечном итоге все трое просто сказали охране, что их вызвал к себе командир ОРФ, смело вышли из дома и пошли по городу, борясь с искушением оглянуться.

Двое других пошли к индийским миротворцам, Энди же и вправду отправился к командиру ОРФ, чтобы попытаться уговорить его отпустить тех, кто остался в доме. Как это ни поразительно, военачальник повстанцев позволил пленным посетить позиции индийцев — дабы «помыться». И Энди повел своих удивленных товарищей в лагерь индийских миротворцев.

Оказавшись в лагере, они вовсе не собирались его покидать. Неудивительно, что повстанцы ОРФ пришли в ярость и предприняли несколько попыток выбить их оттуда силой. Однако индийские солдаты, все до единого воинственные гуркхи, были хорошо вооружены. Два дня спустя взвод следопытов (специальное разведывательное подразделение воздушных десантников) перебил под Фритауном немалое число солдат ОРФ. Так что Энди выбрался из лап повстанцев весьма своевременно.

Энди и его друзья просидели в осаде еще два месяца. Время от времени ОРФ пропускал в город конвой с припасами, и нам удалось переправить туда спутниковый телефон, спрятав его в емкости с кулинарным жиром. Теперь Энди мог общаться с внешним миром. Он был против того, чтобы его спасали, ставя под угрозу остальной персонал ООН.

В конце концов, когда ОРФ отказался пропускать какие-либо конвои, силы ООН провели при поддержке англичан операцию по выводу из Кайлахуна всех военнослужащих ООН, включая и Энди. Операция получила кодовое название «Кукри» (по названию боевого кинжала гуркхов). 14 июля 2000 года, в пятницу, на рассвете, под проливным дождем, два британских «чинука» вывезли из Кайлахуна Энди и четырнадцать раненых индийцев. Остальные индийцы, при поддержке вертолетов и артиллерии, прорвали оцепление и соединились с остальными силами их батальона.

Энди за свое исключительное поведение в этих эпизодах был отмечен наградой — орденом Британской империи.

Год спустя ОРФ удалось вернуть в русло мирного процесса. Санко остался сидеть в тюрьме, ожидая суда за государственную измену, однако другим командирам ОРФ повезло больше. Полковник Бао по-прежнему возглавляет Службу безопасности ОРФ. Полковник Каллон, руководивший атаками на силы ООН — это он несет ответственность за гибель моих кенийских товарищей, — был недавно произведен в бригадиры.

Генерал-майор Джетли, индийский офицер, командовавший миссией ООН в Сьерра-Леоне, получил повышение.

К сентябрю 2001 года МООСЛ, похоже, вновь утвердилась в своем прежнем статусе, и процесс разоружения возобновился. Силы МООСЛ выросли с 12 до 17 тысяч. Сейчас, когда я пишу это, МООСЛ еще остается самой большой в мире миссией ООН. ОРФ так и контролирует две трети территории Сьерра-Леоне, но он по крайней мере согласился вернуть МООСЛ ее территории и даже начал разоружаться. Что породило эту смену позиции? После того

как в июне 2000 года основные военные силы Великобритании покинули страну, в Сьерра-Леоне тем не менее осталась группа британских военных советников и инструкторов. Имеющая численность несколько сот человек, она образует костяк, необходимый для укрепления полуразвалившейся армии Сьерра-Леоне. Впервые за десять лет армия Сьерра-Леоне вновь обрела реальную силу, а ОРФ сообразил, что в конечном счете победить в войне ему не удастся. Неудивительно, что повстанцы, оказавшись перед выбором: либо потерпеть военное поражение, либо сотрудничать с МООСЛ, — предприняли некоторые шаги по направлению к миру.

Впрочем, одно можно сказать с уверенностью: ОРФ все еще удерживает алмазные копи и вряд ли отдаст их без боя.

Шесть месяцев моего пребывания в Сьерра-Леоне истекли в конце июня. Утром того дня, в который мне предстояло покинуть Фритаун, я проснулся в горячем поту и с жуткой головной болью. На миг я испугался, что меня снова прихватил приступ малярии, но тут обнаружил, что спал не раздевшись, и вспомнил, что пытался прошлой ночью выпить по стаканчику с представителем каждой национальности, какие только имелись в МООСЛ. А это означало, что я здорово накачался. Следом я обнаружил, что облачен в форму китайской Красной армии. Энди, принесший мне чашку кофе, объяснил, что где-то в середине вечера я поменялся мундирами с майором этой армии… В полете домой я ограничивался минеральной водой и апельсиновым соком.

После того, через что мне пришлось пройти, я только радовался, что возвращаюсь из командировки всего лишь с головной болью. Оставшись практически неуязвимым, я пережил встречи с вооруженными, враждебно настроенными повстанцами, прошел через мучительные испытания зноем и жаждой. Теперь мне не терпелось вернуться домой. И все-таки микроскопическая часть Сьерра-Леоне пробила мою оборону. Она оставалась невидимой и лежала пока, затаясь.

Последнее испытание

Командировка в Сьерра-Леоне закончилась, и все мы заняли прежние наши посты. Дэйв вернулся в Новую Зеландию, в свою часть. Пол служит инструктором в Британской военно-морской академии, обучая новых морских офицеров. Энди провел еще шесть месяцев в Косово и ныне вернулся в Сьерра-Леоне — обучает там рекрутов. Оглядываясь назад, я понимаю, что мы, четверо, представляли собой группу военных, обладавших опытом и знаниями в совершенно разных областях, чрезвычайная ситуация свела нас вместе. И я не желал бы для побега товарищей более отважных. Если бы хоть один из нас дрогнул, перебираясь через ту глиняную стену, не думаю, что мы уцелели бы.

Время от времени я встречаюсь с Полом и Энди за кружкой пива. У нас всегда находится множество тем для разговора — легче снимать груз с души, беседуя с тем, кто пережил то же, что и ты.

Первое, что я сделал, вернувшись из Сьерра-Леоне, — с опозданием отпраздновал свое тридцатилетие (получив в подарок по фрисби от трех разных гостей). Потом я вернулся в Африку, чтобы провести там летний отпуск: мы с Анной лазали по горам Кении. Чтобы акклиматизироваться, мы забрались на Килиманджаро, а после предприняли сложное, многодневное восхождение на гору Кения. Нам пришлось отступить, поскольку, пока мы стояли биваком на узкой площадке, пошел сильный снег, однако мы все же взошли на гору более легким маршрутом. Благодаря друзьям, которыми я обзавелся в Сьерра-Леоне, у меня появилась возможность сыпать громкими именами, беседуя с солдатами на многочисленных блокпостах, расположенных вокруг Найроби. Кенийский батальон, с которым я имел дело, вполне заслуженно считался на родине геройским, и то, что я был с ним связан, приятнейшим образом сказывалось и на мне. После Сьерра-Леоне я легко акклиматизировался здесь и очень много лазал по скалам. Я чувствовал себя более сильным, тренированным и крепким, чем прежде. К сожалению, этому оставалось продлиться не долго.

В начале сентября 2000 года я получил новое назначение — пост штабного офицера в Управлении военно-морского флота в Плимуте. В первые три недели сложности «стратегического управления личным составом» выглядели слишком пугающими, чтобы я смог хоть как-то в них разобраться. После одного особенно головоломного утра я отправился, чтобы проветрить

мозги, на пробежку. День выдался влажный и ветреный, и, помню, я нарочно запрыгивал во все лужи, какие попадались мне в порту. У меня немного побаливало между лопатками, но я не придал этому значения. Приняв душ, я вернулся в кабинет. Я сидел за письменным столом, глядя на забитый цифрами экран компьютера, и вдруг почувствовал, что у меня немеет левая нога. Я решил, что просто сижу в неудобной позе, встал, прошелся по кабинету и сел снова. Но тут стала отниматься нога правая. Потом онемение начало охватывать все тело, да и со зрением стало твориться нечто странное.

Ко времени, когда меня доставили в госпиталь, я был, по сути дела, парализован от поясницы и ниже, а в спине и в голове пульсировала боль. В травматологическом отделении поначалу сказали, что у меня сломан позвоночник. Я усомнился в этом, поскольку все началось, когда я просто-напросто сидел на стуле, и вскоре рентген мои слова подтвердил. Потом ноги стало сводить судорогой. Что-то давило на мой спинной мозг, нарушая работу нервной системы. Если это опухоль, придется делать операцию, и немедленно. Это уже звучало серьезно. Во второй раз за пару месяцев я позвонил отцу и попросил его придумать для матери какое-нибудь утешительное вранье, чтобы она не очень волновалась. Анна, и сама знакомая с повреждениями спины не понаслышке, делала все, чтобы успокоить меня.

Всю ночь я пролежал на госпитальной койке без сна. Странно, что моя удачливость иссякла именно таким образом. Я развлекался, представляя, как колдуны Сьерра-Леоне втыкают иголки в изображающую меня фигурку.

На следующее утро английские врачи принялись колоть меня иголками по-настоящему. Они проверяли утрату чувствительности — ниже пояса я не ощущал ничего. Мною занимался один из лучших невропатологов страны, похоже, однако, что наиболее изощренный метод проверки повреждений нервной системы состоял в том, чтобы втыкать мне в задницу иглу и смотреть, не поморщусь ли я. Я не морщился.

В течение следующих недель врачи провели десятки обследований: опять рентген, анализы крови, поясничные пункции и снова иглы. Образцы моей крови и спинномозговой жидкости рассылались по лабораториям всей страны, включая Школу тропической медицины и даже Портон-Даун — британский исследовательский центр биологического оружия. Врачи одну за другой исключали возможные причины моих симптомов: перелом позвоночника, менингит, туберкулез, раковую опухоль, синдром Гиллена-Барре, рассеянный склероз и СПИД.

В конце концов они пришли к заключению, что я привез с собой из Сьерра-Леоне ненужный мне сувенир — тропический вирус. Он породил разбухание спинного мозга, которое в свой черед повредило нервную систему — заболевание, именуемое вирусно инициированным острым поперечным миелитом. Было ли это связано с чем-то съеденным или выпитым мной, с укусом или же с крысами, с которыми я делил кров в Макени, я, скорее всего, так никогда и не узнаю.

Через несколько дней судороги в ногах стихли настолько, что Анна смогла катать меня в кресле по госпиталю, мне же больше всего на свете хотелось покинуть госпиталь и вернуться домой. Врачи сказали, что выпишут меня, когда я смогу самостоятельно добираться до туалета. После недельных упражнений с костылями я этот путь осилил, однако те несколько метров дались мне с бóльшим трудом, чем десятки километров в джунглях Сьерра-Леоне. В конце концов мой организм справился с вирусом самостоятельно, однако нервная система оказалась сильно поврежденной.

Год спустя у меня было состояние как после инсульта. Особенно слабой была левая нога, да и обеих ног от колена и ниже я почти не чувствовал. Каждое утро я просыпался с таким чувством, точно мои ноги опущены в ведро, наполненное ледяной водой. По временам их поражала неуправляемая дрожь. Мне сказали, что эти симптомы могут постепенно сойти на нет, но некоторые из повреждений останутся навсегда. С физической стороной заболевания я справиться мог, однако исследования показали, что вирус поразил и мой головной мозг. Сообщение о том, что он претерпел незначительный, но все же ущерб, помогло объяснить утрату краткосрочной памяти, ослабление способности сосредоточиться и мучившую меня бессонницу. Все это было плоховатой исходной точкой для получения ученой степени, на которую я нацелился! И это подрывало во мне веру в мои силы.

Несмотря на такое мое состояние, я не мог представить себе ничего более деморализующего, чем полное бездействие, и потому «вернулся на скалы» — для человека с утратившими чувствительность ступнями опыт, не лишенный интереса. Мне было жутковато, Анне же, привязанной к другому концу веревки, приходилось и того хуже: постоянно ждать, что тебе на голову свалится сотня килограммов увечного морского пехотинца — занятие малоприятное. И тем не менее я был полон решимости по возможности вести нормальный образ жизни.

Новизна связанных с болезнью ощущений скоро пропала, и я обнаружил, что лучшая терапия, позволяющая сохранить здравость рассудка, — это работа. Морская пехота оказывала мне

огромную поддержку, в особенности мой последний начальник, Джосс, который не только выполнял за меня мою работу, когда я оказался к ней неспособным, но и терпеливо выслушивал — в течение тех шести месяцев, которые я, вернувшись, провел в служебном кабинете, — мои тупые вопросы.

В определенном смысле я предпочел бы получить конкретное, зримое ранение, с которым можно было бы как-то сжиться, пусть даже утрату руки или ноги. Это звучит как хвастовство, но я привык быть одним из лучших во всем, за что брался, и мысль о том, что я не смогу работать в полную силу и делать то, что мне хочется, приводила меня в отчаяние.

И все же я считал, что мне повезло: жители Западной Африки, обладающие «синдромом шатких ног», не могут даже обратиться к врачу, но говоря уж о той «страховочной сетке», которая не дала мне упасть и окружила меня заботой, — так что я старался и в нынешнем моем положении видеть хорошую сторону. Я знал, что, взбираясь на скалы, получаешь наслаждение от того, что действуешь на пределе своих сил. И надеялся, что то же самое относится и к любым другим человеческим занятиям.

Мне хочется верить, что через пару лет я смогу оглянуться назад и посмотреть на болезнь как на давнее, уже пережитое приключение. Анна была для меня в этом отношении прекрасным образцом: собственную физическую травму она переносила со стойкостью и оптимизмом. Меня вдохновляла любовь к жизни, которую она проявила после несчастного случая, теперь это позволяло нам обоим видеть все в правильном свете. И что бы ни случилось в дальнейшем, мы знаем, что всегда будем вместе.

Я, может быть, и не способен сейчас подниматься на настоящие горы, но приложу все силы, чтобы одолеть другие вершины. Меня еще ждет множество приключений.

Майор Фил Эшби

Несмотря на все испытания, описанные в «Неуязвимом», Фил Эшби по-прежнему относится ко времени, проведенному им в Сьерра-Леоне, положительно. К счастью, со времени написания этой книги здоровье Эшби улучшилось. «Сейчас мои силы восстановились на девяносто процентов, и, хотя оставшиеся десять как раз и составляют разницу между жизнью спецназовца и работой за письменным столом, я считаю, что мне снова невероятно повезло. Врач сказал мне, что смертность при моей болезни равна пятидесяти процентам, а люди, ее перенесшие, нередко проводят остаток жизни в инвалидном кресле, так что все могло обернуться гораздо хуже».

Эшби планирует новые приключения. «Я надеюсь войти в состав команды, которая совершит лыжный поход на Северный полюс. Идти на лыжах придется по ровной местности, поэтому, если ноги меня и подведут, падать будет невысоко, а то, что они лишены чувствительности, скорее хорошо — мозоли меня донимать не будут!»

Вскоре Эшби предстоит сменить армейскую жизнь на гражданскую. Если его жене Анне, которая работает в Министерстве иностранных дел, предложат пост за границей, Эшби думает поехать с ней.

notes

Примечания

1

Крок*и́* (фр. *croquis: croquer* — чертить, быстро рисовать) — здесь: Чертёж участка местности, выполненный глазомерной съёмкой, с обозначенными важнейшими объектами. *(прим. ред. FB2)*